

ХРИСТИАНОС

XXXII

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407-0898

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

Редакционный совет

Наталья Большакова-Минченко –
главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Литва

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*Перепечатка материалов альманаха «Христианос»
возможна только с письменного разрешения гл. редактора*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2023

*Путями,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА. СВИДЕТЕЛЬСТВА. ПРОПОВЕДИ

В 32-м выпуске альманаха *Христианос*, как будто нет единой темы, соединяющей между собой в один сюжет все материалы номера, как часто бывало в *Христианосе*.

Но если мы посмотрим на рубрики этого альманаха, то поймем, что его тексты вполне соответствуют кредо *Христианоса*, которому следуют все выпуски, начиная с первого. Нынешний номер продолжает рассказывать о жизни христиан нашего времени, о судьбах и путях наших современников – людей XX–XXI века, в свете свидетельств о которых, отражается не только исторический контекст и проблематика времени, но и самый дух эпохи.

В рубрике «К 70-летию со дня рождения свящ. Георгия Чистякова» читатель увидит и записи из *Дневника* Георгия Чистякова (в основном, 1988 г.), отражающие, – помимо личных, – события в связи с 1000-летием крещения Руси; публикации поэтов, чьи имена долгие годы были под запретом; уникальные записи о кончине Алексея Фёдоровича Лосева, домашних молитвах об усопшем, в который участвовал Егор, о похоронах Лосева; удивительны также записи о приезде весной 1989 г. в Москву кардинала Жана Мари Люстиже и о его службе в храме св. Людовика.

Еще в эту рубрику входит текст выступления о. Георгия на Международной богословской конференции в Москве в 1994 г. «Слово Божие и молитвослов в жизни прихода», а также шесть текстов об о. Георгии, представляющих собой и воспоминания о нем, и размышления

о его служении, и о том значении, которое имеет для Церкви наследие о. Г. Чистякова.

Далее вниманию читателя редакция предлагает большой корпус текстов из архива Розы Марковны Гевенман, куда входят статьи и воспоминания самой Розы Марковны (о семье Меней), и письма Веры Яковлевны Васильевской к Р. М., охватывающие период с конца 30-х годов по 60-е годы XX века. Эти письма – уникальное, впервые публикуемое наследие, свидетельствует именно «о путях, которыми идет душа человеческая к Богу».

Письма Васильевской «глубоко философичны, наполнены поэтическим восприятием мира, и являются собой удивительный пример христианского мировоззрения».

И в наше время, выполненное тяжких испытаний и непредсказуемого грядущего, голос человека из эпохи сталинских репрессий; фашистской оккупации; голода; жестоких преследований христиан, – этот чистый голос, не замутнённый ненавистью, осуждением, отчаянием – словно послан Богом с Вестью о радости, любви, о красоте, высоком смысле бытия.

Следующая рубрика представляет нам нового героя, впервые появляющегося на страницах альманаха. Но интерес к этому человеку, подвигший нас на собирание материалов о нем, возник давно. Речь идет о литовском священнике-исповеднике, монахе Ордена капуцинов – отце Станисловасе Добровольскисе (1918–2005), дружившем с о. А. Менем. Отношения о. Станисловаса и о. Александра были не только дружескими. Они были братья, они были «одной крови», они оба не побоялись идти за Христом до конца. Святые нашего времени (которое часто называют «постхристианским»), – они столь прекрасны, что невозможно не любоваться ими,

невозможно оторваться от их лиц, от их мыслей, поступков, юмора...

Чтобы читатель познакомился с контуром жизни литовского священника, мы публикуем *Вступление* к книге *Патер*¹ Марии Пранцишки Чепайтите; затем – беседу с ней «Вертикаль в жизни патера»; несколько проповедей о. Станисловаса, переведенных с литовского на русский язык М. П. Чепайтите; впечатления от паломничества в Пабярже (место служения о. Станисловаса) Светланы Долгополовой «В Божьем мире» и поразительную по обобщению и проникновению во внутренний мир наших отцов, статью о. Владимира Зелинского «Два пастыря».

В январе 2023 г. в Литве прошла конференция (организованная Обществом «Диалог культур») «Отец Александр Мень – свидетель современному миру о любви и единстве», и в рубрике «К 88-летию со дня рождения прот. А. Меня» мы публикуем тексты двух выступлений, транслировавшихся на конференции.

В традиционной для *Христианоса* рубрике «Слово пастыря» читателя ждет подборка проповедей отца Владимира Лапшина, произнесённых им – в приходе Успения Пресвятой Богородицы в Успенском Вражке – в 2021–2022 гг. Слово этого известного проповедника всегда очень ценно для альманаха, какую бы тему ни рассматривал данный номер, так как в течение многих лет мы соединены общим устремлением, единством веры. Но в нынешнее время, когда, как сказал поэт: «Развеяны все мифы. Повержены умы», – когда разрушено многое и в человеческих взаимоотношениях, и в церковных общинах происходят разлады из-за подмены

¹ Книга об отце Станисловасе Добровольскисе.

веры идеологией, голос о. Владимира звучит особенно убедительно, ибо остается бескомпромиссным, без единой ноты фальши, и слово его всегда о самом главном – о Христе, о жизни ради Царства Небесного, о жажде встречи с Богом. Это голос Церкви.

И завершающим текстом «Христианоса-XXXII» будет статья Аллы Калмыковой о замечательной женщине, французской христианке Жанне Гийом, почившей в 2023 г. Жанна много сделала для просвещения российских христиан, для евангелизации, для единства.

Итак, дорогие читатели, несмотря на большой объем альманаха, мы не смогли охватить еще несколько дорогих для нас имен, с коими не раз вы встречались на страницах *Христианоса*. Это архимандрит Виктор (Мамонтов), буквально подхвативший наш журнал после убийства о. А. Меня. В 2023 году, 10 сентября о. Виктору исполнилось бы 85 лет; и, конечно, мы помним, что в этом году исполняется 125 лет со дня рождения и 45 лет со дня кончины архимандрита Тавриона (Батозского). И 3-го ноября 2023 г. – 10 лет со дня кончины дорогой матушки Ольги (Слёзкиной) – игуменьи монастыря Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция); и в этом же году – десятилетняя годовщина кончины близкого нашего друга – монахини Малой сестры Клер Латур.

Все они живы в нашей благодарной памяти, и в собрании томов альманаха *Христианос*, – на его страницах они останутся во век. Славим Бога за каждого из этих драгоценных людей. Аминь.

*Редакционный совет
альманаха «ХРИСТИАНОС»*

**К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СВЯЩЕННИКА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА
(04.08.1953 – 22.06.2007)**

*Отец Георгий во время пастырской беседы
в церкви свв. Космы и Дамиана в Шубине.
Москва, 1990-е годы*

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ¹

30/IV-81. Вышел из дома за кефиром для младенца² очень рано, т. к. собирался в храм, но по дороге почувствовал себя плохо, вернулся домой, лег и пролежал до трех часов дня аки труп.

11/IV-1988 года. Сделав эту запись, я действительно заболел и мучился как *minimum* три года. Многое изменилось за эти годы. <...> 18.IV.87 в Страстную Субботу приблизительно в 12-45 дня скончался от рака поджелудочной железы отец³. Почти год прошел с этого дня. Семь лет не делал я, как теперь вижу, дневниковых записей. Многое изменилось. *Fugaces labuntur anni*⁴ и всё больше дает знать о себе *invida aetas*⁵. Нет времени так часто посещать церковные службы, как это я делал ранее, но зато гораздо чаще бывает в церкви мама. Об отце, его жизни и смерти рассказ будет особый, а здесь

¹ Г. П. Чистяков вел дневник в общей 96-страничной тетради, в которой заполнены лишь 47 страниц. Первая запись сделана 31 января 1981 г. Регулярные, почти ежедневные записи велись до 30 апреля того же года и были возобновлены спустя семь лет. В настоящем издании публикуется (с небольшими изъятиями) дневник 1988 г., а также дневниковые записи, относящиеся к маю 1989 г. Места купюр обозначены угловыми скобками. Для удобства чтения большинство сокращений раскрыто безоговорочно.

² Сын Г. П. Чистякова Пётр.

³ Пётр Георгиевич Чистяков (1919–1987), математик, профессор Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

⁴ Летучие года уходят (*лат.*). Струка из «Оды к Постуму» Горация (Оды. II, 14).

⁵ Завистливое время (*лат.*). Из «Оды к Левконое» Горация (Оды. I, 11).

– просто дневник, в котором м. б. хоть сколько-нибудь отразится *fuga temporum*⁶.

Что было в последние дни...

6/IV. Вчера отдал в ОВИР⁷ документы для поездки во Францию летом этого года. Сегодня утром был в Фонде культуры (долгий разговор о том, что надо было делать). Потом поехал к отцу на могилу, где надо было укрепить ограду из камней, собранных мною в переулках Остоженки, где прошло его детство. Потом был в Кузьминках у мамы и после обеда поехал на вечерние занятия. <...>

7/IV. Утром был в ГМИИ⁸ по делам Фонда культуры. Потом сел в 16й троллейбус, доехал до Калитниковского кладбища, оттуда вернулся в институт, после занятий опять на Калитниковское кладбище. Слушал 12 Евангелий. Здесь же была мама⁹.

8/IV. Утром был дома. Звонил по поводу Тита Ливия¹⁰ редактору. Работа сделана, ее хвалят, а договор до сих пор не заключен. Боюсь, что книга выйдет под именем Н. Боданской, которая отказалась от работы.

⁶ Бег времени (лат.). Из «Оды к Мельпомене» Горация (Оды. III, 30).

⁷ Отдел виз и регистрации – созданные в 1935 г. подразделения НКВД (МВД), ведавшие регистрацией иностранцев, прибывших в СССР, и оформлением выездных документов для советских граждан.

⁸ Государственный музей изобразительных искусств.

⁹ Ольга Николаевна Чистякова (1918–2008), ботаник, доцент Московского государственного университета.

¹⁰ Г. П. Чистяков участвовал в издании русского перевода «Истории Рима» Тита Ливия: перу историка принадлежит комментарий к VI–X и XXII–XXX главам.

См.: *Тит Ливий. История Рима от основания города. В трех томах. Т. 1, 2. – М.: Наука, 1989, 1991.*

Договор был заключен с ней (на I–X, XXI–XXX кн.) и до сих пор не расторгнут, а я прокомментировал VI–X, работая ночами etc. Мне говорят: «Вы совершили научный подвиг». Лучше бы уладили дела с договором.

Вечером был в ц[еркви] Всех Скорбящих на Калитниковском кладбище – на выносе плащаницы и погребении Спасителя. Нес хоругвь во время крестного хода. Мама была тоже.

<...>

[10/IV.] Мы с мамой ушли в церковь к 10-30 вечера. Во время крестного хода я, как обычно, нес хоругвь, мама шла с певчими, т. к. хором здесь управляет Ник. Мышкин (сын Ли Ши, переводчика, работавшего в «Прогрессе»). Колю я знаю давно, с тех пор, когда он был студентом, и я в их училище переводил латинские тексты исполняемых студентами произведений для того, чтобы они поняли, о чем говорится в исполняемых ими сочинениях¹¹.

Пасхальная ночь – всегда нечто неповторимое. Об этом написано много, м. б. когда-нибудь напишу об этом и я¹². После службы пошли к отцу на могилу, где долго стояли в темноте у березы; домой (в Кузьминки) приехали на такси, нас встретила Наташа, с которой мы разговелись, и я тут же лег спать, т. к. страшно устал, последние дни почти ничего не ел и к тому же плохо себя чувствовал.

¹¹ О переводах богослужебных латинских текстов см. цикл лекций, прочитанных Г. Чистяковым в Московской консерватории весной 2004 г.: Чистяков Г. Свет во тьме светит. Изд. 2е, доп. – М.; СПб., 2017. С. 217–301.

¹² См. раздел «Проповеди. Пасхальный цикл» в сборнике: Чистяков Г. Библейские чтения: Новый Завет. – М.; СПб., 2020. С. 195–282.

Утром поехали в Калитники – Наташа, Варя, Петя и я. Петя бывал здесь не раз, а Наташа была сегодня впервые.

Папа. Папа. В прошлом году, в самый день твоей смерти, когда ты в своем синем мундире лежал у себя на кровати, я, христосуясь с мамой на паперти ц. Успения в Вешняках, сказал: «Сегодня я потерял не отца, а друга». Когда мне бывает плохо, я всегда спешу сюда, на твою могилу и плачу и стою на коленях, сколько хочу. Сейчас ее украшает обычный металлический крест, и нет для тебя украшения лучше. Но об отце, о его жизни, смерти и похоронах я напишу особо.

Из Калитников поехали в Новодевичий. Здесь пусто, т. к. пускают только по пропускам. Лишь у входа множество милиционеров и небольшая толпа желающих попасть на кладбище, по которому водят за 1 р. с человека экскурсантов, которых очень мало, т. к. экскурсии эти заказываются заранее. Пусто здесь и потому, что теперь хоронить тут запрещено; я хочу сказать, что запрещено хоронить детей в родительские могилы *et voilà* родители нынешнего поколения похоронены уже на других кладбищах, – на могилы дедов и прадедов ходят люди редко, а к телам Суслова, Алиева, Тихонова и других членов Политбюро эпохи Л. И. Брежнева вообще никто не ходит. Это же можно сказать о бывших министрах и других не вошедших в историю персонажах, которые некогда были фигурами.

<...>

11/IV. Из вчерашних разговоров вспомнилось, что в пасхальную ночь на ТВ показали патриарха Пимена прямо из Богоявленского собора и его «Христос воскресе!» могли слышать те, у кого был включен телевизор.

Беседа с патриархом (почти на всю страницу) была опубликована в «Известиях» два дня назад. Отношение властей к религии и Церкви за годы, прошедшие после смерти Брежнева, Андропова и Черненко, изменилось, но не знаю, насколько это серьезно и боюсь, что после того, как 1000-летие крещения Руси будет отпраздновано с помпой в Большом театре, отношения с властями снова станут такими, как были в предшествующий период. Боюсь, но, дай Бог, зря.

<...>

15/IV. Вчера провел на кладбище несколько часов, сегодня – просто хандрю. Трудно собраться с силами и взяться за работу. С того момента, как я сдал Ливия, прошел почти месяц; за это время я не написал ни строчки, работаю только со студентами: с одной группой читаю Тибулла и Проперция по своей книжке¹³, с другой – Овидия (*Daedalus interea...*)¹⁴ по учебнику Козаржевского¹⁵. C'est tout. А надо бы поработать над записками о детстве: я застал то поколение, сформировавшееся и ставшее взрослым до 1917 года, которое теперь уже полностью ушло в прошлое. Это были совсем другие, нежели мы, люди. Тетя Оля, Борис Эдуардович Шпринк, Анна Петровна Фёдорова и др.

Что отличало их как от нас, так и от тех поколений, представителей которых надо, наверное, назвать детьми семнадцатого года (Анна Ал-дровна и Як. Ал. Фёдоровы, сестры Яновские и др.)? Думаю, что прежде всего

¹³ Чистяков Г. Римские поэты. Учебное пособие по латинскому языку для студентов 1–2 курсов. – М., 1986. 74 с.

¹⁴ Овидий. Метаморфозы. Дедал: VIII, 152–235.

¹⁵ Козаржевский А. Ч. Учебник латинского языка для нефилологических гуманитарных факультетов университетов. – М., 1971. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.

щедрость: все они, не задумываясь о том, что надо что-то оставить для себя «про запас» на черный день, дарили всё, что у них было: вещи, деньги, силы, знания... Это было поколение христиан вне зависимости от того, верующими считали они себя сами или неверующими. Так, например, Б. Э. Шпринк всегда подчеркивал то, что он придерживается атеистических убеждений, но при этом во всех своих поступках он был подлинным христианином. Не случайно же апостол Иаков говорит об оправдании делами¹⁶. Мне кажется, что представителям этого поколения, выросшим в эпоху бурного расцвета как естественных наук, так и техники, самой историей было уготовано по-возрожденчески негативно относиться к любым формам традиционного мышления, а в том числе и к вере в Бога – она казалась им архаической и уже отжившей свое формой философии. Именно так говорил о религии Б. Э. Шпринк. При этом все они были воспитаны верующими родителями и дедами, а поэтому сами «по делам их» были христианами, причем в лучшем смысле этого слова¹⁷.

После записи, сделанной 30.IV.81, прошло семь лет. Брежнев, про которого в последние годы его жизни говорили «Брежnev умер, но тело его живет», в конце концов скончался. По ТВ вся страна видела, как его гроб не опустили, а с грохотом уронили в могилу. Его сменил Андропов, ставший вначале наводить железную дисциплину: людей среди бела дня хватали на улицах, в магазинах и даже в кино прямо во время сеансов и проверяли, почему они не на работе. Это продолжалось до

¹⁶ См. Иак 2:14–26.

¹⁷ См. статьи Г. Чистякова «Старушки моего детства» и «Дух, идеже хочет, дышит» в: Чистяков Г. С Евангелием в руках. – М.; СПб., 2015. С. 115–122.

конца января 83 г., когда «сам» вдруг понял, насколько смешно выглядит эта охота, и осудил ее лично.

До августа Андропов появлялся на людях, хотя было видно, что с каждым днем он дряхлеет, затем он стал управлять нами, как тогда говорили, «из-за занавески» подобно тому, как делал это Гудвин великий и ужасный из сказки А. Волкова¹⁸. В начале февраля мы с мамой встретились у тети Маруси¹⁹; мама, пришедшая, кажется, из университета, сказала, что говорят, будто Андропов в реанимации. Дня через два примерно, в полдень мы заметили, что по радио вместо обычных программ передают одну классическую музыку и поняли, что слух подтвердился. Затем (ближе к вечеру) последовало официальное сообщение, повсюду вывесили траурные флаги, и был повторен, причем в деталях, «чин погребения вождя», уже известный нам по похоронам Брежнева. Начался год правления К. У. Черненко, который сначала выступал с речами, потом исчез, появился во время выборов, поддерживаемый с обеих сторон санитарами, и вскоре умер. Иностранные радио называли его «веселым полутрупом», а Горбачёв, выступая на каком-то собрании, недели за две до его смерти, сказал про своего предшественника, что тот является «подлинной душой Политбюро». По этому поводу отец, не дожидаясь встречи со мною, прямо по телефону заметил: «еле-еле душа в теле».

Ритуал похорон был всё тот же, но в скомканном виде. Через месяц состоялся апрельский пленум ЦК,

¹⁸ Волков А. М. Волшебник изумрудного города. – М., 1959.

¹⁹ Мария Ивановна Ворогушина (1902–1984), сестра Н. И. Ворогушкина, деда Г. П. Чистякова.

на котором, как теперь говорят, был определен новый курс, но тогда это было как-то незаметно. Я задумался об этом только через год, когда после публикаций в «Литературной России» и в «Огоньке» в апреле 1986 г. были напечатаны стихи Н. С. Гумилёва. Сначала, правда, мы думали, что это лишь дань юбилею (100-летию со дня рождения), но потом стало ясно, что Гумилёв, действительно, разрешен. Тем не менее, лекцию о его творчестве, которую я читал у нас в институте 21.XI.86 г., партком пытался было запретить, однако через три месяца тот же Спромолот, который испугался моей лекции, назвал ее на заседании ректората образцовой.

После этого события, которое опять-таки было понято сначала так, что Раиса Горбачёва любит Гумилёва и поэтому потребовала его напечатать, стали печататься В. Ходасевич, В. Набоков, Платонов, Замятин и др. Были напечатаны «Собачье сердце» и «Багровый остров» Булгакова. Началась либерализация, но даже теперь, в апреле 1988 г., какова будет ее судьба, пока неясно. Среди моих знакомых больше пессимистов: как кончилась «оттепель» после XX съезда, так кончится и нынешняя, – говорят они. Но я все-таки надеюсь на лучшее, несмотря на то, что темные силы еще очень сильны.

16/IV. Вчера вечером был на утрени (это последняя пасхальная утрена в нынешнем году!) в ц. Всех Скорбящих на Калитниковском кладбище, потом – у отца на могиле.

Интересно было бы проследить, как изменилось отношение газет к 1000-летию крещения Руси, которое будет отмечаться летом сего года. Во времена Андропова и Черненко там можно было найти только бранные

слова в адрес 1000-летия и призывы усилить в связи с этим атеистическую пропаганду, бдительность etc. Затем пресса перестала интересоваться этим событием, хотя кто-то из «атеистов» и тяжкнул на Д. С. Лихачёва, призвавшего общественность страны отметить эту дату как 1000-летие русской культуры и письменности. Появилось несколько статей о том, что на Руси и до крещения была культура, более того, крещение нанесло удар по древнерусской языческой культуре, которая будто бы имела и письменность, и эпос и что-то еще, но всё это погибло в результате христианизации. Все эти публикации были крайне примитивны.

С лета минувшего года настал, если можно так выразиться, третий этап в отношении властей к тысячелетию. Стали печататься интервью с архиереями, статьи о том, как восстанавливается Даниловский монастырь; Церкви были отданы Оптиной пустыни и Толга; наконец теперь, в апреле, дня за два до Пасхи в «Известиях» было опубликовано большое интервью с Патриархом, снаженное его портретом в клобуке и с панагией.

<...>

19/IV. Вчера исполнился год со дня смерти отца. В церкви: мама, тетя Марина, Наташа, Т.В. Голубцова и я.

<...>

Были с мамой у поздней обедни и на панихиде. Цветы, которые вчера принесли те, кто был не на кладбище, а у нас дома, мама передала в алтарь. Потом выпили кофе в кафэ универсама «Таганский». Народу было как в храме, так и на кладбище – много, но не так, как на Пасху. Радоницу сейчас знают главным образом старые люди, а потом у большинства это – рабочий день.

Вчера В. М. Лернер принес несколько фотографий школьного времени. На двух или трех отец есть, но там, где снят Союз воинствующих безбожников, его нет.

20/IV. Разговаривал по телефону с Е. Серг. Голубцовой. Она предлагает мне на три года идти к ним в докторантуру. Не знаю, во-первых, отпустят ли меня из института, а, во-вторых, боюсь, что «свобода» приведет к тому, что я буду слишком много заниматься домашними делами и т. п., а работу всякий раз откладывать на завтра. В 16-00 читал (во второй раз после перерыва) лекцию в Консерватории, вечером – на анг/веч. Со второй группой больше говорил, чем читал «Пигмалиона»²⁰.

21/IV. Утром в Кузьминках занимался с О. Ник. Маминой, аспиранткой из Свердловска, которая написала работу о Сидонии Апполинарии. Потом – в институте продолжил чтение «Икара», начал *Tu ne quaesieris*²¹, но этой группе, как я уже писал, плохо даются стихи. Вечером немного погулял с Петей и Наташой по роще в Ясеневе и очень рано лег спать, устал. Усталость чисто физическая и сплин (депрессия, как говорит Любовь Юрьевна) составляют сейчас мое «я». Это ужасно, т. к. ни энергичности, т. е. желания что-то делать, ни сил (возможности делать это) нет.

«Вот, живу и ничего не делаю»²², – как говорит Гумилёв. Т. е. делаю только самое необходимое – занимаюсь со студентами.

²⁰ *Овидий*. Метаморфозы. Пигмалион: X, 243–297.

²¹ Не спрашивай (*лат.*). Начало «Оды к Левконо» Горация (Оды. I, 11).

²² Страна из стихотворения Н. С. Гумилёва «Я, что мог быть лучшей из поэм...»

Последние дни дают знать о себе и головные боли, которых я давно не испытывал.

22/IV-88. В ноябре 87 года сняли Ельцина, причем в газете опубликовали выступления всех, кто его ругал (а были это исключительно люди брежневской генерации), а того выступления на пленуме ЦК, за которое его сняли, так и не напечатали. По рукам стал ходить текст, но, как говорят, апокрифический. Главным противником Ельцина был Лигачёв, который считается защитником командного стиля в руководстве. На этом, как решили многие, Перестройка закончилась. Затем, в феврале-марте в самых разных газетах (а до этого – в большинстве журналов) стали появляться резко направленные против Сталина публикации, были напечатаны две или три большие статьи о Берии, вышел фильм «Холодное лето 53 года».

В ответ на всё это 13.III в «Советской России» в форме письма в редакцию была напечатана на всю страницу статья, подписанная именем какой-то Нины Андреевой; она содержала апологию Сталина и громила всех тех, кто говорит о Сталине правду, ибо этим он оплевывает историю своей родины. Статья, как говорят, до напечатания прошла через секретариат Е. К. Лигачёва и была им рекомендована к печати, а затем представлена редакторам периферийных газет со словами: «Вот как надо писать!» Прошло недели две, «Правда» ответила Н. Андреевой в академическом стиле, другие газеты, особенно Г. Попов и А. Гельман в «Советской культуре», – очень резко, но чрезвычайно серьезно и, как говорят, Лигачёв получил выговор; сейчас он не появляется в газетах и по ТВ.

Относительно этой истории рассказывают и следующее: статья Н. Андреевой и последовавшее за ней

выступление Лигачёва перед редакторами имели место, пока М. С. [Горбачёв] был в Югославии; когда же он вернулся, то Политбюро осудило Лигачёва, но в отсутствие последнего: он в это время был в Вологде и знакомился с народными промыслами.

Лигачёв – типичный работник аппарата, главный метод работы которого – окрик. Рассказывают, что в школе он был двоечником, а в 60е годы зарекомендовал себя как поклонник Сталина. Свою миссию он понимает примерно так: ни слова правды не должно просачиваться в печать, все решения должны приниматься наверху и в глубокой тайне, затем «спускаться» по инстанциям и т. д. Гумилёв, Платонов, Набоков и Пастернак – народу не нужны; тот, кто печатает их, – враг. Главная же его задача заключается в том, чтобы сохранить бюрократический аппарат и административно-командные методы управления. Он гораздо грамотнее Суслова, и м. б. почти грамотен, но не выглядит, как жрец. Суслов же был «верховным жрецом» той системы, в которой он варился.

25/IV. <...> Надо написать две статьи: первую – о значении классического образования для современной высшей школы, вторую (о которой я уже давно заявил) – о языке философской поэзии²³. Кроме того, в мае надо прочитать лекцию «Античная поэзия и человек XX века» и совместно с Фондом культуры и ГМИИ провести круглый стол «Наука об эстетическом воспитании школьника»... Вот какие научные и общественные занятия я должен завершить до конца года²⁴.

²³ Имеются в виду статьи: «Классическая филология как компонент высшего гуманитарного образования» и «О философских взглядах Горация». Обе работы были напечатаны в 1989 г. в вузовских сборниках.

²⁴ То есть до конца академического года.

<...>

29/IV. Утром был в издательстве. Получил XXII–XXX кн. Ливия в переводе М. Е. Сергеенко. Сдать готовую работу надо к началу сентября. Что же касается договора на VI–X кн., то он до сих пор не заключен. Затем был в СФК²⁵ по поводу того круглого стола, который состоится 20.V: «Ученые об эстетическом воспитании в школе». Когда я был школьником, классный час у нас в классе проходил в тот самый день, когда бывали занятия в музее. Директор его И. А. Антонова написала письмо в школу, где просила о том, чтобы меня отпускали на занятия, а Л. А. Лясковская взяла это письмо и порвала. Вот как смотрели на эстетическое воспитание в 60е годы.

30/IV-88. Сегодня утром читал со студентами «Метаморфозы», у каждой ученицы был свой текст (Pyramus, Pigmalion, Orpheus, Aurea aetas и превращение ликийцев в лягушек)²⁶, а у Нат. Васильевой²⁷ – гибель Лаоконта из второй песни «Энеиды». Такие занятия чрезвычайно полезны; что же касается грамматики, то она на этом материале великолепно повторяется.

Потом поехал в Калитники. Убрал могилу. Каяя-то старушка отдала мне остатки серебряной краски, которой я покрасил заржавевшие кресты на тех

²⁵ Советский фонд культуры.

²⁶ Перечислены фрагменты «Метаморфоз»: «Пирам и Фисба» (IV, 55–166), «Пигмалион» (X, 243–297), «Орфей» (X, 1–105), «Золотой век» (I, 89–112), «Ликийцы» (VI, 313–381).

²⁷ Наталья Эдуардовна Васильева (род. 1970), поэт, бард; деятель движения толкиенистов. Выпускница Института иностранных языков; латынь изучала под руководством Г. П. Чистякова.

соседних могилах, куда никто не приходит. Заехал за чемоданом в Кузьминки и теперь еду на дачу, где мама и Варя находятся со вчерашнего дня, а Наташа с Петей должны приехать из Ясенева после третьего урока.

Вчера Горбачёв принял патриарха Пимена и членов Синода (обоих Филаретов, Ювеналия, Алексия и Сергея с Владимиром; почему-то не было Питирима). Подобного этому событию за семьдесят лет истории не было; но что это: поворот или *spectaculum*? О встрече этой сообщено во всех газетах, что же касается самой речи Горбачёва, то она звучит вполне по-европейски. Вчера в «Правде», которую раскупили во всех киосках мгновенно, была статья о Тухачевском и др., где говорилась главным образом не о том, что они невиновны, а о том, каков был характер обвинений, о чем раньше старались умалчивать.

Чешский социолог, с которым последние дни работала Наташа, сказал: «Такие статьи у нас были возможны только двадцать лет назад, *id est in 1968 AD*». NB!

3/V. Три дня провели на даче с мамой, Петей, Наташей и Варей.

6/V. У меня день Ангела. Дома вечером никого не было, кроме мамы. Утром мы с ней были в Калитниках на литургии, молебне и панихиде, вечером она приехала в Ясенево. На папиной могиле посадили примулы и немного привели в порядок могилку, которая находится рядом с нашей. Служба была очень хороша. Причт поднес мне в подарок книгу о памятниках архитектуры Украины и Молдавии, все подходили ко мне с поздравлениями etc.

<...>

25/V. Вчера утром (в 6 ч.) умер А. Ф. Лосев. Накануне я виделся с Азой Алибековой²⁸, и ничто не предвещало конца. 24го весь день был в СФК и поэтому узнал о его смерти только поздно вечером от Наташи, когда вернулся домой.

Утром 26-го приехал на Арбат. А. Ф. лежал в гробу в большой комнате под иконами. А. А. дала мне псалтырь и сказала: «Егор, почитай». Так, сменяя друг друга, все мы читали псалтырь вплоть до выноса. Вечером в 21 ч. началось отпевание; служил о. Владимир Воробьев, какой-то знакомый мне (но не знаю его имени) батюшка и о. диакон Валентин Асмус. Служба продолжалась более двух часов. Я ушел от Лосевых после 12 ночи, а рано утром снова был у них. Часов в 10 пришел о. Александр Салтыков, мы прервали чтение псалтыри и стали служить панихиду. Затем в 11 с пением «Святый Боже» А. Ф. вынесли из квартиры и понесли в машину.

На Ваганьковском ждало довольно много народа, о. Владимир Воробьев и Асмус. Литию служили близ могилы. Затем довольно долго пришлось держать гроб на руках, т. к. куда-то ушли могильщики. А. А. по просьбе А. Ф. хотела, чтобы над его гробом не было речей, но все-таки И. Нахов, Ю. Давыдов, Н. Чистякова (из Ленинграда) и Зелинский стали говорить. После похорон поехали в ресторан «Арбатский», т. к. квартира не могла вместить всех. Я ушел с поминок довольно быстро на занятия.

28/V. Сегодня Троицкая родительская суббота. Утром был в Калитниках, в ц. и на папиной могиле. Затем

²⁸ Аза Алибековна Тахо-Годи (род. 1922), филолог-классик, ученица и вторая жена А. Ф. Лосева; профессор МГУ (с 1962 по 1996 г. заведовала кафедрой классической филологии).

поехал к Азе Алибековне. Отвез ей просфору, березовые ветки. Она вспомнила, что в последние дни жизни А. Ф. всё подсчитывал, скоро ли будет Духов день, который он особенно почитал. С Арбата пошел на работу, а вечером поехал на дачу.

29/V. Троица. У нас на даче Гриша, Нина, Кирюша²⁹ и тетя Таня Гребенникова.

1/VI. Девятый день со дня кончины А. Ф. В 2 ч. дня панихида на могиле, служили о. Владимир Воробьев, Александр Салтыков и Асмус. Виделся с Лид. Анат. Фрейберг. После панихиды – на Арбате, поминки…

2/VI. Был у А. А. Сегодня утром в ИМЛИ³⁰ было заседание, посвященное 1000-летию крещения Руси. Я там не был. Аза Алибековна прочитала слово Алексея Фед. о св. Кирилле и Мефодии и затем сама сказала о месте веры в жизни ученого. Как выразился выступавший потом здесь митрополит Филарет (Вахромеев), «после той проповеди, которую сказала Аза Алибековна, мне трудно говорить»³¹…

²⁹ Двоюродный брат Г. П. Чистякова Григорий Алявдин, его жена Нина и сын Кирилл.

³⁰ Институт мировой литературы имени М. Горького РАН.

³¹ Этот эпизод Аза Алибековна в своей книге об Алексее Федоровиче Лосеве описывает так: «Заканчиваю слово троепарем в память святых [Кирилла и Мефодия] с просьбой подать душам нашим “велию милость”. “Аминь”, – произнесла я, и зал задохнулся от аплодисментов. Владыка Филарет, митрополит Минский и Белорусский – он выступал после меня – сказал: “С Азой Алибековной трудно состязаться. Она произнесла блестящую проповедь”, – и опять грохот аплодисментов в зале, а передо мной уже лежит огромный букет свежей сирени» (Taxo-Годи А. А. Лосев. М., 2007. С. 443).

7/V-89. Пришел в St.-Louis³² к 8-ми. Во время проповеди отец Станислав сказал, что в 9 ч. будет служить кардинал Lustiger³³. Архиепископ приехал, как предполагалось. Месса шла на латинском и русском языках, Священное Писание читалось по-русски. Кардинал проповедовал на тему Евангелия (St.-Jean 17:11–19). Он сказал, что слова *Jésus leva les yeux au ciel*³⁴ указывают на торжественность молитвы. Кардинал сказал, что из стиха 20 видно, что *Jésus pria et pour vous aussi, pour chacun de vous*³⁵. Когда вы видите, что <вас оставили>³⁶ друзья, может быть даже Церковь, которая иногда бывает далеко, вы должны помнить, что *in horto oliveti Dominus noster*³⁷ молился за вас...

После молитвы *Seigneur Jésus Christ, tu as dit à tes apôtres*³⁸... архиепископ подал каждому из нас руку. В конце – *Courage à tous*³⁹. Мы попрощались у двери за руку. Монсеньор уехал, подарив при прощанье изображение *Notre Dame de Paris* и распятия, напротив которого молился St.-François⁴⁰.

³² Церковь святого Людовика на Малой Лубянке в Москве.

³³ Жан-Мари Люстиже (1926–2007), архиепископ Парижа с 1981 по 2005 г.

³⁴ Иисус возвел очи к небу (*франц.*).

³⁵ Иисус молился и за вас тоже, за каждого из вас (*франц.*).

³⁶ Два слова прочитываются с трудом, так как низ листа поврежден.

³⁷ В масличном саду наш Господь (*лат.*).

³⁸ Господи Иисусе Христе, Ты сказал Своим апостолам (*франц.*).

³⁹ Удачи всем (*франц.*) – прощальное напутствие кардинала Люстиже.

⁴⁰ Французская форма имени святого Франциска Ассизского.

NB: Три старушки встали на колени. Архиепископ, поднимая их, сказал: *Au revoir, mesdames.*

Я поехал на дачу.

10/V. Сегодня был последний урок с детьми из Вязём. Людмила Григорьевна с дочерью были в Житомире у архиерея, который сказал: «В Польше есть светские католики; думаю, что ваш учитель такой же человек». К счастью, ему понравилось, что я читал с детьми *O filii et filiae*⁴¹.

15/V. Купил № 1 и 2 газеты «Церковный вестник»⁴², которая начала выходить впервые <...>⁴³ советской власти. Очень грустно было прочитать анонимную заметку «*Notre Dame* в стиле рок» о том, как бездуховна обстановка у нас в кафедральном соборе. Это к приезду кардинала, что ли? Не знаю, зачем было печатать этот пасквиль.

18/V. Сегодня неожиданно нашлась открытка с изображением алтаря *Sacré-Cœur*... Грустная история.

⁴¹ «О, сыновья и дочери» (лат.) – гимн, написанный в XV веке для чина поклонения Святым Дарам.

⁴² Ежемесячная газета, выходившая в Москве с 1989 по 2012 г.; до 2003 г. называлась «Московский церковный вестник».

⁴³ Одно слово не прочитывается, так как низ листа поврежден.

Священник Георгий Чистяков

**СЛОВО БОЖИЕ И МОЛИТВОСЛОВ
В ЖИЗНИ ПРИХОДА**

Я думаю, дорогие мои, что мое маленькое слово я построю как комментарий к тому, о чем сейчас говорил о. Виктор. Да, действительно, наша духовная жизнь максимально индивидуализировалась. И действительно бывает очень трудно доказать человеку благочестивому, начитанному, далеко не первый год живущему в Церкви, что невозможно быть готовым к участию в Евхаристии, что всё равно, сколько бы мы ни готовились, мы будем не готовы. И встает вопрос: почему это все-таки так? Почему так трудно доходит до нас на практике то, о чем так ясно говорит буквально каждое слово как в Златоустовой литургии, так и в литургии Василия Великого? Почему до нас не доходят, скажем, слова из литургии святителя Василия «Нас же всех от единого Хлеба и Чаши причащающихся соедини друг ко другу во единого Духа Святаго причастие»? Почему мы забываем вообще всё, что говорит буквально на каждой странице своих посланий апостол Павел о том, что мы есть члены Тела Христова, о том, что не может один член обойтись без другого? И задавая себе эти вопросы, я всё больше и больше на них отвечаю таким, быть может, страшным образом: во многом дело в молитвослове. Во многом дело даже и в молитвах ко святому причащению, а не только в утренних и вечерних молитвах. Потому что в этих трех самых больших группах текстов, которые ежедневно или достаточно

часто читают миряне от начала до конца, читают благоговейно, читают с любовью, читают, готовясь как раз к Евхаристии, – в них ни разу, за исключением двух утренних молитв Василия Великого, слово «мы» вообще не встречается. В них мы говорим только о себе, только от своего лица, и просим только за себя. Более того, когда сравниваешь эти наши утренние или вечерние молитвы или молитвы ко святому причащению с молитвами утренними, которые читаешь во время Шестопсалмия, или со светильничными молитвами, которые читаешь в начале вечерни, или с замечательной молитвой святителя Амвросия, которую читаешь, готовясь к литургии, то обнаруживаешь, что они исходят из каких-то совершенно разных миров: один – мир общины, из которого исходят утренние молитвы, читаемые во время Шестопсалмия, и другой – какой-то абсолютно египетский мир отшельника, оставшегося раз и навсегда наедине с Богом и вообще давным-давно забывшего о том, что существуют другие люди. Другие люди, встреча с другими людьми – это, с точки зрения утренних и вечерних молитв, исключительно опасность совершения греха, опасность падения, опасность каких-то духовных искушений. На практике мирянами никогда не читаются молитвы, читаемые в конце часов, эти две утренние молитвы святителя Василия из списка в молитвослове, так же, как и совершенно замечательные тропари из многих канонов, скажем, из канона Одигитрии, или частично иконы акафистов Иисусу Сладчайшему и Пресвятой Богородице. То есть во всяком случае есть прецеденты в наших богослужебных книгах, когда мирянин может и должен молиться не только от своего лица, но и от лица тех, кто по разным

причинам сегодня не молится, и от лица тех, кто молится вместе с ним, и от лица тех, кто не умеет молиться, и вообще вместе друг за друга и о других, конечно, в первую очередь.

Ну а вообще, наверное, не обязательно всем листать богослужебные книги, изучать Часослов и другие трудные, иной раз и малодоступные людям книги, но можно просто вспомнить, что в молитве «Отче наш» ни разу не употреблено слово «я» и ни разу не употреблена какая бы то ни было глагольная форма в единственном числе. Это ясно каждому, и это, по-моему, должно быть для каждого очень большим духовным уроком: всякий раз, когда мы читаем молитву Господню, мы читаем ее и от лица всей Церкви, и за всех – за тех, кто с нами молится, кто не молится, кто не умеет молиться, кто еще только будет когда-то молиться и т. д. Но при этом, конечно, все мы, и я думаю, что из присутствующих здесь очень трудно найти исключение, воспитаны на молитвослове с утренними и вечерними молитвами, молитвами ко святому причащению, где всё от лица моего «я», где всё только обо мне и где вообще отсутствует такое понятие, как Церковь, как община, как братское общение, как какая-то поддержка одного другим. Над этими молитвами не случайно стоит имя Макария Египетского, они все действительно какие-то абсолютно анахоретские, абсолютно отшельнические, абсолютно лишенные вот этого чувства совместной молитвы. Поэтому мне представляется особенно странным, страшным и даже чудовищным, когда, скажем, в семинарии читаются утренние и вечерние молитвы: семинаристов там 100 или больше человек, и вот тут-то как раз место для совместной молитвы, а получается, что каждый молится сам по себе.

Вы знаете, когда я был в армии, одному мальчику прислали посылку, и там была банка сгущённого молока. Он пошел в лес и поглотил эту банку в одиночку. Сами понимаете, что получается после этого: ему было очень плохо, он мучился, говорил, что у него, дескать, всё слилось после этой большой банки сгущённого молока. Так вот когда читаешь наше утреннее или вечернее правило, то слёзы иной раз на глазах выступают оттого, что именно так и получается. В силу того, что эти тексты мы читаем не то что годами, а десятилетиями, мы, православные люди, во многом превращаемся, мне представляется, в христиан такого романтического типа потому, что так мы понимаем нашу веру. Так, в рамках византийской эстетики, конечно, понимали христианство Новалис и его друзья или, например, Каспар Давид Фридрих на рубеже XVIII и XIX веков. И это, конечно, очень страшно. Это, может быть, очень красиво, это, может быть, упоительно красиво, это, может быть, связано с очень большим личным трудом, но это нисколько не способствует срастанию нас воедино, срастанию нас в Тело Христово. И в этом смысле очень страшен, конечно, опыт московской интеллигенции, людей, которые говорят: «Вот этот Великий пост я решил провести в храме Ильи Обыденного». Я спрашиваю: «А вообще-то куда ты ходишь, где твой храм?» – «Ну, я бываю в Сокольниках, бываю еще где-то в пятидесяти храмах». Ну, конечно, допустим, воскресными вечерами Великого поста вся такого рода Москва ходила к о. Всеволоду Шпиллеру слушать его проповеди во время пассий. И вот так люди кочевали из храма в храм, зная, что такие-то службы удаются о. Александру Толгскому, такие-то удаются о. Александру Ветелеву,

такие-то, допустим, акафист святителю Николаю, удаются о. Александру Солертовскому и т. д., и т. д., и т. д. Получалось, что очень многие из православных людей старшего поколения привязывали свою духовную жизнь к определенному храму: вот в такой-то день надо быть там-то, в такой-то день надо быть там-то. И никакой духовной семьи в результате не получалось. Здесь, конечно, ни в коем случае нельзя винить только советскую власть, только КГБ и т. д. Виноваты в этом мы сами.

Теперь последний вопрос, который мне хотелось бы поднять, хотя здесь вроде бы все совершенно ясно, и тем не менее. Когда спрашиваешь у людей про их молитвенную жизнь и про чтение, то оказывается, что в общем большинство из них молится каждый день, прочитывает какое-то свое полное или неполное правило, но вот до Евангелия руки каждый день доходят далеко не у всех. Причем это очень часто люди, которые считают себя церковными уже не 2–3 года, а десятилетия. И вот это по-настоящему страшно, так же как по-настоящему страшно, хотя это и всеобщая практика в нашей стране, с которой вроде бы ничего не поделаешь, – чтение Евангелия спиной к людям. Я не могу понять, как такое могло произойти? Как можно возглашать слово Божие, не обращаясь к людям? Это, конечно, страх и ужас – ничего другого по этому поводу сказать не могу. Что же касается утренних и вечерних молитв, молитв ко святому причащению, то все-таки напомню, что хотя эти молитвы веками печатаются в молитвословах, они не есть слово Божие, они не есть слово Писания, они в конце концов не есть что-то вмененное нам церковным уставом. Я всегда говорю своим друзьям и тем, кто

приходит ко мне на исповедь и за духовным советом: работайте над своим правилом, составьте правило для себя и работайте над ним, беря для него какие-то тропари, молитвы из канонов, может быть, части каких-то канонов Спасителю или Матери Божией, непременно возьмите тексты из всех без исключения богослужений, работайте над своим правилом. Я думаю, что не мы первые в конце XX в. заговорили об этом. Еще святитель Феофан Затворник, человек, которого уж никак нельзя заподозрить в каком бы то ни было модернизме, постоянно подчеркивал, что молитва по книжке подобна писанию по прописям, и говорил, что вот когда вы были маленькими, вы писали по прописям, но когда вы выросли, через год после начала ваших уроков в чистописании вы стали писать самостоятельно. Так вот, ссылаясь на опыт святителя Феофана Затворника, который призывал нас все-таки работать над своей молитвой, а не использовать чисто механически то, что нам предложено, думаю, что я не согрешил, поставив этот понастоящему большой вопрос, но вопрос, связанный с мистической жизнью каждого из нас, с жизнью, которая, несомненно, есть постоянная подготовка к нашему евхаристическому общению. Каждое мгновение нашей жизни есть подготовка к участию в Евхаристии, и, конечно, очень страшно, когда мы, не готовясь, приступаем к этому таинству. Не менее страшно, когда священник, как это часто бывает и в сельских, и в городских храмах, только один готовится к совершению Евхаристии, совершает таинство для себя, причащается один, а потом, через час после окончания службы, приносят младенцев, и во время молебна батюшка отлучается на мгновение, чтобы их причастить. Эта практика очень

страшна. В практике больничного священника для меня ясно, что детки, которые участвуют с нами в литургии, которые причащаются вместе с нами, которые замечательно молятся вместе с нами, на уровне нашей подготовки они, конечно, не готовятся к участию в Евхаристии, но по-своему они готовятся и, наверное, в силу чистоты своих сердец – гораздо лучше, чем мы. Но те миряне, которые служат вместе со мной, – все готовятся. И поэтому во входных молитвах я уже давно не читаю: «И укрепи меня в предлежащую службу сию». Я всегда говорю: «Укрепи нас», потому что для меня абсолютно ясно, что мы совершаляем это таинство вместе. А что касается деток, то они всё больше и больше всасываются в эту литургическую общину, при том что они и маленькие, и очень часто состояние их головок таково, что они не могут освоить на умственном уровне то, что мы делаем, но тем не менее без них я не представляю совершение таинства. Их молитва чрезвычайно нас укрепляет, поддерживает и делает нас подлинной евхаристической семьей. Хотя, повторяю, они и маленькие, и глупенькие, и, конечно, ничего не знают из каких-то там богослужебных книжек или из науки, но они знают Духом Святым, они знают от Господа. Опыт такой литургической встречи с ними, я думаю, абсолютно бесценен и многим из нас действительно очень полезен, нужен, необходим.

А если думать о том, как складывается молитвенное правило ребенка, то я думаю, что оно может складываться только одним путем: если мама с папой и батюшкой, у которого будет время, поговорят с ним и решат, каким образом ему надо совершать молитвенное правило. Совершенно ясно, что нашим маленьким

детям надо и утром, и вечером, и когда-то днем молиться, и мы с очень большим целомудрием должны подходить к детскому молитвенному правилу и с каждым из наших деток беседовать на эту тему особо. Очень важно, когда мы вместе молимся с нашими детьми, вместе читаем прежде всего «Отче наш» и песнь «Богородице Дево, радуйся». Но над этим надо работать. Это опять-таки предмет нашей духовной работы, работы каждого из нас.

Публикуется по: Чистяков Г., свящ. Слово Божие и молитвослов в жизни прихода // Приход в Православной церкви: Материалы Международной богословской конференции (Москва, октябрь 1994 г.). – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2000. С. 137–147. (Публикуется в сокращении. – *Прим. ред.*)

Воспоминания об отце Георгии

Иеромонах Иоанн (Гуайта)

ЧЕЛОВЕК, ВЛЮБЛЕННЫЙ В ХРИСТА

Прошедшим летом, в июне, в Москве скончался отец Георгий Чистяков, один из виднейших иереев Русской Православной Церкви. Интеллектуал, богослов, историк, филолог и переводчик латинских классиков; специалист по латинскому языку и литературе, превосходный знаток католического христианства; литератор-«борец», ревностный защитник хрупкой российской демократии, публицист с мужественной позицией в оценке как церковной жизни, так и политики современного российского руководства; восхитительный оратор, почитатель Данте, влюбленный в Рим и в Италию; специалист по классической поэзии и современной литературе, прекрасно разбирающийся также в классической музыке и изобразительном искусстве; ученик отца Александра Меня и духовник для значительной части московской православной интеллигенции, признанный авторитет для многих нецерковных людей из прогрессивной политической оппозиции; личный друг Иоанна Павла II.

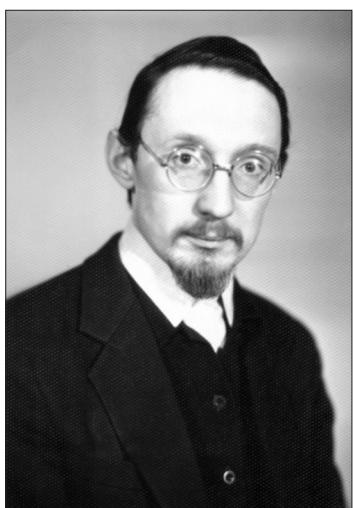
Георгий Петрович Чистяков родился в Москве 4 августа 1953 года. Отец его был математиком, мать – биологом, доцентом Московского университета. В годы учебы Георгий Петрович специализировался на древней истории и классической филологии, окончил МГУ им. Ломоносова. Более десяти лет преподавал греческую и латинскую филологию в различных московских университетах и институтах, одновременно переводя на

русский греческих и латинских классиков (Плутарха, Полемона, Павсания, Тита Ливия) и публикуя многочисленные собственные научные работы.

С 1985 года преподавал библеистику, экзегетику, историю христианства и богословие в ряде светских вузов Москвы, Франции и Ирландии. Широта эрудиции, чистота речи, живой нрав, необыкновенная память и большая оригинальность делали его неординарным преподавателем. Многим студентам запомнились прочитанные им курсы, которые были не просто лекциями, а чем-то гораздо большим, в которых слушателям открывались яркие, необычные стороны всемирной культуры, от античной до современной.

Для многих слушателей его лекции становились встречей с Богом. «До Чистякова я подобного ему лек-

тора не встречал, – написал о нем бывший студент Московского физико-технического института. – Его лекции по курсу “Христианство: история и культура” сразу привлекли к себе значительную аудиторию, включавшую не только студентов, но и профессоров нашего вуза. Главное было в том, что он распахнул перед нами, вскормленными на наивном материализме и атеизме советского времени, незнакомый мир Божественного

Г. П. Чистяков
Москва, 1984 год

откровения. Он говорил о мистической реальности Божественного присутствия с такой непосредственностью и убежденностью, с таким дерзновением и духовной смелостью, что даже те из нас, кто были настроены очень скептически и цинично, не могли не заразиться его верой»¹.

Георгий Чистяков не так уж много общался с отцом Александром Менем, но считал себя его учеником, и многие увидят в нем одного из главных продолжателей его дела. Открытый, как и Мень, встрече с другими христианскими конфессиями, Чистяков одинаково глубоко знал и столь же сильно любил историю, богословие и лингвистическую традицию и восточной, и западной Церкви. После кончины отца Александра он подает прошение о рукоположении в священника Русской Православной Церкви; через два года сорокалетний преподаватель университета Георгий Чистяков становится иереем.

Поскольку в те самые годы я преподавал с ним в одном университете, могу свидетельствовать, что для многих коллег и студентов его тогдашнее решение стало настоящим шоком. Во-первых, мы думали, что пастырские обязанности не позволят ему продолжать блестящую интеллектуальную деятельность ученого и преподавателя, а во-вторых, боялись, что нынешнее преобладание консервативных сил в лоне Русской Церкви вынудит его если не пересмотреть, то, по крайней мере, не выражать во всеуслышание свою предельно открытую позицию. «Зарывает свой талант в землю», – так оценивали многие его шаг.

А знаяшие его близко задавались вопросом, хватит ли этому утонченному интеллектуалу, самоуглубленному,

¹ Из воспоминаний П. Л. Гаврилюка.

довольно импульсивному и достаточно слабому здоровью, сил и, главное, умения, став священником, служить всем, общаться с людьми любого рода, становиться для самых разных людей поддержкой и опорой...

Однако действительность опровергла опасения и сомнения. Приняв сан, отец Георгий не только не перестал преподавать и писать, быть членом правления Российского библейского общества и Международной ассоциации исследований по изучению отцов Церкви, но удвоил сферу своей ответственности, совместив пастырские труды с плодотворнейшей публицистической деятельностью (в качестве члена редколлегии газеты «Русская мысль» и экуменического радио «София») и с работой заведующего религиозным отделом Библиотеки иностранной литературы. Возникло впечатление, что вместе с рукоположением ему были дарованы и дотоле нежданные физические и психические силы. Прежний немощный ученый превратился в неколебимую скалу, в которой нашли опору сотни самых непохожих людей.

Что же касается интеллектуальной честности, то он не только продолжал открыто отстаивать те же самые позиции, но делал это теперь с большей авторитетностью, дарованной саном. Отец Георгий мог бы применить к себе слова отца Александра Ельчанинова: «До священства – как о многом я должен был молчать, удерживать себя. Священство для меня – возможность говорить полным голосом».

Георгий Чистяков принял эстафету духовного и интеллектуального наследия отца Александра Меня, продолжив, в том числе самым непосредственным образом, его дело. Священник московского прихода святых

Космы и Дамиана (объединившего вокруг отца Александра Борисова многих учеников Меня), он продолжил и развил то, чему сам отец Александр Мень только дал начало. В первую очередь речь идет о пастырском служении отца Георгия в Детской республиканской клинической больнице Москвы и о его деятельности на посту заведующего отделом религиозной литературы Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

Православие как религия традиционная, с богатым и сложным обрядом, именно вследствие этой сложности во всей своей полноте раскрывается больше в монастырях. Мирянин из-за сложности литургического языка, длительности богослужений, трудно исполнимых для жизни в миру предписываемых правил иногда оказывается почти на периферии жизни Церкви. Однако есть в Русской Церкви особая духовная традиция, в которой пастырь, священник, иногда даже монах поворачивается лицом к простому мирянину. Эту традицию отличает большая забота о человеке, погруженном в жизнь общества со всеми ее требованиями и устремлениями. Она предлагает ему не бежать от мира, а стараться принести град Божий в средоточие града человеческого. Среди таких пастырей, тех, кто является носителем этой традиции, можно назвать Нила Сорского, Тихона Задонского и Серафима Саровского, уже в предреволюционные годы – Иоанна Кронштадтского и оптинских старцев. После трагедии 1917 года эта традиция как будто прерывается; однако в советское время она прорастает в московском священнике Алексее Мечёве, который предлагал своим прихожанам создать *монастырь в миру*. С поразительной яркостью явила она

себя сначала в Павле Флоренском, а затем – в Александре Мене. Как богослов и пастырь отец Георгий Чистяков, несомненно, входит в эту традицию.

Этот духовный путь предполагает не только конкретное служение каждому ближнему, пребывающему в нужде (бедному, больному, изгою), но и открытость всему, что присуще человеку, в первую очередь – культуре. Такая установка не вполне привычна для православной традиции, в которой монашество и светская культура находились зачастую в трагическом разрыве – в значительно большей мере, чем в западном христианстве.

Отсюда, с одной стороны, служение отца Георгия в детской больнице и, с другой, как столь же важный аспект того же служения, – преподавание, интеллектуальное творчество, публицистическая деятельность. Отсюда – его необычайная эрудиция, его любовь ко всей человеческой культуре, литературе, изобразительному искусству, музыке, театру и кино.

Отсюда же – и политические взгляды, которые побуждали его и после рукоположения часто высказываться по радио и в прессе в защиту демократии и свободы печати, с безоговорочным осуждением войны в Чечне, с обличением каких-либо злоупотреблений властей по отношению к гражданину. Этим можно объяснить и его решительные разоблачения различных попыток со стороны антихристианских политических сил – коммунистов, антисемитов, националистов, антизападников – подчинить православие своим интересам...

Георгий Чистяков обладал необыкновенной внутренней свободой, завидной способностью быть всегда самим собой; ему были не знакомы компромиссы, он

не скрывал своих мыслей, никогда не боялся высказывать собственное мнение, но и никогда не навязывал его другим. Выросший при советском тоталитаризме, он считал свободу каждого наивысшей ценностью и всегда восставал против всякого покушения на свободу как в жизни общества, так и в жизни Церкви.

Естественно, и культурную деятельность, и политическую ангажированность он рассматривал как возможности свидетельства. Вначале мирянином, а потом священником Георгий Чистяков тесно общался с такими интеллектуалами, как историк древнерусской литературы Дмитрий Лихачёв, литератор Сергей Аверинцев, философ Григорий Померанц, ученые, писатели, художники, музыканты. Встречался он и с бывшими советскими диссидентами, правозащитниками, представителями оппозиции и пацифистских объединений.

Для многих бывших коллег, интеллектуалов и политиков он оставался Егором или Георгием Петровичем и после принятия сана; для входивших в Церковь он становился «отцом Георгием»; для всех он был ориентиром, мужественным человеком с отчетливой позицией, совершенно чуждым любому компромиссу и оппортунизму. Среди людей, которых он готовил к встрече с Богом или отпевал, – писатель, поэт и бард, любимец советской молодежи шестидесятых-восьмидесятых годов Булат Окуджава и известный лидер демократических сил Сергей Ющенков. Он также служил панихиду по Галине Старовойтовой, по журналистке Анне Политковской, убитой (несомненно, по политическим мотивам) 7 октября 2006 года. Отец Георгий открыто называл ее гибель «общественным мученичеством».

Вместе со священниками Алексеем Мечёвым, Павлом Флоренским и особенно с непосредственным учителем Александром Менем Георгия Чистякова можно назвать своего рода связующим звеном между традицией XIX века и сегодняшней Россией. Но эта связь, разумеется, у каждого из них была своя, особая, и даже Мень и Чистяков, как учитель и ученик, являли ее каждый по-своему. В самом деле, удивительно: Чистяков, который был моложе Меня почти на двадцать лет,казался связанным с дореволюционной русской культурой более «непосредственным» образом, чем его учитель. Я говорю здесь не о духовной культуре, с которой отец Александр, воспитавшись в катакомбной Церкви, был связан самым прямым и неразрывным образом. Речь о том, что отец Александр мыслил, скорее, как ученый с естественнонаучным образованием, который впоследствии посвятил свою жизнь изучению Священного Писания и Предания – текстов духовных. Что касается отца Георгия, он был гуманитарием «до мозга костей» и был настолько пропитан текстами – причем речь отнюдь не только о текстах духовных, ведь он прекрасно знал художественную литературу XIX века, как русскую, так и европейскую, – что это знание, эта пропитанность создавала весь его облик, речь, манеры и характер общения. Недаром он писал: «Это звучит странно и нелепо, но я родился до революции. Ибо на тех людей, среди которых прошло мое детство, революция не оказала никакого воздействия»².

Так же как и отец Александр Мень, отец Георгий был связан духовными узами с великой русской бого-

² Из статьи «Души их во благих водворятся»; цит. по: Чистяков Г. С Евангелием в руках. – М.; СПб., 2015. С. 235.

словской школой в эмиграции: Сергеем Булгаковым, Николаем Бердяевым, Владимиром Лосским, Георгием Флоровским, Антоном Карташёвым, Василием Зеньковским, Александром Шмеманом, Иоанном Мейendorфом, Николаем Афанасьевым, Александром Ельчаниновым, архимандритом Киприаном (Керном), епископами Иоанном (Шаховским) и Кассианом (Безобразовым) и, наконец, с митрополитом Сурожским Антонием (Блумом), скончавшимся в 2003 году. В последние годы жизни владыки отец Георгий навещал его в Лондоне. Любопытное совпадение дат: 4 августа, день рождения Георгия Петровича Чистякова, – также день смерти митрополита Антония (Блума); 22 июня, дата смерти отца Георгия – также дата ухода из жизни отца Алексея Мечёва...

Георгий Чистяков соединял в себе традицию православной духовности с западной – особенно XX века. Наряду с великими русскими мистиками ориентирами для него в духовной жизни были Шарль де Фуко, малая сестра Магдалена, мать Тереза Калькуттская, Кьяра Любич, Джуссани, брат Роже Шютц, отец Веренфрид ван Страатен и Жан Ванье, с которыми он встречался. И еще – Симона Вейль, Эдит Штайн, Анна Франк, Жак Лёв, Мартин Лютер Кинг, которым в одной из своих книг он посвятил целую главу со значительным заглавием на латинском языке, взятым из Послания апостола Павла к Евреям: «*Quorum imitamini fidem*» (Подражайте вере их³).

³ Евр 13:7. Речь идет о главе 3 книги «В поисках Вечного Града».

*С митрополитом Антонием (Блумом).
Англия, 27 мая 2001 г.*

Отец Георгий Чистяков был человеком синтеза и единения. Сергей Булгаков сказал о Павле Флоренском, что «в нем встретились Афины и Иерусалим». Тот же синтез классической философии и Откровения совершил своей интеллектуальной деятельностью отец Георгий: синтез эстетики греко-римской Античности и духовности восточного и западного христианства – в литературе, искусстве и мысли.

Об этом свидетельствуют уже сами названия различных его работ, таких как «Пасхальная победа: Иисус и Гораций», «У подножия Парфенона», «Афины и Рим» и, наконец, его книга «Римские заметки», которой он дал еще и итальянское заглавие – «All’ombra di Roma»⁴. О нем, несомненно, можно сказать, что он чувствовал себя одинаково свободно в Риме, в Афинах и в Москве – как в том смысле (воспроизведя метафору

⁴ Под сенью Рима (итал.).

Булгакова), что он великолепно ориентировался во всех трех культурных пространствах, так и в том, более конкретном смысле, что он, казалось, и впрямь живет одновременно в этих трех городах.

Впрочем, и исторические эпохи в нем также встречались и сосуществовали. «Отец Георгий казался гостем из Вечности. Так легко было представить, что позавчера он встречался с Плутархом, вчера – с гениями эпохи Возрождения, сегодня с утра – с философами Серебряного века, а теперь вот запросто разговаривает с вами», – так написал о нем московский поэт и эссеист Михаил Поздняев.

Отец Георгий был известен как экуменист. Действительно, он жил в Единой Церкви. В первую очередь потому, что, глубоко зная ранних Отцов и испытывая живую любовь к христианскому Западу, он как будто и в самом деле жил в неразделенной Церкви. И, конечно, к нему самому можно отнести то, что он говорил о своем учителе Александре Мене: «Отец Александр пришел к нам из единой неразделенной Церкви, Церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого, Амвросия Медиоланского, блаженного Августина, Григория Двоеслова, Ефрема Сирина, прп. Сергия Радонежского, св. Франциска Ассизского, прп. Серафима Саровского...»

Глубоко укорененный в православии, Георгий Чистяков просто не признавал существенных расхождений, по крайне мере – с Католической Церковью и с древними дохалкидонскими Церквями. Поскольку он был большим знатоком богословия и культуры восточного и западного христианства, ему были хорошо известны различия между православием и католицизмом,

как богословские, так и исторические, культурные и психологические; но он не усматривал в них причин для разрыва и настоящего разделения. Его принадлежность Православной Церкви не мешала ему не только видеть всё хорошее, что есть в Католической Церкви, но и уважать и любить ее. Как в связи с этим говорил отец Александр Мень, любовь к собственной матери не обязательно предполагает ненависть к матери соседа...

Из-за своей искренней любви к католицизму отец Георгий переносил немало неприятностей со стороны самых консервативных православных кругов: нападки, подозрения, обвинения, критику. Многие считали его «криптокатоликом». И когда как-то раз один собрат, православный священник, без особых церемоний бросил ему в лицо этот эпитет, желая его обидеть, отец Георгий и вправду обиделся. Он сам мне потом об этом рассказывал. Но обидела его первая часть эпитета: «Но почему же *крипто*?». Он ведь и не собирался скрывать, что живет в Церкви «единой, святой, соборной и апостольской» – где в слове «соборная» отражен смысл греческого слова καθολική: вселенская, не знающая ни разделений, ни расстояний и присутствующая вся целиком каждый раз, когда хлеб и вино становятся Телом и Кровью Господа.

Католический архиепископ Москвы Тадеуш Кондратович, бывший на его похоронах, сказал, что смерть отца Георгия – потеря и для Католической Церкви, и дал распоряжение всем священникам своей епархии поминать его за мессой.

Вместе с тем большая приязнь к западной Церкви не могла заставить его слепо восторгаться ею или относиться к ней некритично, закрывая глаза на ее

несовершенства и недостатки. Его симпатии не помешали ему заявить, что некоторый провинциализм поместной Католической Церкви в России и ее прозелитические устремления последних пятнадцати лет обманули ожидания многих представителей советской интелигенции его поколения.

Особенно замечательной и удивительной страницей истории отношений отца Георгия с католицизмом была его личная дружба с Иоанном Павлом II. Он познакомился с Папой через известную журналистку Ирину Иловайскую-Альберти, с которой тесно сотрудничал в газете «Русская мысль» и на экуменическом радио «София». «Молодой» русский православный священник, невероятно образованный, блестяще знающий католицизм, открыто экуменически настроенный, не мог не вызвать симпатию у пожилого польского Папы. Он по-отечески называл космодемьянского батюшку «Ежи» (Георгий по-польски) и хотел его видеть у себя за обедом каждый раз, когда тот приезжал в Рим.

Один друг записал фрагмент рассказа отца Георгия о его встречах с понтификом. «“Я молюсь о тебе, Ежи”, – так меня называет Папа на своем языке, по-польски. Мы читаем вместе Евангелие, по очереди, на разных языках – итальянском, греческом, латинском, французском. Он меня просит читать по-русски и кивает головой, когда узнаёт слово... Я читаю на церковнославянском, он на польском. “Жду тебя, Ежи! Я рад, когда приходишь. Заходи почаше, Ежи”. Так он меня зовет... И молится обо мне по-польски, как о сыне...»

Надеюсь, что когда-нибудь история этих отношений станет достоянием общества. И станет свидетельством

взаимного стремления к восстановлению единства на самом высоком уровне, и именно в ту пору, когда официальные отношения между двумя Церквами особенно ухудшились. Пока же нам остается довольствоваться немногими отголосками того, о чем поведал отец Георгий некоторым друзьям.

Это были годы наибольшей напряженности между Московским патриархатом и Римом: греко-католики в Украине, возрождение и расширение католического присутствия на территории России... На этом фоне дружба между рядовым православным священником и главой Католической Церкви выглядела очень подозрительной и ее следовало держать в секрете. Но, вернувшись из Рима после первого обеда у своего нового друга, отец Георгий пишет патриарху Алексию. Патриарх ему не отвечает. Но не запрещает ему посещать высокого друга и не предпринимает никаких серьезных мер против своего непредсказуемого и неудобного священнослужителя. История Церкви состоит из внешне незначительных событий. И еще она состоит из одинаково весомых слов и молчания.

Даже эта дружба, несмотря на масштаб друга, не привела отца Георгия к восторженному ослеплению. Помню его рассказ об их дискуссии по поводу папского авторитета, в которой отец Георгий говорил, что «мы, православные, хотели бы видеть в римском архипастыре лишь примат чести». Дискуссия закончилась категоричным утверждением Папы о данной ему высшей власти и заявлением: «Я не какой-нибудь *primus inter pares*⁵», — сопровождавшимся ударом по столу уже дрожащего от слабости кулака...

⁵ Первый среди равных (лат.).

Отец Георгий встречался с понтификом много раз, встречался и в годы, когда уже тяжело больной Папа проходил через страшные испытания. Он присутствовал на последней пасхальной мессе, которую Папа отслужил 27 апреля 2005 года, и был на площади святого Петра в среду Светлой недели, 30 апреля – за три дня до его смерти, когда Иоанн Павел II в последний раз показался народу, ненадолго появившись в окне. Перед ошеломленной толпой и телекамерами всего мира Папа сделал громадное усилие, чтобы заговорить, но так и не смог.

«Le prêtre est un homme à manger» (священник – человек, отанный на съедение), – часто повторял отец Георгий по-французски, цитируя Бернаноса. И было ясно, что с тех пор, как он стал священником, такова была программа его жизни: отдавать себя «на съедение» любому, кто мог в нем нуждаться. Он себя не жалел. Утром – труды на приходе: служение литургии, исповедь. Затем – работа в газете, на радио, в библиотеке. Потом – преподавание или лекции, интервью. По вечерам часто пастырские беседы, молитвенные встречи, другие лекции, курсы катехизации. В редчайшие свободные минуты, бывало, ему приходилось отправляться со Святыми Дарами к больным или разговаривать с людьми, попавшими в трудное положение. Статьи и книги он писал по большей части ночью.

По субботам в детской больнице (крупнейшей в стране) он служил литургию для детей из онкологического отделения или ожидающих пересадки органов. После службы обходил отделения, чтобы принести причастие лежачим: таких причастников могло быть и семьдесят, и восемьдесят. Затем – исповеди, общение

*Причащение в Покровской церкви в РДКБ.
Москва, 1990-е годы*

денежных средств по всему миру. Последнее позволило провести трудные и дорогостоящие операции, которые буквально спасли жизнь сотням детей. Но главное – этот кабинетный ученый продемонстрировал потрясающую способность быть рядом со страдающими детьми и разделять их боль; отец Георгий готовил сотни детей к встрече с Господом, крестил и исповедовал множество родителей. Смерть каждого ребенка означала для него не только необходимость поддержать родителей: он переживал ее как личную трагедию, которая ставила глубокие вопросы перед его верой. Об этом свидетельствует его статья «*Нисхождение во ад*» – возможно, прекраснейшие из оставленных им строк.

с умирающими детьми, беседы с отчаявшимися родителями. За почти пятнадцать лет служения в этой клинике – сначала в сане диакона, а затем священника – рафинированный интеллектуал и специалист по мертвым языкам обнаружил удивительный организаторский талант: с командой мирян он наладил работу по добровольной помощи детям и приему родителей, приезжающих со всей России, а также обширнейший сбор лекарств и

Всё это было его обычным ритмом жизни. Но добавлялось и многое другое. Помню, как однажды я позвонил ему с вопросом, не посоветует ли он мне православного священника, который мог бы посвятить время заботе о наркоманах. Дальше я стал извиняться, говоря, что мне хорошо известно, насколько он занят, но он прервал меня: «Пойду я. Я еще ничего не делаю для наркоманов!».

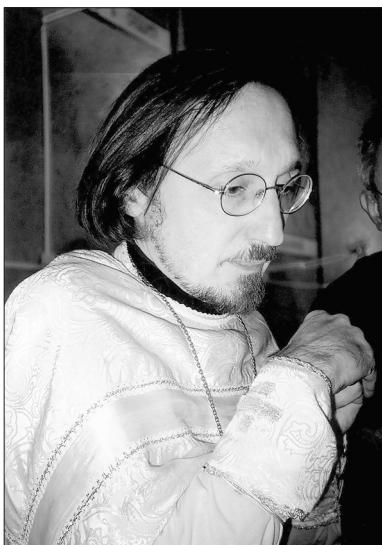
Отец Георгий был всегда слаб здоровьем, подвержен всяческим недугам и хворям. В последние пять лет он страдал тяжелой болезнью: кто-то говорил о лейкемии, может быть, это была другая патология крови; в общем, болезнь необратимая и прогрессирующая. Лечение предполагало прием очень сильных лекарств, из-за которых у него развивалась чрезвычайная слабость. По мере того как болезнь прогрессировала, в последние два года он едва держался на ногах, часто был вынужден на что-нибудь опираться, шатался, шаркал. В общем, сам пребывал в состоянии, похожем на то, которое испытывали многие его маленькие прихожане из детской онкологической больницы. Но он по-прежнему не жалел себя.

Рижский издатель журнала «Христианос» и друг отца Георгия Наталия Большакова рассказала: «Однажды вечером после длинного трудового дня, который начался с литургии, потом – лекций, и уже после работы в Библиотеке иностранной литературы – он говорит, что еще должен сегодня поехать куда-то далеко, чтобы исповедовать какого-то больного человека, причем незнакомого. А сам уже на пределе – страшно устал, чувствует себя плохо. Машины, естественно, нет, добираться туда

долго и сложно. Я предлагаю позвонить, сказать, что не может приехать, что далеко, уже поздно, чтобы завтра позвали священника из церкви, которая поближе к дому, – ведь в Москве пятьсот священников; раз отец Георгий не его духовник, значит, можно и другого позвать, нет необходимости именно ему ехать... Отец Георгий соглашается – да, сейчас позвоню, всё правильно и нет никаких сил... Звонит, просит прощения, что он еще не едет, потому что только что освободился, уточняет, как доехать, где делать пересадку и т. д. Потом смотрит виновато: “Надо ехать, не могу я не поехать...”»

Необычайный дар красноречия, которым обладал отец Георгий, сделал из него исключительного проповедника, так что некоторые его друзья шутя называли

его «русским Златоустом». В особенности в первые годы после его рукоположения интеллектуалы и молодые люди, обычно церковь не посещавшие, воскресным, не слишком ранним утром шли в храм Космы и Дамиана, что в центре Москвы, послушать образованного священника. Проповеди, как правило, посвященные Евангелию или лiturгическому празднику дня, были глубокими размышлениями, в центре

Во время богослужения.
Москва, 1990-е годы

которых всегда стоял Христос, встреча с Ним, жизнь в Боге. Впрочем, в них вмещалось всё: Пушкин, Гораций и римская поэзия, Тереза из Лизьё, Максим Исповедник и мать Тереза, Флоренский и Бродский, преподобный Сергий и Сент-Экзюпери, но также – война в Чечне и актуальные политические проблемы России. Всё служило обрамлением и материалом для благовестия. Не помню, чтобы я слышал от него хоть одну скучную нравоучительную проповедь (вроде сухой лекции по катехизации или догматического трактата), гневную филиппику или бичевание сегодняшних нравов. Его русский язык был литературным, но без манерничанья, доводы – оригинальными. Он говорил увлеченно и даже пылко; слушать его было всегда приятно.

Но было нечто, что поражало в его проповедях еще больше, чем эрудиция и ораторский талант: глубина и искренность. Георгий Чистяков был человеком, влюбленным в Христа, в жизнь с Богом, в Евангелие, в служение другим и во всё хорошее и прекрасное, что создали люди всех эпох и культур. Человеческая гениальность говорила ему о Боге. Была в нем некая основополагающая наивность, которая,

Великопостное богослужение.
Москва, начало 2000-х годов

в общем-то, вступала в противоречие с глубиной эрудиции, смелостью и дерзновенностью его мыслей. Врожденная добродетель, которую можно назвать целомудрием («не только в сексуальном, побочном значении», – говорил он всякий раз, когда использовал этот термин, цитируя замечательного богослова Александра Шмемана). «Он любил Христа, как ребенок» – назвал свой некролог известный московский журналист Дмитрий Власов, его друг. Именно эта чистота евангельского ребенка, чистота влюбленного в Христа позволяла ему улавливать красоту повсюду.

Настоящий человек молитвы, этот лингвист, мастер слова, превосходный проповедник и талантливый оратор очень любил тишину. Этот человек дела, который постоянно и конкретно служил другим и трудился параллельно на разных фронтах, не исключая политического, был на самом деле мистиком, любителем безмолвной сосредоточенности, углубленной сердечной молитвы, созерцания тайны Божьей. Он не упускал ни одной возможности сосредоточиться перед лицом Бога; делая это, он обращался к духовным сокровищам как восточной, так и западной Церкви. Во время дальних поездок, в поезде или в самолете, мог читать Добротолюбие или католический бревиарий; передвигаясь в метро, чередовал сердечную молитву русского Странника с латинским розарием. Он никогда не расставался со Словом Божиим, которое знал в совершенстве и продолжал изучать. Но Писание и, в частности, Евангелие было, прежде всего, глубоким содержанием его жизни и уже затем, лишь во вторую очередь, предметом изучения. Он постоянно размышлял над ним, перечитывая его каждодневно на знакомых ему языках (иврите,

*«Христос посреди нас!»
Служба в церкви свв. Космы и Дамиана в Шубине*

греческом, латинском, церковнославянском, русском, французском, английском, итальянском, немецком) и в самых разных переводах – чтобы уловить все его нюансы.

Глубокий знаток восточного и западного литургического достояния, отец Георгий «проживал» литургию со всей своей искренностью и непосредственностью: она была для него действительно – я бы сказал, почти осязаемо – встречей с Христом Воскресшим. В византийской литургии перед пением Символа веры в алтаре служащий священник обращается к сослужащим со словами «Христос посреди нас!», а они отвечают ему: «И есть, и будет». В храме Космы и Дамиана настоятель отец Александр Борисов и отец Георгий распространяли этот обряд на всех верующих. Для отца Георгия возглас «Христос посреди нас!» был не только литургической формулой, но и возвещением реального

факта, который он, можно сказать, видел своими глазами и от которого ликовал. Так вся литургия, в согласии с этимологией этого слова, становилась для него общим делом общины, которая встречает возвращающегося Господа.

Приход был для него подлинной общиной. Каждому, кто знал отца Георгия, известно, что у него была феноменальная память: во время литургии он мог читать положенный отрывок из Евангелия на церковно-славянском, держа в руках закрытую книгу; цитировал наизусть целые псалмы на латинском (перевод Библии святого Иеронима, Вульгата, обладал для него непрекаемым авторитетом, а самого Иеронима он как хороший переводчик почитал особо). Он помнил по именам сотни и сотни прихожан. И если хоть однажды общался с человеком, ему уже не нужно было просить его напомнить свое имя перед отпущением грехов или перед причастием. Он помнил не только имя, но и духовный путь сотен людей, которые у него исповедовались, проблемы, обсуждавшиеся прежде; так от раза к разу исповедь становилась настоящим духовным странствием, совершааемым вместе.

Да, велики были его любовь к литургии и проповеднический дар, но особое, ни с чем не сравнимое место в его священническом служении занимала, несомненно, деятельность исповедника. Каждое воскресенье, все два часа, пока шла литургия, меж тем как другой священник вел службу, отец Георгий исповедовал одного за другим десятки людей. И для каждого у него был определенный совет, особое слово, приветливый жест. Прихожане храма Космы и Дамиана помнят его, главным образом, таким: он стоит у аналоя, на котором

лежат Евангелие и крест; позади – длиннейшая очередь из ожидающих, интеллектуалов и простых людей, взрослых, молодых, пожилых, детей. Так было и тогда, когда он едва держался на ногах и вынужден был опираться на аналой или на человека, которого исповедовал.

Он был в некотором роде старцем нашего времени. Непреклонно строгий к себе, он был необыкновенно милосерден как исповедник. Он повторял, что хуже всего для человека, который начинает посещать храм, когда тот «вычитывает» правило утром и вечером, постится, но в вере более всего ориентируется именно на ритуал. Пугается от того, что слегка нарушил пост, но не видит, что грубость, эгоцентризм, обидчивость, злоба и тому подобное много хуже, чем съеденная вчера котлета».

Он с большим уважением относился к ответственности каждого и не только никогда не давал за исповедью категорических предписаний, не навязывал свою точку зрения, но старался сделать так, чтобы человек сам пришел к тому или иному решению. Многим, кто требовал точных норм и ясных наставлений, кто спрашивал у него, например, как часто следует участвовать в литургии или в Евхаристии, он отвечал, что участвовать совершенно обязательно... всякий раз, когда чувствуешь в этом потребность. Как он очень часто говорил, мы не должны бороться с грехом; скорее, нам следует возрастать в любви к ближнему. И тогда мы заметим, что нам становится тесно в наших всегдаших пороках и грехах, как подрастающему ребенку – в прошлогодней одежде.

В одной из молитв, с которых в Русской Церкви начинается таинство исповеди, священник напоминает

исповедующимся, что «Христос невидимо стоит», принимая исповедь, и что он, исповедующий – лишь свидетель. Отец Георгий на исповеди давал тебе ясно почувствовать, что он только свидетель, и в каком-то смысле вставал рядом с кающимся. И порой случалось, что, слушая исповедующегося, он приговаривал: «К сожалению, так и со мной бывает», – или что-нибудь в этом роде. А завершал обычно так: «Давайте, я буду молиться за вас, а вы за меня» или «Будем стараться идти вперед вместе», «Будем вырастать из наших недостатков». Часто он выслушивал исповедь, положив тебе руки на плечи – как бы обнимая. Я никогда у него не спрашивал, делает ли он это лишь для того, чтобы отдохнуть, опервшись на кающегося, или сознательно хочет повторить жест отца, обнимающего блудного сына на знаменитом полотне Рембрандта, которое хранится в Эрмитаже... В любом случае ты не мог не думать о милосердии Отца, заключающего тебя в объятия. В общем, исповедь была возвращением в Отчий дом и в то же время – радостной встречей с братом, который вставал на твою сторону.

Но если, исповедуя, он был так милосерден и участлив, то по отношению к фарисейству и лицемерию любого рода он был чрезвычайно строг и даже беспощаден. Он не представлял себе христианства, состоящего из одного соблюдения внешних правил, без полной перемены жизни. Так же решительно он боролся с различными формами фундаментализма и нетерпимости. Он считал, что многие люди, принявшие крещение в Православной Церкви на излете советской эпохи, возможно, после многолетней деятельности в партии или

в комсомоле продолжали по инерции воспроизводить, уже внутри Церкви, тот же тип отношений. Как он говорил, некоторым вера и Церковь просто заменили идеологию и партию прежних дней. Такое «христианство без Христа», по его мнению, могло быть с легкостью использовано политическими силами, заинтересованными в том, чтобы православие превратилось в одну лишь национальную идею, а Церковь – в послушного подданного.

Эта ситуация, как он полагал, оборачивалась для Церкви целым рядом недугов. Среди них – постоянный поиск врагов, внешних и внутренних, потребность проверять других на чистоту «идеологии», чувство превосходства по отношению ко всем неправославным (другим христианам, верующим других религий и неверующим), а также – антисемитизм, антизападничество, расизм, шовинизм, проявляющийся в отвержении мигрантов с Кавказа или из других бывших советских республик. Его также беспокоило высокомерное, если не сказать – презрительное отношение к культуре со стороны неофитов. Отец Георгий посвятил много сил и немалую часть своего интеллектуального творчества привлечению внимания к этим новым для Православной Церкви проблемам. В этих случаях его слово, написанное ли в книгах и в бесчисленных статьях, произнесенное ли по радио или с амвона церкви, приобретало остроту клинка. Подобно «мечу», который Христос, по Своему слову, пришел принести на землю.

В субботу вечером 13 января 2007 года, в разгар московской зимы, на Георгия Чистякова было совершено

нападение: таксист, который вез священника в церковь на всенощную, неожиданно ударил его, отобрал мобильный телефон и выкинул его на ходу из машины. Отец Георгий получил болезненный перелом правого плеча. Через два месяца, ровно посередине Великого Поста, состояние его ухудшилось: ему стало трудно двигать левой рукой, и врачи не могли понять причину этого. 23 марта он отслужил свою последнюю литургию; ему стоило огромного труда удержать Чашу. Назавтра, с почти парализованной рукой, он решил всё равно лететь в Рим: чувствовал ли он подсознательно, что настало время попрощаться с горячо любимым Вечным городом? Действительно, по возвращении домой он признался одному из своих друзей в том, что его посещали подобные мысли. В Риме он пробыл меньше недели, причем в последние дни чувствовал себя очень плохо. Вернувшись в Москву, был вынужден лечь в больницу. На Светлой неделе (в этом году совпадающей в восточной и западной Церкви) ему поставили диагноз: неоперабельная опухоль мозга. Была, тем не менее, предпринята попытка лечить его медикаментозно.

Вскоре после Пасхи он написал из больницы письмо прихожанам и друзьям. И вот, когда после трех месяцев интенсивного лечения ему стало чуть лучше и у него появилась надежда вернуться к работе и, главное, к алтарю, его жизнь оборвал инфаркт. В самый светлый день года. 22 июня. В возрасте 53-х лет.

Я хочу завершить эти воспоминания об отце Георгии Чистякове одним из последних его текстов – письмом, которое он послал друзьям и прихожанам после своей последней Пасхи.

«С Пасхальным приветом обращаюсь я к вам, дорогие друзья.

Христос воскресе!

Так неожиданно заболел, что очень много из срочных дел не успел сделать. И встречи с вами всеми так неожиданно прервались. Лечение предстоит долгое, тяжелое и дорогое, поэтому я бесконечно благодарен всем, кто мне помогает.

Друзья познаются в беде. И я сейчас вижу, как много у меня настоящих и горячо преданных мне друзей. К сожалению, я не могу перечислить всех по именам, хотя знаю, нет, не сотни даже, а тысячи имен и судеб вас, моих духовных друзей, всех, кто приходит и, надеюсь, будет еще приходить ко мне на исповедь. К счастью, у меня прекрасная память, поэтому сейчас, не имея возможности даже подняться с постели, я как бусины на четках перебираю ваши имена и стараюсь никого не забыть. Когда болеешь, особенно остро понимаешь, что это значит.

Христос воскрес из мертвых. Когда в самый первый день Святой Пасхи я сумел причаститься, а вы все в это время причащались в нашем храме, кто ночью, кто утром, я почувствовал себя невероятно счастливым от того, что я один из вас и среди нас стоит Воскресший Христос. Быть может, ревнители старинных уставов скажут, что перед “Верую” во время литургии слова “Христос посреди нас” могут говорить только вполголоса священники друг другу, но я так горячо люблю это мгновение, когда сотни, почти тысяча голосов отзываются: “И есть и будет”, – что просто не могу передать этого вам словами, а только любовью, которую

испытываю ко всем вам, дорогие и родные мои братья и сестры.

Да хранит вас всех Воскресший Господь и Матерь Его Пречистая, а я вас всех братски обнимаю.

Ваш во Христе иерей
Георгий Чистяков».

2008 г.

Священник Владимир Зелинский

ЖИЗНЬ КАК ИСПОВЕДАНИЕ

«Подвигом добрым я подвигался, течение совершил»¹. Эти слова апостола Павла тотчас пришли мне на память, как только до меня дошла весть о кончине отца Георгия Чистякова 22 июня 2007 года. Ему было пятьдесят три года, уже давно он был серьезно болен. Он совершил свой подвиг добрый среди стольких других, каждый из которых мог бы заполнить не одну героическую жизнь.

Выходец из семьи коренной московской интеллигенции, верной ее «всемирной отзывчивости», но и также духу и традициям Церкви, будущий отец Георгий сохранял на протяжении своей жизни эту двуединую верность, нераздельное призвание. Специалист по классической филологии, ученик и друг отца Александра Меня, он был допущен к служению алтарю лишь в год своего сорокалетия. Ум, столь блестящий, не всегда бывает ко двору в российской церковной среде. В особенности, когда слишком много даров посыпается одному человеку: дар филолога, журналиста, богослова, библеиста, переводчика Святых Отцов, несравненного проповедника, преподавателя, но прежде всего – пастыря милостью Божией. Кажется, он уже родился со знанием того секрета, в который хотел бы проникнуть каждый духовник: умения привлечь человеческие души, без желания обладать ими, с одной лишь ревностью помочь им открыть Христа, дать Ему родиться в их сердце. Его исповеди видели всегда вереницу

¹ 2 Тим 4:7.

мужчин и женщин, искавших в огне его души, через его *cor ardens*² войти в тайну милосердия Божия. Ибо милосердие, «сердце милующее», и было главным его даром.

При Республиканской детской клинической больнице он сумел открыть храм Покрова Божией Матери. В больнице он занимался прежде всего детьми, больными лейкемией, болезнью, которая потом поразила его самого. Помимо своего священнического служения в храме Космы и Дамиана в центре Москвы именно там, в больнице он подвизался добрым подвигом, открывая больным детям, нередко на пороге смерти, чудо присутствия Божия, о котором они чаще всего никогда и не слышали. Заведующий кафедрой истории культуры в одном из университетов Москвы, член Российского библейского общества, глава религиозного отдела в Библиотеке иностранной литературы, автор книг о Евангелии, о литургической молитве и сотен статей, он был живым мостом между христианским Востоком и Западом, пребывающих веками в сложных отношениях взаимопротяжения и отталкивания, длящихся и до сего дня. Это был другой подвиг отца Георгия, невидимый подвиг примирения.

Одна из его книг называется «Римские заметки», своего рода «Прогулки» Стендaluя, но вышедшие из-под пера того, кого Достоевский, возможно, слегка иронически, называл «gentilhomme russe»³ (отец Георгий всегда напоминал мне какого-то его невоплощенного героя), с его богатством культурной памяти, несущей столько имен, обстоятельств, встреч, «римских древностей».

² Пламенеющее сердце (лат.).

³ Русский дворянин (франц.).

Европа римская, Европа русская, больница, приход, книги, им написанные, проповедь живого Христа во время и не вовремя⁴, всё это вместе соединялось в единое жизненное пространство, может быть, слишком плотное для жизни одного человека. «Я часто молюсь о тебе, Ежи», – говорил ему Иоанн Павел II, который не раз принимал его у себя, называя дружески на польский манер. Остаются ли они разделенными и ныне, там, где они сейчас?⁵

Постскриптум. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что этот текст не может удовлетворить людей, знавших и любивших отца Георгия. Но как уместить в дозволенные газетой 3000 знаков суть его личности, основные факты его биографии – для людей, никогда о нем не слышавших? Как ее вообще можно выразить, эту суть? У меня было не много встреч с отцом Георгием, но всякий раз мне казалось, что этот человек полон светлого тепла; что он нес его в себе и был его живым излучением. И вот теперь, когда уже год его с нами нет, ощущение оставшегося от него света становится всё более внятным и проникновенным. День его кончины, 22 июня, – это и годовщина моего крещения много лет назад. Отныне к моему празднику примешивается горечь, но и горечь растворяется в празднике – в празднике, в котором, как говорит наш погребальный обряд, «несть печаль, но жизнь бесконечная».

Июль 2008 г.

⁴ См. 2 Тим 4:2: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием».

⁵ Текст опубликован в газете «La Croix» 31 июля 2007 г.

* * *

Чем дальше мы удаляемся от дня и года кончины отца Георгия Чистякова, тем более светлеет его облик, тем ближе становится его присутствие. Но при жизни я знал его совсем не близко. Две-три встречи в Италии, две-три в Москве – и это, собственно, всё. Но вспоминаю его всё чаще и, вспоминая, всегда удивляюсь. Удивляюсь тому главному, что было и по сей день остается в нем: его образу, исповедничеству, тонусу его веры, его неповторимому свидетельству о Христе. Этот образ... Как определить его? Назову его абсолютной увлеченностью всего существования, при котором «от избытка сердца глаголют уста»⁶. Кажется, со времени его рукоположения – далеко не раннего, на сороковом году жизни, до столь ранней смерти через неполных пятнадцать лет – его уста никогда не закрывались. Они стали устами той живой воды, о которой говорится в Евангелии, читаемом на Троицу⁷. Живой водой отца Георгия была сама его жизнь, жизнь как исповедание, как в буквальном, так и в расширительном смысле, то есть прежде всего в духовничестве, в таинстве Покаяния несчитанных его «духовных чад» (хотя я стараюсь не пользоваться этой формулой), в служении, проповедях, в книгах, статьях, конференциях, толкованиях Священного Писания, но также в столь же несчитанных актах милосердия.

Обо всём этом я не стану рассказывать. Друзья и со-братья, присутствующие на вечере, расскажут о том

⁶ Лк 6:45.

⁷ См. Ин 7:38–39: «Кто верует в меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него...»

лучше меня. Сейчас, читая две его только что вышедшие книги, которых я прежде не читал, я задумываюсь о его облике, сопоставляя его с тем, что сохранила память. В его текстах прежде всего чувствуется жар слова, который прямо струится от его строк, – та исповедь горячего сердца, по слову Достоевского, интонация которой сближает его с проповедями митрополита Антония (Блума). И у владыки Антония, и у отца Георгия поражает эта всецелая открытость сердца, вложенного в слово, предельная личная пережитость того, что ими произносилось и исповедовалось. Ни там, ни здесь вы не найдете ни одного чужого, проходного, затертого слова. В этом, кстати, ловушка, которая каждый день стоит на пути священнического труда. Так легко, соблазнительно соскользнуть на дорожку привычных правильных слов, за которыми стоит тысячелетняя традиция, но нет тебя, чувствующего и мыслящего сегодня.

Горячее сердце отца Георгия – это и сердце разумеющее, не только мудрое, но и весьма ученое сердце, сыплющее искрами разноцветных, разнородных, часто самых неожиданных знаний и ассоциаций. Это сближает его со стилем Сергея Аверинцева. Но при всём буйном цветении эрудиции, иной раз даже избыточной для выражения его мысли, всякий раз, когда он упоминает какого-то древнего или нового цитируемого автора, он как-то приобщает его ко Христу, даже если тот «никогда не покидал Двора язычников⁸». Так у нас в

⁸ При перестройке Второго храма при Ироде I снаружи был сооружен двор для язычников, который отделялся от двора израильтян полутораметровой каменной стеной; во внутренний двор язычникам запрещалось входить под страхом смерти.

Италии называют далеких от христианства писателей, невольно делающихся Его свидетелями.

А еще в нем чувствуется жертвенная нетерпимость ко злу, неправде и фальши, столь свойственная русской интеллигенции, как и Льву Толстому, которого отец Георгий при всём той же горячности бесстрашно объявил более православным, чем его современники. У многих ли эрудитов можем мы найти талант сострадания? Не думайте, что это просто болтливая чувствительность со слезами на глазах. Нет, это именно талант войти в боль другого и принять ее в себя – талант, Господом данный, и отец Георгий был одарен им в высшей степени. В отличие от отца Александра Меня, на которого как на своего великого учителя он постоянно ссылается, родившегося, на мой взгляд, уже зрелым мужем возраста Христова, отец Георгий, по-своему не менее великий – на расстоянии это становится ясно, – остается вечным юношем, подобным в чем-то Кьеркегору. Но юношем далеко не кабинетным, не архивным, а брошенным в самую муку, радость, глубину, ликование жизни – не только своей жизни, но и сотен людей, которые его окружали, и тысяч, которые его читали. На каждой литургии поминаю его с чувством причастности и общения.

20 июня 2019 г.

Священник Яков Кротов

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ, СВЯЩЕННИК-ГУМАНИСТ

«Священник» он сам считал своим первым и главным определением, хотя на жизнь зарабатывал не этим (служил с 1992 года, то есть с рукоположения, в храме святых Космы и Дамиана в Столешниковом переулке), а профессионально был прежде всего филологом- античником, заведовал кафедрой истории культуры Московского физико-технического института (крестил ректора физтеха Николая Карлова), читал лекции в Российском государственном гуманитарном университете, в Общедоступном православном университете, основанном протоиереем Александром Менем, много участвовал в разнообразных российских и зарубежных конференциях, много публиковался.

Работал в Библиотеке иностранной литературы. Названия должностей менялись от заведующего залом религиозной литературы до сотрудника Института толерантности, но суть оставалась одна: по-европейски образованный человек с европейскими же представлениями о том, для чего и как жить, что такая цивилизация и цивилизованные отношения между людьми, выстраивал всевозможные мосты, мостики и организационные площадки для строительства этих цивилизованных отношений.

Наверное, самым выигрышным, с точки зрения репутации, занятием отца Георгия была забота о детях в Республиканской детской клинической больнице:

служение литургий для детей и взрослых, сбор по жертвований, сплочение волонтёров, верующих и неверующих. Однако «очень любил детей» – это не об отце Георгии. Он просто переживал, сострадал, мучился, и – что резко выделяет его из многих и многих «любящих детей» – совершенно естественным образом во время проповеди говорил о том, как ужасно, что в больнице за неделю умерло столько-то детей, как ужасно, что в Чечне погибло столько-то солдат, и как особенно ужасно, что скрывают, сколько в Чечне убито мирных жителей, взрослых и детей.

Священников много, интеллектуалов много, много ныне и совмещающих эти две ипостаси, а мало – гуманистически образованных и интеллигентно ведущих себя людей. Отец Георгий был одновременно гуманистом и священником, как Эразм Роттердамский, и очень напоминал этого основателя современной «европейскости» сочетанием веры во Христа, доверия к науке, уверенности в человеке, веселого скепсиса по отношению к любым попыткам быть выше других, осчастливливать других без их согласия и участия, и грустного юмора по отношению к тем из этих попыток, которые удались. А ему выпало жить в стране, где таких «удач» было много. Его смерть, как и смерть Анны Политковской, – своеобразный гудок, оповещающий о тумане, который опять сгустился после неполных двадцати лет свободы. То, что эта смерть ненасильственная, что тут трагизм, за который нельзя предъявить счет никому из людей, а разве что Богу, лучше всего напоминает о той многомерности мира, которую отец Георгий исповедовал и проповедовал.

Отец Георгий имел политические взгляды, высказывал их в печати, на радио и на телевидении; его охотно

приглашали, потому что говорил он великолепно. Он был резко и гласно против войны в Чечне, называл это всегда именно войной, а не «борьбой с терроризмом». Более того, он был – *horribile dictu*, как выразился бы он сам, а по-русски «страшно сказать» – против армии вообще, во всяком случае, против такой армии, которая уже лет десять как составляет и форму, и содержание российской действительности: «Армия … превратилась … в политическую полицию, … в своего рода “мясорубку” … Если раньше при помощи насилия можно было чего-то добиться, то теперь насилие заводит только в тупик – это какая-то новая реальность, с которой нельзя не считаться. Абсолютно ясно, что армия в этих условиях уже не может восприниматься как символ нации и предмет национальной гордости, как христолюбивое воинство, которое принято поминать во время богослужения. … У нас, особенно в стенах Государственной Думы, такую критику обычно называют шельмованием армии, но на самом деле она неизбежна и естественна. Увы, в сегодняшней России ее голос слышен слишком слабо»¹.

В современной России, как и в советской России, на такие заявления принято либо стрелять от бедра, либо бить кирпичом, либо, в самом мягком случае, спрашивать с прищуром: «А что вы конструктивного предлагаете взамен?» А он предлагал взамен нормальную человеческую жизнь и не стеснялся называть европейскость – нормой, а изуверство – не «национальными особенностями», тем более не «основой православной культуры», а именно изуверством. Когда в 2002 году

¹ Из статьи «Война глазами христианина»; цит. по: Чистяков Г. С Евангелием в руках. – М.; СПб., 2015. С. 65.

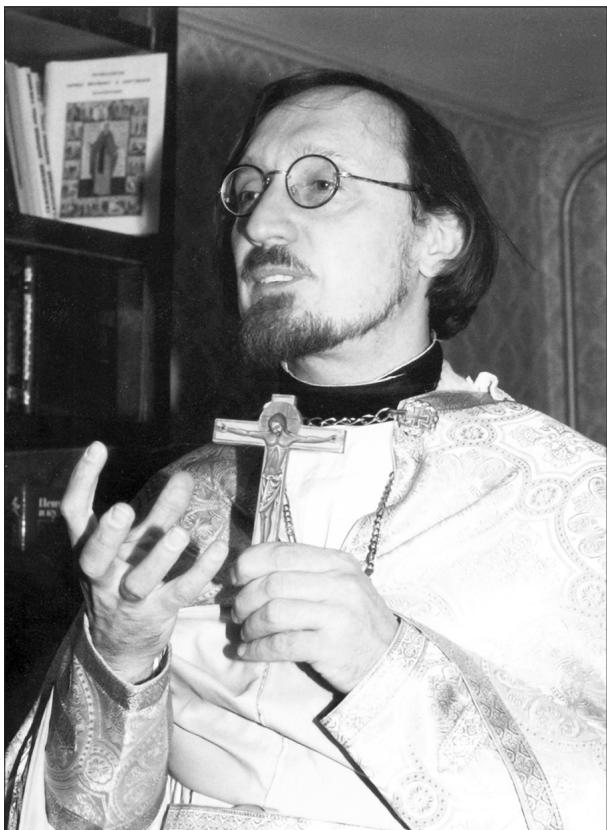
Кремль организовал травлю католиков и высылку из России дюжины католических священников и епископа, отец Георгий был в числе немногих, кто печатно выступил с протестом. В отличие от многих других он совершенно не волновался, когда же Папе разрешат приехать в Россию; его волновало, когда Россия приедет в Европу, приедет не поучать, а жить по-людски. Поэтому отец Георгий Чистяков оставался наособицу и в последние годы, когда уже сформировался довольно пухлый слой гламурных православных – и священников, и светских интеллектуалов, которым Кремль по-европейски платит за умение на европейских языках оправдать любую кремлевскую гадость как проявление высшей европейской чести.

После того, как в 1990-е годы Россию покинули, спасаясь от нового – теперь в православной упаковке – застоя, отцы Игнатий Крекшин, Мартирий Багин, Зинон (Теодор); после того, как замолчали или, что еще драматичнее, заговорили не своим голосом священники, знаменитые своим демократизмом в Перестройку, именно отец Георгий Чистяков остался практически единственным доказательством того, что можно быть православным священником – и экуменистом, демократом, пацифистом, умеющим идти по «царскому пути» между политизированностью и аполитичностью. Умеющим не только сказать о том христианском, что, действительно, в основе европейской чести, но и сказать по-европейски – без рабьего языка Эзопа и без скоморошьего радикализма. Умеющим и желающим, рвущимся сказать – этим отец Георгий отличался от множества вполне либеральных людей, которые пришли в духовное сословие ненамного позже, но пришли, уже

тв�до понимая, что выбирают стезю жесткой самоцензуры, академического богословия, соглашаясь на своего рода катакомбное православие внутри казенной Церкви. Впрочем, такие «катакомбы» точнее назвать «внутренней эмиграцией».

Сегодня политическое, духовное, душевное распутство или, в лучшем случае, беспутство преобладает в России и среди мирян, и среди неправославных, традиционных и нетрадиционных верующих, среди атеистов, агностиков и «мирян от неверия». Для них то, что демократов стало существенно меньше – на одного человека! – благая весть, а то, что верующий, да еще православный, да еще священник, утешавший безнадежно больных детей и их родителей, сам умер от безнадежной болезни, – лучшее доказательство того, что Бога нет, а если и есть, так это такой Бог, что лучше бы Его не было. Эта правда – плоская и фальшивая правда смерти, а смерть отца Георгия – свидетельство о другой, не поддельной, а живой Правде свободы и Воскресения.

2007 г.

*В Международном благотворительном фонде
имени Александра Меня.
Рига, 1997 год*

Наталия Большакова-Минченко

«У НАС САМОЕ ГЛАВНОЕ – ХРИСТОС»

В обширном, удивительно разнообразном по жанрам литературном наследии Георгия Петровича Чистякова его гомилетическая часть составляет большую, важнейшую часть, а с девяностых годов становится просто доминантой всего его творчества. Это исходит из самого ядра его личности. И с 1993 года, когда он начинает служить в сане пресвитера, это не просто новая грань его труда, но это то, что накладывает отпечаток на стиль его жизни, на его мышление, на само видение его. Он сам это говорил, и это чувствовалось.

Я познакомилась с ним, когда он был еще дьяконом... И тот подвиг священства, который он взял на себя, все сферы, все направления этого подвига были очень значимы, но вот его проповедь – это особый жанр. Его гомилетическое наследие требует очень серьезного изучения, и мы сможем выявить некое учение отца Георгия. Я это чувствую, этим действительно нужно заниматься. Во всех текстах – и в тех, которые были написаны им самим, и в тех, которые были записаны прихожанами на диктофоны и магнитофоны, даже в статьях, которые были написаны за письменным столом, – отец Георгий всегда обращается к собеседнику. Он обращен к человеку. Это тексты не кабинетного ученого, но проповедника.

Читатель, который переходит от пятого тома к шестому¹, легко заметит, что для отца Георгия совершенно естественно единство Ветхого и Нового Заветов. Конечно, это в православном богословии само собой разумеется. Но отец Георгий чувствовал это внутренне очень сильно. Вообще, отец Георгий как бы размышляет вместе с нами, размышляет вместе с прихожанами над текстами Священного Писания. И вроде бы всё это довольно легко, но на самом деле за этим стоит учение. Он учит нас читать, слышать, слушать и понимать Священное Писание. Мы это плохо умеем делать, это видно по тому, какое у нас христианство. Удивительно, что он находит у античных и у первохристианских авторов (у апостолов) то, что было важно для апостольского христианства, и то, что важно христианину XXI века. Это вообще мало кому удается. Для отца Георгия, историка и филолога-классика по призванию, а не только по профессии, древность и современность не разделялись непреодолимым барьером. Он как-то жил сутью времен, чувствовал дух эпохи. Это тоже удивительное дарование.

Что очень важно – будучи воспитан в вере, Георгий Чистяков пережил личную встречу со Христом в 16 лет именно через чтение Евангелия. И с тех пор не расставался с ним. Это не метафора. Он в буквальном смысле всегда носил с собой маленькую книжечку Нового Завета: ходил с ней по Москве, ездил в метро. И так было все годы. Он сам это говорил, и многие это знают. Меня поражают его проповеди не только своей многозначностью, но его искренностью и его влюбленностью.

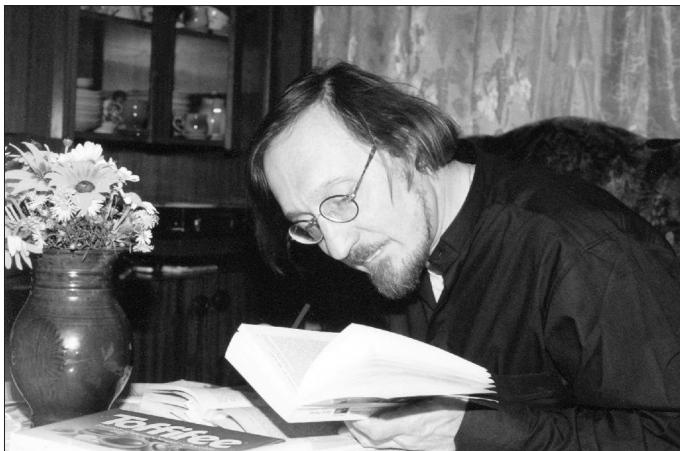
¹ Книги отца Георгия Чистякова «Библейские чтения: Пятикнижие» и «Библейские чтения: Апостол», вышедшие в издательстве «Центр гуманитарных инициатив» осенью 2016 и весной 2017 года соответственно.

Всегда звучало в его проповеди – на любую тему – что невозможно и дня прожить без Священного Писания, особенно без Евангелия, без апостольских писем. И он говорит об этом нежно и страстно, как влюбленный, который говорит о предмете своей любви, который он не только любит, но он наполнен им, он всем своим существом принадлежит ему, он дышит им. Он просто заряжает, – не знаю, по-моему, камни услышат... И это есть в текстах, это звучало в его неповторимом голосе, в его интонациях. Просто хочется в ту же секунду броситься читать эти тексты.

Отец Георгий очень переживал, когда встречал равнодушие к Евангелию. Это было так больно для него, потому что он в этом видел отказ от живой встречи с Христом. Он просто болел этим.

Мы знаем, что для отца Георгия Церковь была прежде всего духовной семьей, живой общиной. И он созидал ее тоже этой своей пламенной проповедью. Он не уставал, он готов был жизнь положить не только за маленьких своих друзей-пациентов, но и за каждого прихожанина, чтобы у того в сердце родился Христос, чтобы состоялась встреча. Он говорил: «У нас самое главное – Христос. И на этом стоит культура, наука, жизнь человека, его отношение с миром, всё».

Конечно, его опыт священника, исповедника многих сотен людей, в том числе несчастных матерей, видящих страдания своих детей, матерей, похоронивших своих детей, – этот опыт, наполненный неизмеримым объемом горя и сострадания, тоже отражен в его проповедях. Ведь не у каждого священника, пусть и прекрасного проповедника, есть такой опыт. Поэтому проповедь, голос отца Георгия утешает, лечит. Конечно, больница была для него и источником духовной силы. Он

*В Международном благотворительном фонде
имени Александра Меня. Рига, 1997 год*

говорил сам, что он черпал там очень много. Но это стало и его жертвоприношением. Может быть, поэтому столь убедительно его слово, когда он призывает нас не бояться трагичности жизни, не бояться испытаний. Хотя он сам переживал периоды отчаянного плача. Но выводит его из этого Христос. Потому он и нам говорил: «Христос с нами, Он среди нас. Он здесь, где двое или трое собраны во имя Его». И когда отец Георгий проповедовал, создавалось впечатление, что он говорит среди своих, для своих, в своей семье, для друзей, в тесноте сионской горницы. И это важно не только тем, кто его знал, кто его любит и помнит, но и тем, кто узнаёт Георгия Петровича Чистякова по его книгам.

В книге отца Владимира Лапшина («Давайте задумаемся! Статьи, проповеди, беседы») есть проповедь². Она

² Лапшин Владимир, свящ. Давайте задумаемся! Статьи. Проповеди. Беседы. – Рига: ФИАМ, 2017. С. 362–363. (Прим. ред.)

была произнесена в храме Успения Пресвятой Богородицы на Успенском вражке десять лет тому назад, 23 июня 2007 года, на следующий день по кончине отца Георгия. В тот день читался отрывок из Евангелия от Матфея о книжнике³. Отец Владимир говорит: «Вообще книжность и следование за Христом – это, казалось бы, такие несовместимые понятия. Книжник – это кабинетный ученый. Это тот, кто сидит в уютном доме, укутавшись в теплый халат, засунув ноги в какой-нибудь теплый валенок, занимаясь книгами. А следовать за Христом – это так неуютно, это так неудобно, это так трудно. Господь честен по отношению к тем, кто хочет следовать за Ним. Мы не знаем, стал ли тот книжник учеником Христовым, последовал ли он за Ним. Но я знаю одного книжника, который последовал за Христом до конца, который оставил свое любимое книжное дело и стал священником Божиим. Более того, даже когда он стал священником, перед ним был выбор. Он мог поехать за границу, ему предлагали там профессорские места, кафедры, он мог заниматься своим любимым делом и быть при этом священником. Но он стал простым приходским священником. Более того, он стал священником в больнице (РДКБ), он разделил боль и страдания с маленькими пациентами этой больницы. Более того, он принял на себя их немощи и понес их болезни. Я говорю об отце Георгии Чистякове. Он пошел за Христом до конца. Он о всем подражал Ему».

21 сентября 2017 г.

³ Мф 8:20.

Протоиерей Олег Батов

ОТКЛИК НА СМЕРТЬ ОТЦА ГЕОРГИЯ

Я никогда не думал, что смерть человека может на самом глубинном уровне настолько походить на события Страстной.

Когда появились первые отклики на смерть отца Георгия, в которых уверенно говорилось о том, что у нас появился еще один молитвенник, что отец Георгий уже предстоит Престолу Божию, мне они показались легковесными.

Утром в понедельник, как и положено, три священника отправились в морг, чтобы облачить собрата. Мне уже доводилось бывать в морге, но всё равно проходить мимо десятков обнаженных мертвых тел, лежащих в коридоре, везде, где только можно, было нелегко. Пытался молиться за них. Наконец, дошли до отдельного закутка, где лежало тело отца Георгия. Там лежало еще одно женское тело.

Князь Мышкин у Достоевского говорит о картине Гольбейна «Мертвый Христос», что от нее может вера пропасть. Это было во много раз хуже: kleenчатая бирка на руке, примотанная бинтом, на ноге написано крупно каким-то несмыываемым черным фломастером: «Чистяков», черный целлофановый пакет на голове. «Чтобы мухи не садились», – объяснил санитар. Всё вместе складывалось в картину предельной степени кеносиса, умаления, уничижения человека. Князь Мышкин был прав – веры оставалось на самом донышке. Наконец сняли мешок и бирку и стали с молитвой сначала помазывать,

а потом облачать тело собрата и друга. Мрак Креста постепенно сменялся покоем Великой Субботы.

Через московские пробки катафалк приехал в Столешников с опозданием, храм был уже полон, началась непрерывная череда служб и чтения Евангелия. Продолжительные службы совершенно не казались утомительными, находиться рядом с гробом было одновременно и скорбно и покойно. Ближе к полуночи в храме осталось человек десять-пятнадцать. Евангелие от Матфея подошло к Страстным главам, решили читать его дальше на разных языках. Принесли греческий, латинский, английский, немецкий, французский переводы. Кажется, не было итальянского, что жаль, так как отец Георгий очень его любил. Позже, когда дошла очередь до Евангелия от Иоанна, Анна Ильинична Шмаина-Великанова прочла начало наизусть на иврите. Всеми этими языками отец Георгий прекрасно владел. Впервые на литии запели стихиры Пасхи. Они не прозвучали диссонансом – темные облачения Преблагословенной Субботы сменялись белыми.

Ровно в полночь в двери храма постучались двое монахов Валаамского подворья, они пришли по послушанию, чтобы читать Евангелие над усопшим священником. Поскольку церковнославянский шрифт оказался для них мелковат, читали по-русски. Уходя, возгласили всем: «Христос воскресе!» Разноязыкое чтение Евангелия продолжалось до самого утра, до Божественной литургии. Пришедший возглавить службу отец Федор сразу сказал, что он здесь оказался случайно, ни во что вмешиваться не будет, делегирует все полномочия настоятелю, но отец Александр постоянно их ему возвращал. Так и получилось, что истинным возглавителем

этой службы был тот, кто находился на возвышении в центре храма.

Каждое отпевание несет в себе некоторые переклички с пасхальной службой: белые облачения, свечи у всех в руках, крестный ход с гробом. В этот день очень и очень многие почувствовали это. Ничего не было заранее задумано, срежиссировано: хор не мог не петь Пасху, отец Владимир Лапшин после крестного хода сказал над гробом прекрасное пасхальное слово, от которого почему-то щипало глаза.

Ангелы шутили: в телеграмме соболезнования Святейшего Патриарха где-то по пути выпало несколько слов и получилось так: «Возношу молитвы в селениях праведных. Патриарх Московский и всея Руси Алексий». Отец Федор так и зачитал с амвона. Диакон Сергий Старокадомский возгласил на кладбище отцу Георгию многолетие вместо «вечной памяти».

Я волновался только об одном: чтобы эти пасхальные зарницы, которые ощущались очень многими, не смутили кого-то, кто не пережил вместе с нами Великой Субботы. Они были посланы нам, безусловно, авансом. Наверняка еще придет и чувство пустоты, и потерянности, может быть, даже и отчаяния. Но эти зарницы были явны и несомненны. Сейчас я нисколько не сомневаюсь, что у нас есть еще один молитвенник, представительствующий за нас у Престола Божия.

Лето 2007 г.

Иеромонах Михаил (Евельсон)

Александр Евельсон был алтарником и чтецом у отца Георгия Чистякова с 1998 по 2007 гг.

В 2010 году Александр был пострижен в рясофор архиепископом Команским Гавриилом де Вильдер, возглавлявшим Архиепископию православных русских Церквей в Западной Европе и послан в бенедиктинский монастырь Животворящего Креста (Шеветонь¹, Бельгия) как православный брат.

5 ноября 2012 г. пострижен в мантию с именем Михаил, в честь св. архангела Михаила архиепископом Гавриилом в Шеветони.

В 2016 рукоположен в чтецы и иподиаконы архиепископом Иоанном Реннето к приходу свв. Космы и Дамиана в Брюсселе. 17 октября 2017 г. рукоположен в диаконы, а 1 ноября того же года во пресвитеры архиепископом Иоанном к тому же приходу. С января 2020 г. является вторым священником в приходе св. Иоанна Богослова в Медоне, – Викариатство Русской традиции свв. Марии Парижской и Алексия Южинского Митрополии Вселенского Патриархата во Франции.

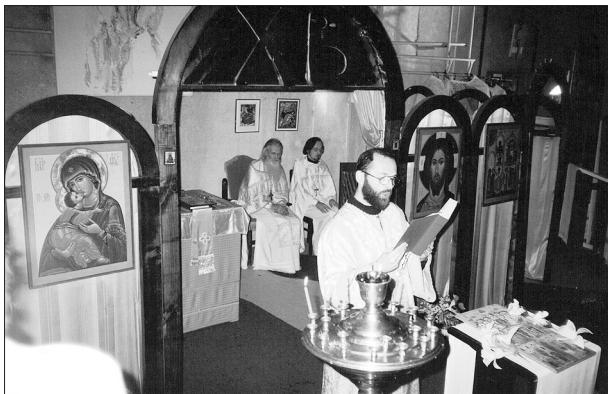
В монастыре несет послушания на кухне (повар) и просфорник, и, по необходимости, проводит экскурсии.

¹ О монастыре Животворящего Креста (Шеветонь) см. Альманах «Христианос-III». – Рига: ФИАМ, 1994. С. 140–159. (Прим. ред.)

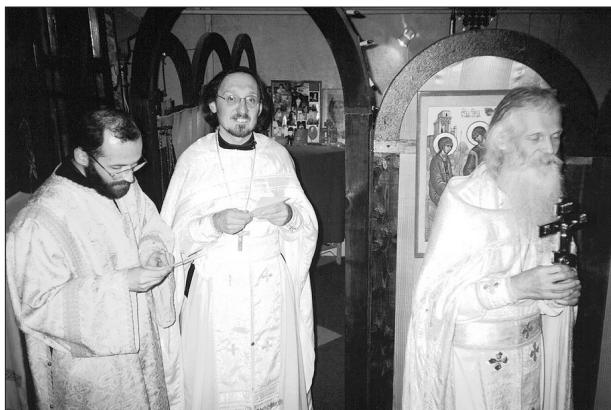
ВСПОМИНАЯ ОТЦА ГЕОРГИЯ...

Жанр воспоминаний мне вообще не очень близок. А писать об отце Георгии Чистякове мне особенно трудно, я бы даже сказал – невозможно. Но я хотел бы выразить мои чувства к человеку, который в моей жизни значил и значит очень много. Он был для меня всем – отцом, братом, другом, примером, каким должен быть ученик Христов.

Я практически не встречался с отцом Георгием в приватной обстановке. Мы виделись только в церкви и последние годы это была только церковь при Российской детской клинической больнице. Там, в бывшем конференц-зале и служили. Прихожанами были тяжело, а часто смертельно больные дети и их родители, которые приезжали со всех концов России и ближнего Зарубежья. И ёщё дети, брошенные когда-то родителями, которыми теперь стал заниматься Благотворительный фонд при РДКБ, находить им приемные семьи, организовывать лечение в европейских клиниках.

Во время литургии в больничном храме Покрова. 1998 г.

*Во время литургии в больничном храме Покрова:
слева направо – Александр Евельсон,
о. Георгий, о. Виктор (Мамонтов). 1998 г.*

Отец Георгий Чистяков ничего не делал вполсилы, он отдавал себя всего без остатка, будь то служение на приходе Космы и Дамиана или в больничной церкви, где он принимал боль, которой там было наполнено всё, – в свое сердце. В алтаре на жертвеннике находились фотографии умерших детей, которых отец Георгий знал по именам, когда он причащал, он помнил имена всех, его память была уникальна. Он и отпевал этих детей и утешал их матерей.

Невозможно охватить все, что делал отец Георгий: служение в больничном храме, работа с Благотворительным фондом при РДКБ, служение в приходе свв. Космы и Дамиана, работа в отделе религиозной литературы во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы; в редакции еженедельной газеты «Русская мысль». А также – преподавательская и активная общественная деятельность. Все это он нес на

себе. И главное – служение Христу и ближнему. Этому он отдавал все свои силы и сгорел, но тепло его сердца всегда с нами.

Когда я его вспоминаю, передо мной проносится пламя, в котором ты можешь согреться и дальше идти по жизни. К сожалению, мы мало говорили подробно о серьезных вещах. Часто он шутил, рассказывал смешные истории, которые сами по себе были мне нужнее тогда, чем что-то серьезное и поучительное.

Он умел слушать и само его присутствие мне давало силы, я знал, что он есть и я могу всегда опереться на него, и, как оказалось, он чувствовал то же самое в отношении меня. Вспоминаю его появление в Бобренёвом монастыре: он влетел в алтарь как метеор, так он и жил, летел, успевая очень многое, стремясь помочь всем, кому можно, думая о многих и забывая о себе.

И еще картина: воскресенье, 6-30 утра – отец Георгий влетает в алтарь для совершения Божественной литургии. Он служил всегда на пределе, – горя и сгорая, и так каждую службу. Ранняя литургия в 7-00 в воскресенье, в которой участвуют примерно около ста человек, затем небольшой отдых и уже – поздняя, где он исповедовал в течение всей литургии, а это значит, выслушать примерно сто человек, а то и больше. И так долгие годы, почти до конца, часто – несмотря на плохое самочувствие. В то время в Косме и Дамиане в поздней литургии участвовало примерно 700–800 человек.

В детской больнице, за каждой литургией он исповедовал, потом причащал в палатах тяжелобольных детей. Но это была только видимая часть. После службы

*Во время литургии
в больничном храме Покрова. 1998 г.*

за скромной трапезой всегда блистал шутками, рассказывал смешные истории, а сам был смертельно уставшим.

Вообще богослужения отца Георгия достойны специальной статьи. Пятница – это был его богослужебный день, как и первое января. Он очень любил служить на Новый год. Это была каждый раз необыкновенная служба, где отец Георгий проповедовал всегда в конце литургии на отпуре. Он никогда не мог говорить отстранённо, все его проповеди были очень яркие и страстные, о чем бы он ни говорил. Они все записаны и если их послушать, то можно тут же почувствовать, ощутить это пламя его слов.

Мне нелегко говорить об отце Георгии в прошедшем времени, для меня он всегда живой, и я слышу его голос, его манеру говорить, его своеобразное произношение славянского текста на литургии, его чтение

Евангелия на еврейском языке на Пасху 2000 года в
больничной церкви.

Мне трудно писать о нем, практически невозможно...

Шеветонь, Бельгия

*Монастырь Животворящего Креста,
12 марта 2023 г.*

**ИЗ АРХИВА
РОЗЫ МАРКОВНЫ ГЕВЕНМАН
ПИСЬМА
ВЕРЫ ЯКОВЛЕВНЫ ВАСИЛЕВСКОЙ**

Михаил Кунин

Михаил Михайлович Кунин (род. 1969) по образованию экономист-математик, кандидат экономических наук. Редактор-составитель мемуарного сборника «Дом Куниных» и других книг. Дебютировал в серии «Жизнь замечательных людей» в качестве автора книги «Отец Александр Мень». М. М. Кунин – автор серии «ЖЗЛ» в третьем поколении. Его дед, И. Ф. Кунин, историк и музыковед, является автором биографий композиторов Чайковского и Римского-Корсакова, вышедших в «ЖЗЛ» на рубеже 1950–1960-х гг.

«...КАЖЕТСЯ, ЧТО ДУШИ НАШИ ГДЕ-ТО СКЛОНИЛИСЬ ВМЕСТЕ У ОДНОГО ИСТОЧНИКА»

Письма В. Я. Василевской к Р. М. Гевенман

Имена Веры Яковлевны Василевской¹ и Розы Мар-

¹ Вера Яковлевна Василевская (1902–1975) – кандидат педагогических наук, специалист по педагогике и детской дефектологии. Окончила философский факультет Московского университета и Институт иностранных языков, работала в Институте дефектологии. Ей принадлежит ряд научных работ, главная из которых – «Понимание учебного материала учащимися вспомогательной школы», изд. АН РСФСР, Москва, 1960 г. В сборнике «Психиатрия и актуальные проблемы жизни» (СФ МВПХШ, Москва, 1997 г.) была опубликована ее статья «Н. И. Пирогов и вопросы жизни». Ей же принадлежат рукописи «Эмоциональная жизнь маленького ребенка», «Что такое литургия?». Кроме того, был издан ряд ее переводов: Э. Хейссерман «Потенциальные возможности психического развития нормального и ненормального

ковны Гевенман² неразрывно связаны с именем отца Александра Меня.

Близкая дружба Веры Яковлевны и Розы Марковны, начавшаяся в стенах Московского университета в начале 20-х годов прошлого века, продолжалась до конца жизни Веры Яковлевны. В течение нескольких десятилетий Вера Яковлевна, принявшая крещение у священника «катакомбной» церкви отца Серафима Битюкова в середине 1930-х, вела к этому шагу и свою ближайшую подругу, постепенно раскрывая ей глубину христианства и радость веры. Ее письма к Розочке, как называла Вера Яковлевна Розу Марковну, глубоко философичны, наполнены поэтическим восприятием мира, и являются собой удивительный пример христианского мироощущения.

Эти письма также крайне важны как живое свидетельство эпохи и содержат замечательные описания нескольких эпизодов детской и юношеской жизни Александра Меня. «Несмотря на большие бытовые, материальные и физические трудности, – пишет Вера Яковлевна Розе Марковне в 1942 году о Елене Семеновне и ее

ребенка», Москва: Наука, 1964 г.; Франциск Сальский «Введение в благочестивую жизнь» (впервые опубликовано издательством «Жизнь с Богом», Брюссель, 1967 г.). Не был опубликован ее перевод книги К. Де Грюнвальда «Когда Россия имела своих святых». Во второй половине 1950-х гг. Вера Яковлевна записала свои воспоминания об отце Серафиме Битюкове и «катакомбной» церкви.

² Роза Марковна Гевенман (1903–2000) – педагог и преподаватель истории искусств. Окончила отделение истории искусств Московского университета, работала в Музее изобразительных искусств. После войны преподавала историю искусств в художественно-ремесленном училище. Записала свои воспоминания, в частности – о Вере Яковлевне Васильевской, Елене Семеновне Мень, и об отце Александре Мене.

детях, – живут они внутренне хорошо, а Алик, я бы сказала, и творчески, хотя и в своем замкнутом мирке “растет, как лилия на тихих водах”, как сказала о нем одна наша знакомая, хотя и ощущает “атмосферное давление” всем существом». В 1951-м году Вера Яковлевна пишет об Алике-старшекласснике, страстно увлекавшемся биологией: «Алик все еще в заповеднике, среди девственного леса, пишет о встрече с орлом, с зубром. Работает много, но, по-видимому, доволен. Спит у костра, а он при свете луны занимается своими любимыми книгами и даже пишет».

Именно Вера Яковлевна Василевская, бесконечно преданная своей младшей двоюродной сестре Елене Семеновне Мень, фактически жившая одной жизнью с ней и в огромной степени посвятившая себя детям Елены Семеновны, с детства формировала интеллектуальный мир юного Алика Меня, систему его философского мировоззрения и его общекультурный уровень. После рукоположения отца Александра в 1960 году Вера Яковлевна с радостью писала Розе Марковне: «Первого сентября состоялось посвящение Алика. Он принял важнейшую в истории человечества эстафету, идущую непрерывно от времен апостольских...»

Вскоре после смерти Веры Яковлевны Роза Марковна приняла крещение. Ее крестил отец Александр Мень.

Рубеж 2022–2023 гг. знаменует собой 120-летие со дня рождения Веры Яковлевны Василевской и Розы Марковны Гевенман, к которому и приурочена данная публикация.

*Москва
Весна 2023 г.*

Роза Гевенман

МОЯ ДРУЖБА И ПЕРЕПИСКА С ВЕРОЙ ЯКОВЛЕВНОЙ ВАСИЛЕВСКОЙ

Начиная с 18–19 лет имя Веры Яковлевны Василевской – Верочки – неразрывными нитями связано с самыми различными периодами моей и ее жизни. То очень тесно, то с большими перерывами мы соприкасались друг с другом. И в личных встречах, и в нашей переписке ее облик, ее глубокая духовная деятельность медленно, но постоянно воздействовала на меня – при очень большом различии наших натур, не говоря уже о несходности наших жизненных путей.

Мы любили друг друга, но тесная связь между нами необъяснима с обычной точки зрения. Ни ее чутким вниманием, ни заботливостью, ни потребностью в душевном тепле нельзя объяснить тайну наших отношений.

В одном из писем 1945 года Вера пишет: «В течение нашей многолетней дружбы не раз перед нами вставал вопрос: что так глубоко сближает нас при всем видимом различии характера, темперамента, жизненных установок и т.п. Помнишь, как-то ты написала мне: “...кажется, что души наши где-то склонились у одного источника”? Да, Розочка, родная, источник – один, и все души тянутся к нему, так жадно, так неудержимо, “как лань стремится к источнику вод”».

В письме 1939 г. Вера пишет: «Но ты, Розочка, хорошо знаешь, что я никогда не забываю о тебе. Я всегда чувствую, что ни время, ни пространство, ни различия

в характере, образе жизни, интересах, даже мировоззрении не могут нас разделить. Словно мы встретились однажды (трудно сказать где, но, вероятно, на очень большой глубине) и не можем расстаться...»

Сколько душевных усилий Вера проявила по отношению ко мне, вечно мечущейся! Трудно переоценить ее огромный труд, ее активность, пламенную силу устремленности к спасению моей души.

Особое место в нашей переписке занимают обращения Веры ко мне, связанные с ее собственными поисками истинного смысла и сути Евангельских притч, церковных праздников, посланий апостола Павла. Начиная с 1931 года, когда она работала в детском саду и познакомилась с Тоней, сыгравшей большую роль в духовном росте Верочки, (об этом общении много говорится в воспоминаниях Веры Яковлевны об о. Серафиме) – Вера постепенно старается привлечь меня к размышлениям над волнующими ее вопросами. Но лишь несколько лет спустя открыла она мне свой приход к Церкви. Далеко не сразу. В это время я много перестрадала, и мы лишь изредка касались главного вопроса о вере. То, что она посвятила меня в основной смысл своей жизни, при всей нашей взаимной любви, все-таки меня поразило.

Вспоминается ее маленькая светлая комната, где особым светом светились цветы на окошке; на стене – большой портрет матери, удивительно схожий строгими и чистыми чертами лица с Верочкой; на столе – несколько книг, тетрадей и небольшие в рамках фотографии близких и незнакомых мне людей, две-три репродукции на стене любимых ею образов святых. Особым ароматом тишины и мира веяло от ее обители.

А за стеной злобствовала соседка, не дававшая прохода Вере, которая могла забыть вовремя снять чайник с плиты... Но ни разу не замечала я и тени обиды или озлобления в ответ на грубость окружавших ее в коммунальной квартире людей.

Как светились глаза Верочки при моем приходе! Нам было удивительно тепло вместе. Мы пили чай, говорили о том, что волновало нас – о детях, об их судьбах, о Леночке (Елене Семеновне), которую она с таким волнением и тревогой всю жизнь горячо любила. И о книгах, и о разных событиях. Но главное – о моих колебаниях и о ее непоколебимых убеждениях. Деликатность, с которой она ко мне обращалась, была удивительной. В наших беседах раскрывалась ее душа, во всем, во что она меня посвящала, ощущался высокий дух.

В письмах она продолжала беседовать со мной о недосказанном или непонятом мною, еще далекой от постижения тайны мира. Приведу здесь ряд этих драгоценных для меня призывов.

Высоко ценила Вера Яковлевна психологические исследования видного советского ученого Л. С. Выготского. С большой любовью она постоянно упоминала имя известного педагога К. Д. Ушинского, человека высокой нравственной чистоты. Его исключительно чуткий подход к детскому восприятию мира, глубина его религиозного опыта оказали несомненное воздействие на формирование педагогических принципов Веры Яковлевны.

Изданная в 1960 году той же Академией педагогических наук РСФСР книга Веры Яковлевны «Понимание учебного материала учащимися вспомогательной школы» для учителей и специалистов в области

дефектологии отличается удивительной ясностью мысли и построения сложного материала, и в то же время какой-то особой чуткостью в подборе наглядных способов подхода к больным детям, литературных текстов и т.д.

С необыкновенной любовью относилась она к каждому ребенку, не говорю уже об ее пристальном внимании и страстной привязанности к мальчикам – сыновьям горячо любимой двоюродной сестры Леночки (Елены Семеновны Мень) – Алику и Павлику, а впоследствии и к Ляле – дочке о. Александра.

Ее благотворное воздействие на духовное развитие мальчиков отметил о. Александр в своем глубоком надгробном слове. Трудно передать словами беззаветную преданность Веры Яковлевны о. Александру, начиная с его детских и отроческих лет, в течение всей ее жизни на земле. Радости и волнения, счастливые переживания и бесконечные тревоги за его судьбу сопровождали ее всегда и всюду. Она всегда верила его призванию, и эта вера составляла, быть может, самое большое счастье в ее жизни.

Она была самоотверженным человеком. Преодолевая громадные физические трудности, она во время войны пешком не раз добиралась до Загорска в деревню Глинково, где жила тогда Леночка с детьми, а много поздней – ездила очень часто с тяжелыми сумками провизии для семьи о. Александра и для занятий английским языком со своей любимицей Лялечкой.

В трудные периоды моей личной жизни Вера постоянно откликалась, поддерживала меня чуткими письмами и беседами, советами и любовью к моим двум сыновьям. Она пишет мне в 40-м году: «Не знаю откуда

пришло то, что случилось четыре года назад. Вероятно, оттуда, откуда приходят и уходят все печали и радости нашей жизни. Представляю себе, как трудно тебе сейчас, как больно за всех... хочется надеяться, что все устроится так, как лучше для тебя и детей. Желаю тебе силы и мудрости в этой новой, тяжелой внутренне борьбе. Целую и люблю тебя, как всегда»¹.

Она тревожится о нелегком возрасте и трудном характере младшего сына. Радуется успехам старшего моего мальчика. Много раздумывает об их воспитании, удивительно точно воспринимает и оценивает сложный процесс формирования личности каждого из них.

Вспоминается ее облик. Высокая, чуть угловатые движения, несколько даже неуклюжая. Но прежде всего притягивали ее глаза, большие, светлые, почти голубые, излучающие особый свет. Всегда задумчивое выражение лица, точно она пребывала в каком-то «своем» мире. Иногда взгляд ее выражал печаль, но всего чаще – доброту и кротость. О чем бы она не говорила, всегда чувствовались вдумчивость и особая внимательность к собеседнику. Ее ясный ум легко анализировал сложное построение мысли. При этом необычайная скромность Веры Яковлевны легко могла затушевать замечательные качества – ее одаренность в восприятии поэзии и музыки и, не говоря уже об отличной памяти – она прекрасно знала французские и русские стихи, вероятно, и немецкие, и английские. Получив философское образование в Московском университете, окончив позднее

¹ В 1935 году Роза Марковна рассталась со своим первым мужем, М. М. Пратусевичем и вышла замуж за И. Ф. Кунину. Ее развод был крайне тяжелым испытанием для нее и ее близких. В 1936 году в новом браке родился младший сын Розы Марковны.

Институт иностранных языков, она защитила кандидатскую диссертацию у проф. психолога Лурия и свою деятельность в основном посвятила детям умственно отсталым, проработав двадцать лет в Институте дефектологии. К сожалению, мне мало приходилось с нею говорить об ее очень напряженных и мучительных поисках облегчения участи больных детей – только изредка угадывались ее поглощенность и самоотдача в области психологической и педагогической. Она переводила статьи и книги зарубежных специалистов психологов-педагогов.

В 1964 году Академией педагогических наук была издана книга Эльзы Хейссерман «Потенциальные возможности психического развития нормального и аномального ребенка» в переводе с английского Веры Яковлевны, с предисловием профессора А. Р. Лурия.

К сожалению, у меня очень мало Вериных писем об Алике и Павлике. Но при наших встречах постоянно шел о них разговор. Ее преданность Алику, как я уже упоминала, была безграничной. Каждый шаг его постепенного восхождения к избранному им пути был ей чрезвычайно важен. Насколько я знаю, она старалась оказать ему помощь чем только могла – составлением нужных конспектов, переводом необходимых статей, и даже посильным облегчением бытовых забот.

Сохранились прелестные стихи Веры, посвященные четырехлетнему Алику, и глубоко поэтичные «Десять песен о маленьком мальчике» 1935 года, с эпиграфами из любимых ею поэтов. Хочется их привести, настолько ярко в них воплотился чистый дух подлинной поэзии. Притом, художественная одаренность Веры Яковлевны никогда наружу ею не выказывалась,

настолько она была целомудрена и утаенна от постороннего глаза.

В ее воспоминаниях о собственном детстве сквозит тот же дар одухотворенного восприятия мира, обостренной впечатлительности. Она пишет: «Почему так много страшного в большом непонятном мире за пределами детских сказок и игр? Как передать эти муки детства?» «Часто взрослые говорили о смерти. Просыпаясь ночью, я часто прислушивалась со страхом к дыханию окружающих – не умер ли кто? Желая яснее представить себе свою смерть, я закрывала глаза и уши и думала: не будет солнца, неба, цветов, звуков, все выключится одно за другим, останется – ничто». С какой нежной любовью пишет она о своей матери: «Мама моя была из тех людей, о которых Мейстер Экхарт говорит: “Они живут и действуют среди вещей, но делают это так, точно стоят у крайнего небесного круга, совсем близко к вечности”. “Если бы ты не родилась, я бы по тебе всегда скучала” – сказала мне мама, когда я была еще совсем маленькой».

Глубока была связь между Верой и Веней, ее братом. «Мы переживали друг за друга гораздо сильнее, чем каждый за себя. Будучи уже в гимназии и позднее – в университете, я волновалась только перед его, а не своими экзаменами. Когда врачи временно запретили есть ему соль, я просила у мамы разрешения также не есть соль». И дальше: «С тех пор как Венечка заболел (нервными припадками), мы никогда не спали в темноте. На ночь зажигали крошечные лампочки. Их свет не успокаивал. Он казался тревожным сигналом в темную ночь». «У крестьян, в избе которых мы жили, были иконы. Перед ними горели ночью лампадки. Какой-то

удивительно мирный свет лился от этих лампадок или, быть может, от незнакомых кротких ликов. Казалось, весь дом наполняли тихие ангелы».

Мирная жизнь Верочки в семье среди любящих и любимых ею людей окончилась в двадцатых годах, вместе со смертью матери. В это-то время я с нею и познакомилась...

В ряде писем ярко выражается тяготение Веры к природе, к тишине лесного царства, к «жизни, скрытой в этом покое – сосен и берез, полевых и луговых цветов, в каждом листочке и травинке зеленого величавого мира природы». Наблюдательно и поэтично описывала Вера уединенные уголки обителей, далеких от городской суеты, куда она ездила в летние месяцы. Эта тяга к тишине заложена была с детства в созерцательной натуре Веры.

В местах, освященных великими духовными деятелями прошлого – в Сарове, в Оптино пустыни, в Псково-Печерском монастыре протекала самая важная часть ее внутренней жизни – духовного самоуглубления и поисков Истины. Там душа ее, по ее выражению, «устремлялась в незримую высь». И припадала к подлинному Источнику жизни.

Я много раз наблюдала во время наших бесед особую задумчивость, словно она прислушивалась к чьему-то голосу – мгновениями она отключалась и, возвращаясь к нашей беседе, словно черпала нужные выражения из таинственной глубины. В то же время она всегда была активно-деятельна, будь то постоянная помощь в научной работе близкой приятельнице, или забота о психически-больной Вареньке, внучке священника И. Фуделя, с поездками в Покров к родителям этой девочки, ее

большим друзьям, и с посещениями больной в психиатрической больнице. Всегда были заботы о близких, о родных, о больных и беспомощных.

Несколько раз мы с Верой проводили вместе летние недели. Незабываемы ночи и утра в Верее, в погосте Ка-рижа близ Малоярославца, в Соколовой пустыни. Меня неизменно поражало существо ее натуры: болезненная надломленность, глубина страдания и сострадания наряду с удивительным умением любить, радоваться со-звучным откликам – в эти минуты она излучала свет, сияние ее глаз, казалось, исходит из какого-то невиди-мого источника...

Удивительным образом сочетались в ней хрупкость душевной организации с мужеством и стойкостью, осо-бенно ярко проявившимися во время войны.

Ее письма военного времени – яркое свидетельство глубокого страдания за близких, за народ, за весь мир, окунувшийся в мрак отчаяния, насилия и зла. Она бо-рется изо всех сил за жизнь отца – он умирает на ее глазах в 1943 году. Первая потеря в ее жизни – смерть любимой матери – еще в 1921 году. Это потрясение оставило на всю жизнь след в ее душе. Страшным уда-ром для нее была гибель единственного брата на труд-фронт в 1942 году. Мы были с нею в это время в раз-луке – ее скорбные короткие письма надрывали сердце.

С трудом справляется она с утратами самых близких людей, болезни подтачивают ее организм, она чудом возвращается к жизни. Но в самые тяжелые годы зву-чит голос ее любви к дорогим ей людям. Путь к вере, как я это теперь понимаю, спасает ее. Не угасает Свет в ее душе. Об этом трудном, бесконечно для меня по-учительном пути, она написала сама с бесстрашной

прямотой и искренностью в своих воспоминаниях. Судьба столкнула ее с великим духовным учителем, ее руководителем о. Серафимом.

Навсегда останется в моей памяти посещение по зову Веры и вместе с нею обители на окраине Загорска, где моя встреча с «матушкой» осветила таинственным светом мой дальнейший путь.

Никогда не забуду той строгой доброты, с какой меня встретила матушка. Вера мне говорила, что она не успела ей рассказать обо мне. Тем более поразительно, с каким вниманием и сердечностью я была принята. Я невольно преклонила колени перед матушкой, она перекрестила меня. Казалось, она проникла вглубь моего существа, сказала мне о Марии Египетской; велела помнить путь этой грешницы. Необыкновенным умиротворением была освящена тихая келья. Никогда больше не казалась мне столь вкусной скромная трапеза. Все окружение, сам воздух в этом заточении были какими-то особенными. Уходя, я поцеловала руку матушки – ее лицо с глубоко запавшими умными светлыми глазами всегда стоит передо мной. Сильная воля, внутренняя энергия, твердость высокого духа этой на вид простой русской женщины запечатлились во мне навсегда. Встреча с нею – еще одно чудо в моей жизни – через Верочку.

* * *

На протяжении почти сорока лет она с огромной деликатностью, чуткостью и душевной горячностью стремилась посвятить меня в Таинство Крещения. Ее мечта, обращенная ко мне, к великому моему горю, так

и не осуществлялась при ее жизни. Она делилась со мною пережитыми ею самой страданиями на трудном пути. Особенно любила она молитву Иоанна Златоуста, которая вызвала в ее уме и сердце удивительно глубокие мысли и чувства, словно обращенные к самому Богу. Каждый из 24-х параграфов этой молитвы будит в ее душе страстное желание постичь их величие. Она нашла необыкновенно проникновенные слова, поясняющие суть святых обращений Иоанна Златоуста.

Верочкины обращения ко мне, столь страстные, столь одухотворенные и убедительные, стучались в мою тогда еще глухую душу – они нашли воплощение в моем крещении уже после ее смерти. Через три месяца в 1975 году (год ее смерти) меня благословил о. Александр.

Какое великое счастье выпало на мою долю – таинственная связь и горячая дружба с Верой Яковлевной. И через нее – с Аликом – о. Александром.

Неразлучна я с Верой...

Роза Гевенман

Я ПОМНИЮ ЛЕНОЧКУ...

Мне трудно отделить воспоминания об Елене Семеновне – Леночке от мыслей о Верочки – Вере Яковлевне. Они были двоюродными сестрами, из них старшей была Вера. Жизнь обеих была тесно переплетена с юных лет. Помимо родственных отношений их неразрывно связывала глубокая любовь друг к другу, но любовь эта носила у каждой из них совершенно различный характер, что особенно сказалось в более поздние годы. Но об этом после.

Впервые Леночка появилась в доме Куниных – моих и Верочкиных друзей – в конце 20-х годов. Ей было лет 17–18. Привела ее Вера, нежно влюбленная в свою младшую сестру, недавно переехавшую в Москву. У Веры было спокойное и очень радостное выражение лица. Леночка показалась Куниным каким-то лучезарным существом. Она была удивительно хороша – не только миловидностью. В ней покорял безмятежный покой. Из ее глаз струился теплый свет. Эти большие голубые глаза, золотистые волосы, кроткое выражение нежного лица – запомнились брату и сестре Куниным на всю жизнь.

Мои первые встречи с Леночкой произошли несколько позднее. Ее облик излучал неуловимое обаяние. Особенно меня поразила ее улыбка, озарявшая мягким светом все ее существо. Леночка напоминала мне тихое озеро, отражавшее небесную голубизну.

В ней была удивительная естественность – ничего ложного, надуманного. Ее прелестная женственность

носила целомудренный характер. С первого же взгляда на нее мне показалось, что в ней сияет ровный свет. Точно душа ее не горела, а светилась.

Я мало, к сожалению, общалась с Леночкой в первые годы ее жизни в Москве, но, когда бы мы ни встречались – один раз случайно в Камерном театре, чаще в тихом переулке, где жила Верина семья – всегда возникало ощущение светлой радости. Ее нельзя было не любить. Недаром Вера называла ее голубем – трудно было себе представить тогда Леночку омраченной или разгневанной, настолько в ней отражалась незамутненность внутреннего мира.

В семье Василевских ее окружала нежная любовь. Насколько я знаю, Вера привезла ее из Харькова, где у Леночки сложились трудные отношения с матерью, резко отрицавшей ее религиозные искания. К ним Леночка стремилась с раннего возраста. В своих записках Елена Семеновна подробно описывает путь своего духовного роста.

Кроме бабушки, верной еврейской религии, и добрейшего дяди – Верочкиного отца, Леночку связывала близкая дружба с братом Веры – болезненным юношем Веней, погибшим во время войны. Вера относилась к Леночке как к ребенку и испытывала к ней почти материнскую любовь. Ее потребность в общении с близкими, особенно после смерти горячо любимой матери, была очень велика.

Но по натуре сестры были совершенно различны. Леночкина привязанность была далека от экзальтированности. Вера же отличала углубленность в себе, внутреннее горение, трепетность. В ней точно что-то рвалось взлететь в неведомую высь.

Леночке в высшей степени была свойственна душевная уравновешенность. Это особенно сказалось, когда она, выйдя замуж, зажила собственным домом.

В те годы я по-прежнему не часто виделась с Леночкой и в моих воспоминаниях мало конкретных фактов. В памяти запечателся скорее ее образ, чем подробности жизни.

Лишь много лет спустя мне постепенно стали раскрываться скрытые для меня ранее черты Леночкиного характера. Виднее стали и обстоятельства ее семейной жизни. Ее муж, прекрасный человек – Владимир Григорьевич – отличался большой добротой и доброжелательностью к людям. К Леночке он был горячо привязан и предан ей до конца своей жизни. Несмотря на то, что он не разделял ее религиозных убеждений, в семье никогда не чувствовалось и тени разлада. В доме царило миролюбие. Главную роль играла Леночка, направлявшая по своему разумению уклад жизни. Она была жизнерадостна и легко принимала жизнь. Ценила возможность развлечений и совместного с мужем отдыха. Но никто и ничто не могло заставить ее уклониться от соблюдения церковных обязанностей, порою неизбежно отвлекавших ее от бытовых условий семейной жизни.

Запомнился теплый уют их небольшой комнаты на Серпуховке. Леночка поддерживала неизменный порядок и чистоту в комнате и на кухне. Она умела ладить с соседями в нелегких условиях коммунальной квартиры. Необычайно приветливо, с сердечной теплотой и щедростью проявляла она гостеприимство. Казалось, ей доставляло особое удовлетворение принять, накормить, выслушать любого, приходившего к ней. Ее дом

был открыт для всех, кто нуждался в помощи и сочувствии.

Сколько я помню Леночку, она всегда была окружена любящими друзьями. И сама она была неутомима в заботе о больных, одиноких, неутешенных, старых и молодых, обремененных трудностями жизни.

На даче в «Отдыхе» многие годы находили приют ее немощные друзья. Там весело и дружно проводили летние каникулы дети – ее сыновья и их товарищи. Настоящим праздником для них бывал приезд из Новосибирска Леночкиного брата Володи, который по-особенному умел увлечь их различными выдумками и веселыми играми.

Церковные праздники, особенно Пасху и Рождество Леночка встречала радостно и в то же время торжественно. Особенно запомнились Светлое Воскресенье и Сочельник. Вокруг елки собирались дети и взрослые – дух праздничности сближал и родил всех. И над всем царила светлая Леночкина улыбка, в которой отражалась, как мне кажется, главная особенность ее натуры: дар чистой любви.

Теперь я понимаю, что источником внутреннего света, жившего в ней, была любовь к Богу. Ей была дана неукоснительная вера в Божественное начало. С ранних лет восприняла она этот дар без всяких колебаний, как птицы поют, как цветы цветут. Тихий светочек любви давал ей силу и твердость духа, которые помогали ей в самые трудные годы жизни. За глубокостью «тихих вод» таился сильный характер. Думаю, что это сочетание мягкости, кротости и твердости характера – редкая черта личности. Вероятно, эти особенности прямо сказались на воспитании ее сыновей. Несомненно,

что впитавшееся с раннего возраста воздействие материнского духа повлияло на формирование личности Алика и Павлика.

Ярко проявила себя Леночка в самые тяжелые периоды жизни. Были месяцы вынужденной разлуки с мужем. Были годы войны, когда Леночка с детьми жила в деревне под Загорском. Она стойко преодолевала бытовые трудности, не заботясь о завтрашнем дне. Дети собирали крапиву, из которой она готовила щи и лепешки, собирали хворост для топки. В письмах 41-го – 42-го гг. Вера мне говорила о той «атмосфере спокойной и бодрой уверенности, которую Леночка умеет создать вокруг себя». В их маленьком уголке, писала она, в суровые, страшные дни войны царили мир и благодать.

По-особенному умела Леночка произносить слова молитвы – строго и проникновенно – и благодарила она Бога, как бы возносясь над землей. С неустанными молитвами она обращалась к Богу во все трудные моменты жизни, особенно, когда это касалось судьбы ее сыновей. И всю жизнь она неуклонно обращалась к духовному руководству о. Серафима и матушки Марии, свято исполняя их поучения и уповая на помощь свыше. И помочь приходила...

К концу 60-х гг. Вера стала заболевать. Болезнь ее протекала очень трудно – сперва в Неврологическом институте, затем дома у Леночки, на даче в Мамонтовке и под конец в психиатрической больнице.

Леночка не оставляла Веру, постоянно навещая ее. В промежутках просветления Вериного сознания Леночка преображалась от радостной надежды на выздоровление. После Вериной смерти Леночка не раз мне

говорила, что ее не оставляет ощущение постоянного присутствия Верочки.

Уже будучи сама тяжело больна – а болезнь ее все обострялась и принимала самые тяжелые формы – она часто вспоминала о разных периодах своей и Верочкиной жизни.

В последние годы жизни Леночки мне часто приходилось дежурить около нее вместе с Марией Витальевной – Марусей, сыгравшей большую роль в воспитании Леночкиных сыновей и глубоко связанной с жизнью Веры и Лены. Мы старались помочь больной как только могли. Друзья ее не оставляли, и каждого она принимала светло и сердечно.

Особенно большое место в ее жизни занимала судьба сыновей. К посещениям старшего сына – Алика – она готовилась и буквально оживала при его появлении и благословении. Постоянную чуть не повседневную помощь оказывал ей младший сын – Павлик, на плечи которого ложились нелегкие бытовые заботы и поручения.

Непостижимым казалось, откуда брались силы в измученном теле, как ей удавалось бороться с тяжелейшим недугом, сопровождавшимся высокой температурой, зудом, болями. Бывали дни и ночи, когда силы ее казались исчерпанными. Но в борьбе с жестокой болезнью Леночка проявила поразительную стойкость и мужество. Никогда она не жаловалась. Безропотно, смиренно переносила она мучительные приступы.

Чуть не за месяц до кончины я как-то посетила Леночку со своим другом Лидией Ивановной. Надо было видеть, с какой радостной улыбкой приняла нас Лена. Ведь в дом Лидии Ивановны по дороге куда-то еще в

1935 году Леночка с Верой зашли, чтобы перепеленать 6-месячного Алика. Сидя за столом и вспоминая прошлое, мы с Лидой не могли представить себе, что она уже никогда больше не встретится с Леночкой.

В последний раз я виделась с нею днем 15 января 1979 года. К вечеру ей становилось все хуже, приехали оба сына. Тревога усиливалась с каждым часом. Маруся от нее не отходила. Собрались еще несколько близких Леночкиных друзей. Сознание ее не покидало.

Поздним вечером, к ночи она ушла в Вечность, казалось, под охраной ангельских сил.

Всю ночь произносились священные слова Псалтири... В ее комнате еще долго все оставалось по-прежнему, и, хотя она опустела, душа Леночки продолжала в ней незримо существовать.

И до сих пор высокий дух Леночкиного существа живет во всех нас, ее любивших и с ней не расставшихся.

Благодарю судьбу, даровавшую мне счастье общения и любви к Леночке и Верочки, все так же неразлучимых друг с другом.

1980 г.

Роза Гевенман

НЕУГАСИМЫЙ СВЕТ

Тайной останется его источник. С каких высей, из какого пламени он являлся?

Никогда нам, смертным, не откроется мир этого не-зримого сияния! Но оно нашло воплощение в земном облике о. Александра.

С младенческих лет на нем лежала печать избранничества. Ему предрекали далекий светлый путь служения Богу затворники времен «катакомбной церкви», жившие на окраине Троице-Сергиевой лавры (Загорск) о. Серафим и матушка Мария.

Я знала Алика со дня его рождения. Мы были дружны с его родителями и двоюродной сестрой его матери еще с 20-х годов. В семье царило необыкновенное согласие и дружелюбие. Отец – Владимир Григорьевич – инженер-химик, добрейшей души человек. Мать – Елена Семеновна – Леночка, – всегда светилась ясной улыбкой. Она, кажется мне, играла главную роль в семье. Была очень хороша собой. Свою моложавость и женственность она сохранила до конца своих дней. Нельзя было не полюбить ее. Ее милое лицо, ее голубые глаза излучали свет любви и кротости. В то же время в характере ее была твердость и сила воли. С ранних лет она прониклась страстным желанием принять христианскую веру. Чтение Евангелия уже тогда потрясло ее. Несмотря на резкий протест ее матери, она не изменила своего решения и уверенно шла по избранному ею пути. Задолго до своего

Алик и Павлик. 1940 г. (?)

передался их детям – Алику и Павлику, его младшему брату. Никогда я не слышала об их ссорах. Чудная фотография маленьких мальчиков – Алик, обнимающий Павлика, – всегда встречала меня при входе в небольшую уютную комнату на Серпуховке, где долго жила Леночкина семья. Из круга пожилых Леночкиных друзей я впоследствии узнала о редкой в детском возрасте деликатности и доброте детей к старым людям. Подрастая, братья очень дружелюбно встречали детей, в том числе и моих двух сыновей, на родительской даче в Отдыхе (по Казанской ж. д.). Их игры проходили весело, без всяких драк и шума. При случайных встречах с нашими сыновьями много-много поздней и Алик и Павлик с удивительно добрым смехом вспоминали далекие детские годы и их забавы в дачном поселке.

Гостеприимно встречала Леночка каждого пришедшего ее навестить, всегда с открытой душой и радушием. Даже последние годы жизни, когда ее одолевали тяжкие недуги, она исполнена была редким терпением и без жалоб принимала свои страдания, сохраняя все ту же приветливость и доброту к людям.

крещения она жила постоянной верой в Спасителя и Его помощь.

Леночкин муж Володя был настроен националистически в духе иудаизма, но расхождения во взглядах никогда не препятствовали их любви и привязанности друг к другу.

Этот миролюбивый дух пе-

Последний раз я виделась с ней днем 15 января 1979 года, в день св. Серафима Саровского... Она была притихшей, но все с тем же кротким выражением лица. К вечеру ей становилось все хуже, но к счастью, оба сына были с ней рядом. К ночи она ушла в Вечность, казалось, под охраной ангельских сил. Всю ночь произнеслись священные слова Псалтири.

Хотя комната ее опустела, душа Леночки продолжала в ней незримо присутствовать.

Мне больно думать, что мимо меня все же прошли детские и отроческие годы Алика. Мои семейные обстоятельства так сложились, что я не имела возможности непосредственно с ним общаться.

Лишь косвенно я узнавала о том, что он увлекается биологией, историей, любит рисовать и его рисунки животных нравятся Чарушину, известному художнику-аниалисту. Вероятно, неслучайно впоследствии Алик выбрал для изучения биологии Пушной институт (переведенный через год из подмосковной Балашихи в Иркутск).

В июне 1941 года мы с мужем и его отцом привезли нашего младшего сына в деревню под Загорском, где снимали тогда комнату родители Алика и Павлика. Алику шел седьмой год. Он был крепенький, плотного сложения мальчик с веселым лицом и ясными большими глазами в длинных ресницах. В отличие от пятилетнего худенького нашего Миши, с которым они играли, не помню, в какую игру, – он держался спокойно и уверенно. И вдруг хозяин дачи обратился к моему мужу Иосифу Филипповичу с вопросом: «А вы никуда не уедете?» И тут мы услышали, что по радио выступал Молотов и что началась война. Это был день 22 июня 41-го года...

Военные годы Леночка с детьми провела в деревне неподалеку от Лавры (Загорск). Мы же в начале войны уехали в эвакуацию. Из писем, не часто доходивших до нас, я узнала, как стойко и душевно бодро держалась Леночка. Ее и детей поддерживали лесные дары, иногда кое-что подкидывали местные жители, но главной поддержкой была глубокая вера в Бога, в его добро и силу. И помочь приходила, и чудеса совершались. Насколько я понимаю, не прерывалась связь и с духовным отцом и наставником архимандритом о. Серафимом и с его духовными детьми. Ведь близко находилась Троице-Сергиева лавра. Леночка строго придерживалась обрядовой стороны православной церкви и умела как-то особенно празднично отмечать Рождественские и Пасхальные дни.

Муж Леночки был эвакуирован вместе с заводом, где он работал, и с Москвой связь была через двоюродную сестру Леночки – Веру Яковлевну Василевскую, которая самоотверженно, чуть не пешком (электрички в Загорск уже не шли) добиралась с кое-какими продуктами для Леночки и детей.

Верочка (так называли ее в семье Елены Семеновны) еще в начале 30-х годов вывезла юную Леночку из Харькова в Москву. Она была старше, и всю жизнь питала к Леночке любовь, сопровождавшуюся постоянными тревогами о ее здоровье и благополучии. В отличие от жизнерадостной Леночки Вера была грустна и задумчива, несмотря на внешнее спокойствие и собранность. Взгляд ее светлых глаз, казалось, таил какой-то мучивший ее вопрос.

Я познакомилась с нею в 1921 году после смерти ее матери, которую она бесконечно любила. С ее портретом

она никогда не расставалась. В Университете мы учились одновременно – она на философском факультете, я – на искусствоведческом. Вскоре мы стали очень близкими друзьями. При всем различии наших натур, склонностей, интересов, что-то тайное крепко связало нас на всю жизнь: «Да, Розочка, родная, источник один и все души тянутся к нему так жадно, так неудержимо, “как лань стремится к источнику вод”. И чем глубже душа, тем сильнее это стремление, тем больше страдания, потому что ничто, кроме одного, не может наполнить бездну души, ничто не может удовлетворить ее» (из письма В. Я. Василевской).

Обладая ясным умом и способностью к научному мышлению (ее диссертация на тему трудновоспитуемых детей была высоко оценена профессором-психологом А. Р. Лурия), она была одновременно человеком глубоко эмоциональным и легко ранимым. Мучительно преодолевала она сомнение и недоверие к себе в поисках истинного пути. Это была очень сложная личность с глубокими внутренними переживаниями. Особенно трудно ей было в те годы преодолеть раздвоенность между иудаизмом (мы с ней тогда посещали кружок по изучению еврейской национальной культуры) и христианством. В то время она лишь смутно догадывалась о своем будущем властном призывае к Христу.

Большое впечатление на Веру произвели беседы с верующей воспитательницей детского сада, где она работала в университетские годы. Вочные часы их дежурств Тоня посвящала ее в мир православия и приоткрыла ей путь к своему духовному отцу, ставшему много лет спустя наставником самой Веры. Но путь этот оказался очень трудным. Если Леночка с девятилетнего

возраста шла по осиянному пути доверчиво и неукоснительно, с удивительным «веселием духа», то Вера несла тяжкий груз сомнений и колебаний в постижениях тайн и смысла православной веры.

Перелом в ее духовной жизни произошел лишь в конце 30-х годов, когда она вступила в тесное общение с замечательным пастырем архимандритом о. Серафимом, жившим на окраине Загорска. Именно о нем впервые ей поведала Тоня.

Отец Серафим глубоко проник в сложный внутренний мир Веры. О своих мучительных поисках она много писала ему. В ответных письмах он называл ее: «Чадо мое родное!».

Таинство своего Крещения, поразительную обстановку церковного затвора Вера ярко описала в своих воспоминаниях «Катакомбы XX века». А предисловие к этой рукописи сделал позднее Александр, изложивший историю нашей церкви после 1917 года.

О глубине молитвенных размышлений Веры можно судить по ее проникновенному толкованию 24-часовой молитвы Иоанна Златоуста. В каждом параграфе она пытается разъяснить себе самой смысл вдохновенных слов этой молитвы. Эпиграфом к своему толкованию она сделала слова: «Рассеянный ум мой собери, Господи!».

Огромной радостью для Веры было рождение Алика в 1935 году. Оно вызвало в ней приток нежности и любви. Ее вдохновенные стихи, посвященные двухмесячному Алику, – «Десять песен маленькому мальчику» – озарены трепетом перед тайной прихода в мир крохотного существа и восхищенностью каждым его движением. Хорошо знакомая с поэзией (ее любимыми

поэтами и писателями были Тютчев, Блок, Баратынский, Рабиндранат Тагор, Виктор Гюго, Рильке, Клодель), она снабдила каждый стих эпиграфами из их произведений.

Никого дороже Леночки и ее сыновей у Веры не было: «Леночка и дети живут трудно, но в маленьком домике на опушке бересковой рощи, при свете крошечных светильничков чувствуешь себя в оазисе среди мрачной пустыни...» (из письма Веры, 1942 г.).

В 1942 году на трудфронте в Калининской области погиб любимый младший брат Веры. В своем скорбном письме ко мне в эвакуацию, оплакивая гибель брата Вени, она пишет: «Сейчас на фоне бесчисленных страданий людей, среди океана скорби, маленьким может показаться мое большое горе. Скорби утешит Тот, Кто сказал морю: “Умолкни! Перестань!”. И наступит великая тишина...».

У нас сохранилось ее письмо, обращенное к моему мужу и его сестре после смерти их отца в 1950 г. (они были дружны с 20-х годов). Она пишет: «...Глубоко переживаю вместе с Вами Вашу боль, которая так близка мне по недавнему прошлому. Как живо вспоминается мне тот день, когда хоронили вашу маму¹. В тот момент мы были с вами почти родными и теперь я снова испытываю то же чувство: родители – это не просто близкие люди, это корень, на котором вырос цветок, это наше детство, наше первичное ощущение реальности мира (...) что-то умирает в нас... но и оживает, что-то другое, высшее. (...) О смерти вашего отца узнала сегодня. (...) Когда хоронили моего папу, было что-то удивительно

¹ Е. Я. Яголим, мать брата и сестры Куниных, умерла в 1924 году в возрасте 48 лет.

светлое в ощущении души, освободившейся от усталого, измученного тела. Желаю вам, дорогие, такого же светлого умиротворяющего чувства. На могиле нередко расцветают чудесные цветы!»

Иной раз Вера казалась «не от мира сего», так чужда ей была суетность повседневности, но она обладала по-разительной силой самоотдачи и принимала самое активное участие в помощи друзьям и близким. Ее аскетичная натура была наделена стремлением к подвигу деятельной любви и самоотверженности.

Долгие годы Вера отдала работе в Институте дефектологии, где старалась облегчить страдания больных детей. Ей всего легче давалось общение с детьми – их доверчивость, творческое восприятие мира помогали ей преодолевать собственную замкнутость и отчужденность от внешнего мира.

Несомненно, существование Алика было центром ее деятельной любви и преданности. Не раз она ездила к нему в Иркутск; хорошо владея иностранными языками, много рез переводила необходимые ему богословские и исторические материалы, всячески старалась облегчить его заботы в семейной жизни.

Встречи и беседы с ним – то в маленькой квартире на Серпуховке, где он жил, то, изредка, у себя в крошечной комнатке, – воодушевляли ее бесконечно. И он делился с нею постоянно своими мыслями. Мне кажется, влияние Веры было очень велико в духовном развитии Александра. В своем надгробном слове после смерти Веры он выразил свою любовь к ней и благодарность словами: «Вере Яковлевне я обязан очень многим. Она, как и моя мать, сыграла громадную роль в моей жизни».

В моей семье она принимала очень большое участие. По ее совету я ездила во Владимир, чтобы присутствовать на богослужении в любимый ею праздник Преображения. Там, в Успенском соборе, слушала я ангельский церковный хор – как она радовалась за меня, почувствовав мое волнение! Вместе с нею я летала в Киев, ей очень хотелось показать мне памятник св. Владимиру и посетить Киево-Печерскую лавру, несмотря на руины храмов. Позднее мы с мужем провели праздник Успения Богоматери в Псково-Печорском монастыре, куда Вера дала нам адрес своих знакомых. Это были незабываемые дни, исполненные глубочайшего благочестия и торжественности. До сих пор встает в нашей памяти величественный крестный ход, суровые лики Валаамских старцев, праздничные облачения священнослужителей, тысячи паломников и богомольцев. Монастырские пещеры с мерцающими огоньками свечей, глубокое подземелье этих пещер с хранящимися там нетленными телами монахов. Под непрерывный звон колоколов мы ощущали себя в мире глубокой старины. А Иосифу Филипповичу было долго воспоминание о Вере Шелоге, ее паломничестве из Пскова в Псково-Печорский монастырь: «Туда дорога лесом, а лес густой...».

Записанные нами вирши на монастырских часах – о тленности земной жизни и призыве к вечности – очень нравились Верочке, которая с радостью выслушивала наши восторженные рассказы о пережитых нами в монастыре впечатлениях.

Сама Вера не раз ездила во время отпуска в святые места: Дивеево, Оптину пустынь... Два дня я провела с ней в тихой Соколовой пустыни, а к нам она приезжала

в погост Карижа под Малоярославцем, где ей так нравился густой лес и где она любила собирать грибы. Ее всегда тянуло в уединенные малолюдные места, там она наслаждалась тишиной и вела свои записи.

Многие годы она стремилась обратить меня в православную веру. В своих письмах на протяжении почти сорока лет, как и в личных беседах, она пыталась мне помочь вникнуть в глубочайший смысл Священного Писания. Она раскрывала передо мной значение текстов евангельского учения, молитв, посланий апостола Павла, которого она страстно почитала. Эти драгоценные письма свидетельствуют о неутомимости ее духовных исканий и постижений. Ее мечтой было приобщить меня к Таинству Крещения. Но осуществить ее мне удалось лишь после ее смерти.

Память о необыкновенной личности Веры неразрывно связана с самим Александром. Пишу о ней подробно, чтоб еще тесней связать близость ее духовного мира к миру откровений самого Александра, несомненно служившего ей путеводной звездой на ее трудном пути.

В 1960 году в ответ на мое письмо Вера мне написала: «Не могу передать тебе, как обрадовало меня твое письмо! Получилось оно в самый замечательный день в нашей жизни. Первого сентября состоялось посвящение Алика. Он принял важнейшую в истории человечества «эстафету», идущую непрерывно от времен апостольских... Твое письмо с описаннными в нем переживаниями вошло в круг впечатлений этих удивительных дней и еще больше сблизило нас с тобою».

...В мае 1975 года Вера была похоронена на кладбище Новой Деревни, под городом Пушкино, где было сооружено по проекту Александра чудесное надгробие в

виде треугольной часовенки с цветным изображением Ангела рублевской Троицы, а через четыре года рядом легла могила любимой ею Леночки с большим деревянным крестом.

Мне прискорбно думать, что Верино заветное желание моего Крещения я осуществила лишь через три месяца после ее кончины. Осуществилось оно чудом, почти внезапно. По просьбе близкого мне человека Марину Косталевской я проводила ее в Сретенский храм Новой Деревни к о. Александру. Она хотела креститься. В своей маленькой келье близ храма он, после длительной беседы с нею, позвал меня к себе и, со свойственной ему силой духовного прозрения, освятил нас обеих Таинством Крещения. Мне на миг показалось, что он услышал голос Вериного завещания. Подаренный им мне серебряный крестик и образок Христа с надписанной им датой – 6/VIII-75 – служат мне священными знаками прихода в Церковь.

А Марина, уехавшая в Штаты в 1979 году, прилетела после двенадцатилетнего отсутствия, потрясенная известием о гибели Александра, чтобы поклониться его праху. Дата нашего с нею Крещения осталась навеки памятной. Каждый год 6-го августа мы обмениваемся краткими словами о том далеком-далеком дне.

Утешением мне служит мысль о том, что в начале моего пути к христианской вере стоит Верочка, а в дальнейшем он просветлен личностью Александра.

В кругу Леночкиной семьи часто упоминалось имя Маруси (Марии Витальевны Тепниной). С детских лет Алика и Павлика она принимала горячее участие в их духовном воспитании. К сожалению, она неохотно делилась своими воспоминаниями, но я знаю, что она

много содействовала их пониманию Закона Божьего. После возвращения из ссылки, где она провела восемь лет (осуждена была, как и многие верующие, за религиозные убеждения), ей много помогала Верочка восстановить пошатнувшееся здоровье. В те годы я почти не встречалась с нею, и даже немного побаивалась ее, как мне казалось, сурового характера. Но как изменились впоследствии наши отношения! Во время Вериного заболевания мы с Марусей регулярно ее навещали. Всем своим существом она разделяла тревоги и радости судьбы Александра. Именно во времена Вериного пребывания в больнице мы с Марусей стали тесно общаться. Как и Вера, Маруся самым деликатным образом не позволяла себе «толкать» меня на путь обращения в христианскую веру. А я чувствовала в ней большую внутреннюю силу. Меня приводило к ней присущее ее натуре особое спокойствие, равнодушие к внешним благам, верность избранному ею пути.

Она была связана с деятельностью Александра до самой его смерти. Ни одной службы его в Новой Деревне не только не пропускала, не накормив его, но и во дни различных треб она прибывала в Новодеревенский храм, где скрупулезно заботилась о его питании. Эта болезненная тщедушная женщина добывала для него необходимые продукты, привозила их из Москвы, готовила горячую пищу в крохотной кухне прицерковного домика.

Она оберегала его благоденствие и покой всеми доступными ей средствами. После смерти родителей и сестры у Марии Витальевны никого не было дороже Алика. С самого детства до конца жизни он был к ней глубоко привязан и только ей одной способен был

изредка открывать свою боль от недостойного поступка кого-либо из вверенной ему паствы.

Особенно трудными были дни поста, но она умудрялась и в это время обеспечить Алика овощами, фруктами, соками.

Для нее священными были памятные даты посвящения Александра на службу Церкви. При ее непосредственном содействии художницей Наташой Ермаковой оформлялись чудесные альбомы с текстами, подготовленными Марусей.

В тревожные дни непрестанных вызовов Александра в Совет по делам религии, когда условным знаком освобождения от допроса служил его телефонный звонок ко мне, она постоянно находилась рядом – и мы снова и снова обнимали друг друга.

Как ни редко мы встречались последнее время, я постоянно ощущала ее рядом. Она укрепляла мой дух и помогала, сама того не зная, преодолеть малодушие и тревоги.

Радуюсь тому, что в последние годы и мой муж Иосиф Филиппович сблизился с Марусей и между ними возникли сердечные отношения, как и с его сестрой Евгенией Филипповной. Многим Мария Витальевна казалась слишком строгой и даже жесткой в некоторых случаях, но для меня она служит примером стойкости и большой внутренней собранности, свободной от внешних обстоятельств. Мне думается, что вся ее жизнь была исполнена подвижнической силы и готовности претерпеть любые испытания. Из окружающих меня людей, кажется, никто не способен так углубленно отдаваться молитвенной сосредоточенности. Вижу ее коленопреклоненной, и как бы всю себя отдающей горению

Духа. В такие моменты я никогда не позволяла себе приблизиться к ней, к облюбованному ею уголку Сретенского храма, где Маруся оставалась наедине с Богом.

В последние годы жизни Александра, когда он получил возможность часто выступать перед множеством аудиторий, Мария Витальевна не пропускала ни одного его выступления, невзирая на преследующие ее многочисленные недомогания. Его гибель, потрясшую сотни и тысячи людей, она – как редко кто – сумела воспринять с высоко христианским подвигом смирения перед Божьей волей. Живя в Новой Деревне, близ Сретенского храма, где покоятся могила Александра, Мария Витальевна с великим усердием следила за ее благоустройством в неустанной молитве за упокой души усопшего.

Не забуду произнесенных ею слов про покойного Алика (так она всегда его называла): «Он никуда не ушел, он всегда здесь – с нами».

Великим счастьем я считаю встречи в моей жизни с духовно близкими Александру людьми – Леночкой, и, особенно, с Верой и Марусей.

Ни длительных бесед, ни переписки между мной и Аликом не было. Сохраниются мною до сих пор его драгоценные поздравительные открытки – то с днем рождения (благодарения – как он называл такой день), то в Пасхальные или Рождественские праздники, – «Дорогой Розочке – помню, люблю, молюсь». Эти знаки все же легко прочитывались; они скрепляли нашу близость и всегда несли с собой любовь и свет.

Мы всегда ощущали его присутствие, как бы редко он ни посещал нас. Всегда торопясь – на выступление, к тяжело больному или на деловое собрание, – он, приезжая к нам, никогда не спешил, движения его были

спокойны, и в краткой беседе за нашим столом он успевал о многом нам поведать. Но мы так ценили его занятость, что не разрешали себе длительных расспросов. Мы были связаны с ним особым внутренним родством, и каждая встреча отмечена была исходящей от его светлого существа особой благодатью.

На поминках по матери, горячо им любимой, в мае 1979 г., он обратился к присутствующим со словами: «Я хочу сказать, хотя вы, может быть, удивитесь, о семье Куниных. Почему я о них заговорил? Для меня это представители уходящей интеллигенции. Я многому у них научился, и хотел бы, чтоб вы продолжали».

Примерно за год до смерти он начал записывать на привезенный магнитофон беседы с Иосифом Филипповичем и Евгенией Филипповной, попросив рассказать их биографию, но, увы, продолжение уже не довелось осуществить.

От наших друзей из его прихода мы знали, что он всегда интересуется обстоятельствами нашей жизни, и даже через посылаемые нам его приветы мы ощущали: он – рядом. Его помошь нам в трудные периоды была необыкновенно реальной, необходимой, и оказывалась поистине чудом. Так, во время подготовки к переезду в новую квартиру в 1981 году, что было связано с большими трудностями при нашем преклонном возрасте, он прислал мне открытку с припиской: «Когда нужна будет помошь – только скажите». И тут же появился субъект, на вид худой, аскетического склада, Володя Лихачев², вскоре ставший нашим чудесным другом.

² Владимир Николаевич Лихачев (1939–2020) – преподаватель физики в Московском инженерно-физическом институте, ученый и катехизатор.

А через несколько дней, с группой студентов «лихачевской бригады», Володя начал одолевать, казалось, непреодолимые трудности – перевозка стеллажей, люстры, многих тюков с книгами; и на наших глазах уже в новой квартире со сказочной быстротой установил порядок в укреплении тех же книжных полок, стеллажей, шкафа и тому подобное.

Этот удивительный человек – талантливый физик, обладающий большим философским умом и оригинальным мышлением с мистическим оттенком.

Его беседы с Иосифом Филипповичем на самые различные темы – физики, истории, философии, религии – носили горячий характер и часто сопровождались яростными спорами. Мой муж шутливо называл его ересиархом, так как собеседник нередко высказывал парадоксальные мысли, а муж, еще не будучи тогда крещен, убежденно доказывал правоту религиозных основ человеческого мышления.

По своей натуре Володя Лихачев является собой яркий тип религиозно-философского просветителя. Он пользовался большим авторитетом в основанных им кружках христианского просвещения, готовя молодых студентов-физиков к Таинству Крещения. Не случайно институтские власти относились к нему с подозрением и, насколько мне известно, он с радостью оставил преподавание и перешел на научную работу в академический институт.

Благоговейно относясь к выдающейся личности и деятельности Александра, Володя, беседуя с нами, произнес знаменательные слова: «Наш век надо назвать эпохой Александра».

У нас дома он организовал музыкальные вечера для своей молодежи с подготовительной беседой Иосифа

Филипповича по истории русской музыкальной культуры XIX века, с прослушиванием пластинок.

В один из периодов тяжелого болезненного состояния моего мужа, ему приснился сон: Кто-то сказал: «Его исцелят только белые-белые руки», – и он увидел Александра. Проснувшись, муж понял, что эти белые руки – руки Александра. Вскоре этот знаменательный сон осуществился наяву. От имени Александра в доме у нас появились два чудесных целителя: Елена Викторовна Захарова³ (Леля) и Владимир Львович Файнберг⁴ (Володя).

После перенесенного мужем в середине 80-х годов инсульта, когда участковые врачи оказались бессильными помочь ему, Александр просил хорошо знакомого ему врача – талантливого доктора Елену Викторовну – осмотреть мужа. Леля (так ее называют близкие) тщательнейшим образом обследовала Иосифа Филипповича, проявила невероятную способность и изобретательность в восстановлении его сил.

Этот «волшебный доктор», как мы ее называем, отличается энергией творческих сил, я бы сказала, особой интуитивной способностью распознавания потенциальных возможностей организма. Немногословная, почти суховатая на первый взгляд, чуть суровая и крайне требовательная к неуклонному выполнению ее медицинских указаний, Леля отличается человеческим обаянием. Приковывает к себе особый взгляд ее серых глаз, пристальный и таящий в глубине что-то невысказанное.

³ Елена Викторовна Захарова – врач, заведующий отделением нефрологии в Московской Боткинской больнице.

⁴ Владимир Львович Файнберг (1930-2010) – поэт, писатель, киносценарист, автор ряда повестей и романов.

Изредка мелькающая на ее лице легкая улыбка всегда согревает нас.

До сих пор Леля немедленно откликается на любой мой тревожный звонок, и я свято прислушиваюсь к ее умным советам. Когда она время от времени имеет возможность нас навестить, мы с великой благодарностью встречаем ее, отлично понимая, что она не без труда урывает от своего служебного времени и семейных забот минуты пребывания с нами.

Очень сильно чувствуется в ней душевная тонкость, деликатность, внутренняя глубина. С какой любовью мы воспринимаем появление в нашей жизни этого врача и прекрасной души человека! Чудом сумела она на годы сохранить силы стоявшего на краю гибели моего мужа, Иосифа Филипповича. Великое спасибо ей!

Еще одним подарком нам от о. Александра было знакомство и дружба с Володей Файнбергом. В трудное для нас время недомоганий Александр сказал ему: «Их надо подбодрить».

Этот прихрамывающий скромный человек с чудесными умными и добрыми глазами сразу стал своим, как будто мы давно знали друг друга. Вскоре выяснилось, что он обладает даром исцеления прикосновением рук через невидимые силы биополя. Он ничего о себе не рассказывал, а мы ни о чем его не расспрашивали. Он никогда не жаловался на обстоятельства своей, как я узнала впоследствии, нелегкой жизни – со стариком отцом и трудным сыном. Когда много времени спустя я посетила его, меня поразила красота оранжерейных цветов и растений, собранных им и оберегаемых как чудо экзотической природы. И я поняла – тут таилась тайная страсть к прекрасному в мире. Больше, чем на

Иосифа Филипповича, сила тепла, исходившая от его пальцев, оказывала явное воздействие на мои недомогания. Успокаивалась головная боль и ломота в суставах.

Но главное – мы полюбили друг друга с большой доверчивостью, и радостно обмениваемся телефонными звонками. А каждая, пусть мимолетная встреча у нас за чашкой кофе и сигаретами в руках, освещает душу чудным светом любви.

Владимиру Львовичу, к счастью, удалось написать очень яркие воспоминания об Александре, как о живом и неумирающем человеке. А в его книге «Здесь и теперь» обнаружился истинный талант настоящего художника. Вот это было счастливым для нас открытием. Ведь он не посвящал нас в свой семилетний труд над книгой, каждая глава которой прочитывалась им Александру, благословившему писательский подвиг Володи. Из воспоминаний Владимира Львовича мы узнаем о том, что он непременно сопровождал Алика на допросы, долгими часами ожидая его возвращения, и о многом-многом другом. А книга «Здесь и теперь» с почти автобиографической достоверностью раскрыла мне глубину его души, в смятении жаждущей пути к правде, справедливости, исцелению недугующих.

В этой же книге издана повесть о потерявшем себя мальчике, и мне раскрылась трагедия Володиного отцовства. С неослабевающим интересом прочитываешь книгу Володи, и снова, в который уже раз, думаешь о неисповедимости пути, скрестившего наши судьбы, наши сердца. В самой середине этого пути – умолкший теперь навсегда Александр, остающийся для нас навеки живым.

Вскоре из Штатов, куда вернулась от нас Марина, я получила от нее открытку в цвете с изображением Явления Христа Марии Магдалине после его Воскресения (фреска Джотто из базилики св. Франциска Ассизского). Она мне пишет: «Дорогая Роза Марковна! В первую ночь по приезде из Москвы мне приснился сон. Я иду по долине, а впереди видна гора-вулкан. Из кратера валит черный дым. Я смотрю на гору и думаю об о. Александре. И вдруг дым становится белым. И кто-то говорит: «Его избрали». И я, еще во сне, соображаю – это как в Ватикане: когда избран новый Папа, над куполом возносится белый дым.

Целую Вас. Марина».

Каждый приход Алика к нам вносил чувство умиротворенности и покоя. Освящая нашу новую квартиру, он благословил нас и с чудесной улыбкой произнес: «Теперь вам будет здесь легче дышать». Самые мимолетные встречи с ним оказывались для нас настоящим праздником. Неизгладимое впечатление, я думаю, на многих и многих, производил он во время богослужения. Ни одна из многочисленных фотографий, запечатлевших его поразительную внешность, не передает той вдохновенной силы, того потока света, которые исходили от него при появлении на амвоне с воздетыми к небу руками. В одной из газетных заметок он был назван Апостолом XX века. Таким и был Александр Мень.

Вспоминается многое.

В 70-х годах к нему обратились из журнала «Вестник христианского студенческого движения» с вопросом, как он относится к тому, что в святцах упомянуты имена святых, «умученных от жидов». Он ответил:

«Я напомню Вам, что в канонах Церкви имеется не только процесс канонизации святых, но и процесс де-канонизации. Возможно, что этот процесс коснется и названных Вами святых». Может ли быть более деликатным и глубоким ответ на трудный вопрос, заданный ему как священнику-еврею?

Перед призывом нашего внука в армию Александр имел с ним длительную беседу, и все мы уверены, что именно его благословение помогло 18-летнему юноше преодолеть трудности армейской службы. В своей открытке к нему Александр призывал его не терять интереса к людям даже в условиях армейской обстановки. Вернувшись из армии, Миша в своих заметках писал, что призывы Александра к бодрости духа и любопытству к жизни, как бы трудны ни были внешние обстоятельства, служат ему напутствием на всю дальнейшую жизнь.

Из часто присылаемых нам Александром поздравлений одно – к восьмидесятилетию Иосифа Филипповича – особенно дорого нам. На цветной фотографии изображены Иерусалимские святыни (базилика св. Константина, храм св. Елены, храм Обретения Креста, Коптская часовня). Слева на переднем плане – эфиопский монах, освещенный солнцем, погруженный в чтение раскрытой книги. На обороте приводится текст из Ефрема Сирин: «С Тобою Гроб перестал быть Гробом. Ибо Ты, Христе, Воскресение». Надпись Александра красными чернилами такова: «Дорогой Иосиф Филиппович, поздравляю со вторым сроком 40-летнего странствия на земле. С любовью». В конверт с этой открыткой вложена им веточка оливкового дерева из Святой земли.

Одним из драгоценных его даров является надпись на любимой книге, принадлежавшей когда-то Вере Яковлевне. Это «Приношения в песнях» Рабиндраната Тагора (изд. в 1914 г.). Александр на ней надписал уже после смерти Верочки: «Дорогому и родному Иосифу Филипповичу в день его рождения. Эта книга соединяет Вас, Верочку и меня. Пусть это будет символом. С любовью, прот. А. Мень».

На подаренной им книге ранних стихов М. Волошина (изд. 1916 г.) «Иверни», давно ставшей библиографической редкостью, он написал: «Дорогим Розочке и Иосифу Филипповичу в день Пасхи. С глубоким чувством родственной связи. А. Мень. 86 г.».

Другое поздравление относится ко мне. На большом снимке, изображающем галилейский горный пейзаж, Александр написал: «Дорогая Розочка! Поздравляю Вас с днем благодарения, как иногда называют день рождения. Вы для меня – среди тех немногих, кого считаю самыми близкими и родными (как мама и Верочка). Всегда помню, молюсь, благодарю. С любовью».

К одному из Пасхальных праздников он прислал нам цветную открытку с образом благословляющего Христа: «Дорогие мои! Поздравляю Вас с Праздником. Мысленно всегда с Вами. Любящий Вас».

И в другой раз: «Христос Воскресе! Дорогие! Обнимаю, поздравляю, помню, молюсь. А.»

Эти бесценные знаки его внимания к нам служили опорой, освещали наш жизненный путь, дарили радость. Неразрывная связь с ним укреплялась с годами. Машинописные тексты его проповедей, магнитофонные записи выступлений приводили в восхищенное

изумление перед силой его ясного ума, сердечного жара, глубиной истолкования им Евангельских истин.

За неделю до гибели Александр вечером посетил наш дом. Еще в дверях он широко раскрыл руки со светлой улыбкой, словно принимая нас в свои объятия. Он говорил с каждым отдельно, а Иосифу Филипповичу, единственному из нас некрещеному, он сказал: «Идите своей дорогой – куда вас поведет ваше сердце, разум и совесть». Потом мы поняли, что это был его завет.

*Отец Александр Мень
в своем кабинете. Семхоз, 1986 г.
Фото С. Руковой*

В мою память врезались наши посещения с Александром дорогих могил его матери и Верочки. Один раз он показал мне могилу о. Григория, настоятеля

Сретенской церкви, куда был направлен двадцать лет назад Алик. Она была ему тоже очень дорога.

Вскоре после смерти Александра мне приснился сон. На каком-то возвышении вроде невысокого холма я увидела Александра. Ни зданий, ни людей вокруг не было. Он сидел одиноко и был задумчив. Меня внизу ждала машина, и я ему предложила поехать в город, но он сказал: «Не могу, я жду больного». Я молча поцеловала его руку и спустилась вниз. Тут меня поразило обилие густо-лиловых кустов сирени, а также особо интенсивный цвет солнца. И вдруг я увидела могилу на пустынном месте, поняла, что это – его могила, но в оцепенении подумала: как же так, ведь он живой, а тут его могила? Ответа так и не нашла.

А недавно, в ночь после Преображения, во сне мы шли под руку с Александром, как это было не раз по дороге из Сретенского храма на кладбище. Он был печален и как-то согбен. Вдруг мы очутились в полутемном тоннеле Ярославского вокзала, но дойти до перрона нам никак не удавалось – высокие затворы с перекрещенными железными балками преграждали выход. Сон был темно-серого цвета.

Теперь, год спустя после его убийства, в памяти встают слова из Евангелия от Иоанна (8:37): «Ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас».

Убийцы и те изуверы, кто их послал, просчитались. Никогда не звучали так громко и внятно со страниц газет, журналов, центрального телевидения не только у нас, но далеко за рубежами нашей страны, слова Александра, как теперь. Его книги, изданные еще в 60-х и 70-х годах в Брюсселе, стали теперь достоянием нашей печати. Их изучают, ими восхищаются. Поистине,

слово его наконец-то стало вмещаться в сознание тысяч людей. И пророческие слова Веры Василевской в посвященных ею стихах младенцу Алику: «Ты победишь мир, Александр!», – вполне оправдались. Вопреки дьявольскому злу, обрекшему его на мученическую смерть, он оказался победителем.

«И тьма не объяла Его».

И свет, который нес людям о. Александр, неугасим.

Август 1991 г.

Письма Веры Яковлевны Василевской Розе Марковне Гевенман

Начало 1930-х гг.

Розочка дорогая!

Я была неделю в Ленинграде и теперь нахожусь в хуторе под Лугой. Надеюсь здесь прожить недели три. Очень хочется, Розочка, получить от тебя сюда письмо.

Пишу тебе сейчас из волшебного лесного царства. Хутор стоит среди леса на берегу реки Луги. Тишина изумительная! Сосны и ели стоят словно завороженные на фоне голубого неба, а солнечные лучи так многообразно играют в листьях деревьев, на поверхности воды, на нежном ковре травы и мхов! Мне кажется, я нигде не видела такого богатства игры светотени, как здесь. Так хорошо жить одной жизнью с лесом от утра до заката солнца, следить за появлением первых звезд. Здесь так трудно оправдать ложь нашей городской жизни и цивилизации. Встает множество старых, неразрешенных вопросов. Может быть, лес ответит?..

Читаю пока мало. Сейчас мое любимое время дня, когда солнце начинает склоняться к закату. Мы с Леночкой¹ собираемся идти к источнику за ключевой водой и на почту (1,5 версты от хутора).

Крепко целую тебя, Розочка дорогая.

¹ Двоюродная сестра Веры Яковлевны, Елена Семеновна Мень.

Сердечный привет Марку, Лизе, Жене и Юзе². Будь
здорова. Жду письма.
Твоя Вера.

* * *

Лето 1932-1934

Розочка, дорогая, спасибо большое за письмо, за сти-
хи, за цветочки. Очень обрадовалась всему. Сейчас пе-
ред покосом такое богатство цветов и трав на лугах,
целый волшебный мир узоров и красок. Спасибо за фи-
алку, в этом цветке какой-то особенный символ, целое
мироощущение. Стихи чудесны, и у тебя такой краси-
вый почерк на еврейском языке!

Знаешь, Розочка, у меня последнее время опять боль-
шое желание изучать еврейский язык. Явилась было
даже фантазия обратиться для этого в Лазаревский
институт, но это вероятно неосуществимо. Не вполне
отдаю себе отчет, отчего так люблю этот язык, словно
чувствую какую-то онтологическую связь с ним. Рабо-
тать в фонде последнее время пришлось много, только
три дня как кончили проверку и расстановку книг и
приступили к работе с читателями. Стараюсь каждый
день найти в работе что-то новое и интересное, пока
это удается. Статья по изучению читателя почти не
продвигается, устала вероятно.

² Марк Михайлович Пратусевич – журналист, первый
муж Розы Марковны. Елизавета Михайловна Шуб – близ-
кая подруга Розы Марковны. Евгения Филипповна и Иосиф
Филиппович Куницы – друзья Розы Марковны. Впослед-
ствии И. Ф. Кунин стал ее вторым мужем.

Розочка, как проводишь дни? Неужели читаешь много и серьезные книги? Не утомляйся, это мешает по-правке. Как сон и аппетит? Непременно старайся побольше прибавить в весе³.

Сегодня у меня был свободный день, первый раз за это лето была по-настоящему за городом. Даже несколько часов среди природы так много дают! Пишу тебе ночью, в тот чуткий и напряженный час, когда все кажется равно далеким и близким, и, кажется, чувствуешь одновременно два полюса жизни – жизнь ощущается и как трагедия, и как благодать. Прости, что не умею сказать обо всем, о чем хотелось бы сказать тебе. Но ведь ты несравненно лучше, тоньше, «музыкальней» меня, и поймешь все без слов. Спокойной, ночи. Розочка! Дай Бог тебе побольше настоящей радости и душевного мира.

Целую тебя. Твоя Вера.

Привет Марку.

* * *

7/VI 1936 г.

Розочка, дорогая, мне хочется поделиться с тобой некоторыми мыслями по поводу того вопроса, который ты поставила в своем письме и к которому я и сама часто мысленно возвращаюсь, так как, ты знаешь, и мне

³ В это время Роза Марковна была постоянно истощена из-за необходимости ухода за своим старшим ребенком, Альдиком, родившимся в конце декабря 1928 года, одновременно с работой и доставанием пропитания (что было сопряжено с огромными сложностями вследствие нехватки продуктов в Москве, длинных очередей и т.д.).

дорогое благополучие Альдика. Самое главное, мне кажется, это то, чтобы Альдик узнал впервые о рождении малютки⁴ только от тебя, а не как-либо иначе или случайно; чтобы у него не было ни тени подозрения, что от него что-то скрывают или его обманывают; чтобы он сохранил к тебе, насколько это возможно в создавшейся сложной ситуации, абсолютное доверие.

Розочка, ведь для ребенка потерять доверие к близким значит утратить доверие к жизни, основные жизненные устои. Розочка, во время нашего последнего разговора по телефону, удивляясь некоторым реакциям Альдика, ты сказала: «Он никогда не был скрытным, это на него не похоже». Но ведь до сих пор ему нечего было скрывать, а теперь в его жизни уже есть какая-то тень, хотя бы в виде изменившихся отношений между папой и мамой, к которым он должен приспособливать свое поведение, и он, несомненно, уже что-то затаил в себе.

В том-то и трагизм этого возраста, что он уже многое переживает, но еще мало осознает. И, мне кажется, основная задача сейчас состоит в том, чтобы не дать ему замкнуться в себе, а помочь ему как можно больше отреагировать непосредственно, по-детски. У Альдика развивается сильный характер, это очень отрадно, но когда я с ним говорила 29-го числа, мне казалось, что эта выдержка – слишком большая нагрузка для семилетнего ребенка. Не надо его форсировать. Поможем ему убечь свое детство, и это будет самое лучшее, что можно для него сейчас сделать. Второе, по-моему, – это то, чтобы Альдик узнал о рождении брата только тогда, когда

⁴ В 1935 году Роза Марковна ушла от своего первого мужа Марка Пратусевича и вышла замуж за Иосифа Кунина, а в мае 1936 года у них родился сын Миша.

он будет иметь возможность его повидать; в противном случае лучше отложить это сообщение. Когда и как сказать, ты, конечно, почувствуешь сама, выберешь момент наибольшего контакта с Альдиком, и, мне кажется, только тогда, когда ты сможешь говорить об этом свободно и просто. Главнее, чтобы Альдик почувствовал, что это просто, естественно и радостно. Главное, чтобы не пробудить детской ревности, особенно тяжелой в создавшихся условиях; мне кажется, необходимо подчеркнуть, что ты это сделала и для него, для Альдика. У других детей есть братья и сестры, теперь и у него будет маленький брат. Пока он совсем маленький и должен кормиться грудью, он будет жить с мамой, а когда он подрастет, Альдик будет играть с ним и заботиться о нем.

Мне кажется, что в такой, примерно, форме Альдику будет понятно, и если он увидит, что твое внимание к нему от этого не уменьшилось, а сфера его привязанностей расширилась, то, мне кажется, можно будет избежать, по крайней мере в данный момент, излишней травматизации.

Розочка, прости, родная, если я пишу что-нибудь лишнее или чего-нибудь неосторожно касаюсь, но мне только хотелось передать тебе то, что я думаю по этому вопросу.

Розочка, дорогая, ты, наверное, уже тяготишься больничной обстановкой? Разрешают ли тебе вставать? Как малютка? Юзя говорит, что он уже улыбается.

Целую тебя, дорогая. Привет тебе от Леночки. Лиза звонила, спрашивалась о тебе, она вернулась только что из дома отдыха.

Хотелось бы видеть тебя в лесу, сейчас все цветет.
Твоя Вера.

* * *

Июль 1936 г.

Розочка, дорогая! Шлю тебе привет из мирного уголка, где я отдыхаю. Живу я здесь в полном уединении на самом краю деревни, в маленьком дощатом сарайчике, на высоком берегу Волги. Впереди никакого жилья человеческого, только лентой Волга извивается, а за ней леса и поля необозримые. Мне здесь очень хорошо, наслаждаюсь свободой и тишиной, той тишиной, которую не заменит ничто, которую пьешь, как бальзам... Сейчас пишу тебе в березовой роще, в которую я пришла в первый раз, так как она далеко отстоит от моей деревни. Здесь нет никого, кроме бабочек, стрекоз и каких-то больших птиц. Вся она кажется прозрачной и свящающейся от пронизывающих ее солнечных лучей.

Как ты себя чувствуешь, родная? Как малютка? Как переносите жару? Неужели до сих пор справляешься без работницы? Почему Юзя не берет коляску? Жду письма, хотя бы и очень краткого. Горячо целую. Альдика поцелуй крепко за меня и расскажи ему, что я в лесу встретила лисичку, настоящую, живую, с пушистым хвостом. Пока всего лучшего.

Всем сердечный привет.

Вера.

* * *

Соколова Пустынь
Июль 1937 г.

Розочка, дорогая моя!

Шлю тебе привет из своей пустыньки. Живу я здесь в лесу, на высоком берегу Оки, в ветхой избушке, под соломенной крышей. Кругом простор и тишина. В лесу ящерицы и змеи, душистые цветы и пестрые бабочки. Но лучше всего в лесу подземные ключи. Как чудесен их холод и чистота, и как искрятся они при свете солнечных лучей! Словно особенная мудрость заключена в них... Целые дни я одна, лишь иногда участвую в дальних походах деревенских девчат за орехами и грибами или катаюсь с ними по вечерам на большой неуклюжей лодке, в которой возят сено.

Как ты себя чувствуешь, родная? Поправляется ли Мишутка? Окреп ли за время твоего отпуска? Как переносит неустойчивую погоду? Часто вспоминаю его большие задумчивые глазки.

Удалось ли тебе продлить отпуск до 15-го? Какое настроение у Альдика? Как он проводит время? Остается ли иногда ночевать? Удается ли тебе, Розочка, дорогая, жить хоть чуточку спокойней и с меньшим напряжением, чем зимой? Побереги себя хоть немного!

Я вернусь, вероятно, в начале августа, а если сюда приедет папа⁵, то, быть может, несколько задержусь.

Не встречала ли ты Тоню⁶? Меня очень беспокоит ее состояние. Целую крепко тебя, Мишутку и Альдика.

⁵ Имеется в виду отец Веры Яковлевны.

⁶ Вероятно, речь идет о подруге Веры Тоне Зайцевой, работавшей с ней в детском саду и приведшей Веру к архимандриту Серафиму Битюкову.

Сердечный привет Юзе, Жене, Филиппу Осиповичу⁷ и Е. А.⁸

Если выберешься написать мне сюда хоть несколько слов, буду очень благодарна.

Твоя Вера.

* * *

Июнь 1939 г.

Розочка, дорогая!

Вчера звонила к тебе. Хотелось поговорить, поздравить с трехлетием Мишутки. Жаль, что не удалось повидаться с тобой, и, вообще, мне так мало удается видеть тебя за последнее время. Но ты, Розочка, хорошо знаешь, что я никогда не забываю о тебе. Я всегда чувствую, что ни время, ни пространство, ни различия в характере, образе жизни, интересах, даже мировоззрении, не могут нас разделить. Словно мы встретились однажды (трудно сказать где, но, вероятно, на очень большой глубине) и не можем расстаться...

Розочка, милая, ты всегда перегружаешь себя чрезмерно. Знаю от Веры Лодэ⁹ что у тебя опять срочная работа; от Жени, что Е. А. слегла у тебя на даче. Опять предстоит тебе такое трудное лето, и ты, конечно, не сможешь отдохнуть за отпуск! Удастся ли найти работницу? Как здоровье Е. А.? Как Мишутка? Стал ли спокойней? Не простуживается ли на даче в эти холодные дни?

⁷ Отец Иосифа Филипповича и Евгении Филипповны Куниных.

⁸ Не удалось выяснить, о ком идет речь.

⁹ Подруга Розы.

Альденочка горячо поздравляю с блестящим окончанием учебного года. Хотелось бы их обоих повидать. Напиши, пожалуйста, Розочка, адрес дачи. Хотелось бы заглянуть к Вам, когда у меня начнется отпуск. Пока, до конца месяца, работы много, все надо успеть закончить. Наши еще в городе, дача не совсем готова.

Целую тебя, Розочка, жду от тебя хоть нескольких слов.

Целую Мишутку и Альдика.

Привет Юзе, Е. А. и Филиппу Осиповичу.

Твоя Вера.

* * *

29/I-40 г.

Розочка, родная!

После последнего свиданья нашего так хочется знать, как чувствуешь ты себя, куда повернулся вихрь событий¹⁰. Знаешь, Розочка, когда вы пришли ко мне вдвоем с Марком, я больше обрадовалась, чем удивилась, в первый момент. Я обрадовалась тому, что то темное, тяжелое, что давило каждого из вас за эти годы, преодолено, и вы вновь понимаете друг друга, как 12 лет тому назад, когда собирались вместе ехать к няне в деревню.

Откуда это пришло, я не пытаюсь разгадать, как не знаю, откуда пришло и то, что случилось четыре года назад. Вероятно, оттуда, откуда приходят и куда уходят

¹⁰ Развод и новое замужество Розы Марковны, случившиеся в 1935 году, были трудным испытанием для всех его участников.

все печали и радости нашей жизни... Представляю себе, как трудно тебе сейчас, как больно за всех...

Хочется надеяться, что все устроится так, как лучше для тебя и детей. Прости меня, Розочка, за эти строки. Желаю тебе силы и мудрости в этой новой, тяжелой внутренне, борьбе. Целую и люблю тебя, как всегда.

Вера.

* * *

Дек. 1941 г.

Розочка, родная!

Поздравляю тебя с днем рождения Альдика. Все эти дни мысленно с тобой... Живо представляю себе тебя в 1928 году и Альдика новорожденным малюткой. Теперь он почти юноша! Желаю тебе, дорогая моя Розочка, вырастить своих сыновей на радость и утешение в твоей трудной жизни. Л. сообщила мне по телефону о постигших вас в пути бедах. Как теперь здоровье Мишеньки? Достаточно ли он бывает на воздухе? Окреп ли? Как жаль, что не остались вы в нашем благодатном уголке, где детям так хорошо!¹¹ Зимой природа здесь особенно хороша и дышит необыкновенным миром, несмотря на близость войны. С I/XII я без работы, так как завод уехал в Томск, но не теряю надежды устроиться.

¹¹ Вскоре после начала войны Елена Семеновна Мень с детьми Аликом и Павликом по благословению архимандрита Серафима Битюкова переехали в деревню Глинково под Загорском, где их часто навещала Вера Яковлевна, которая привозила продукты, получаемые ею по карточкам по месту своей работы в Москве, и помогала семье Меней всем, чем могла.

Работает ли кто-нибудь из вас? Как здоровье Юзи, Жени, Филиппа Осиповича? Воображаю, как ты измучена, Розочка! Жду очень хоть краткого письма. В каких условиях вы живете? Крепко целую. Тебя и всех поздравляю с Новым Годом и желаю всего наилучшего.

Твоя Вера.

* * *

23 Янв. 1942 г.

Розочка, родная!

Спасибо тебе большое за письмо. Знаю, как трудно теперь писать, как усложнена жизнь, как неисчислимы тревоги и заботы каждого дня. Ты, вероятно, еще более исхудала, Розочка! На какой ты работе? Тепло ли у вас? Как дети? Спасибо Альдику дорогому за письмо, чувствуется, как он повзрослел и возмужал. Хорошо, что Мишутка акклиматизировался в детском саду. Как он выглядит?

Леночка теперь прописана в Глинкове и не имеет права пока вернуться в Москву. Карточек продовольственных они не имеют. Владимир Григорьевич¹² в

¹² Владимир Григорьевич Мень – муж Елены Семеновны, отец Алика и Павлика. Незадолго до начала войны был обвинен в растрате по месту работы и, хотя через год с небольшим все обвинения были сняты, ему было предписано жить за пределами Москвы. Он выбрал для жизни Свердловск, поскольку там жили его сестры. Несмотря на его настойчивое желание увезти в Свердловск свою семью, Елена Семеновна Мень по благословению архимандрита Серафима Битюкова приняла решение оставаться с детьми под Загорском, где они и провели первые годы войны.

Свердловске, пока не устроен, проехать к семье не может. Я еще не работаю, но за последние дни появились некоторые перспективы. Папа очень ослабел. Добираться до Леночки теперь очень сложно, но, к счастью, мне до сих пор это удавалось довольно регулярно. Для детей недостаток питания и другие бытовые трудности компенсируются чистым деревенским воздухом, необыкновенной красотой и миром тех благодатных уголков, а также той атмосферой спокойной и бодрой уверенности, которую Леночка умеет создать вокруг себя.

Жизнь, вообще, течет как-то необыкновенно и удивительно. Мечтаю когда-нибудь, в тишине, рассказать тебе, любимая моя Розочка, о всем том хорошем и чудесном, что освещало и направляло нашу жизнь в эти суровые, грозные дни...

Как здоровье Юзи, Фил. Осип., Жени?

Напиши, дорогая Розочка, о себе и о детях, побольше, если выберешь минутку. Буду очень рада. Горячо обнимаю тебя. Желаю тебе побольше сил физических и духовных, и мира душевного перенести и преодолеть все. Целую дорогих Мишутку и Альдика. Имеешь ли вести от Рахили¹³?

Сердечный привет всем.

Твоя Вера.

¹³ Старшая сестра Розы Марковны, жившая в это время в Палестине.

* * *

28/V 1942 год

Розочка дорогая!

Пишу тебе во время ночного дежурства, около четырех часов утра. Хорошо в этот предрассветный час: гаснут последние звезды, светлеет небо, как всегда об одном напоминает отдаленное пенье петуха. При свете утренней зари открываю любимую книгу. Где-то совсем близко все муки и надежды людские. В эту минуту хочется быть возле тебя. Знаю, что тебе трудно, что ты болеешь и Миша, что неисчислимы заботы. Больно, что нельзя помочь. Хотелось бы чаще иметь весточку от тебя. Мы живем, не думая о завтрашнем дне. Дети собирают крапиву /Леночка делает из нее щи и лепешки/, березовые почки, иглы сосен, хворост для топки. Это новая форма сближения с природой, более тесного, может быть, чем когда-либо. К счастью, пока все здоровы. Обнимаю и целую тебя, родная. Жду письма от тебя, от Альдика. Напиши, как ты чувствуешь себя, как Мишенька.

Твоя Вера.

* * *

7 июля 1942 г.

Розочка, дорогая!

Спасибо тебе за письма. Не грустно, а радостно мне становится от них, несмотря на то страданье твое душевное, которое отражено в них. Несмотря на боль за твое и Мишино нездоровье, и трудности житейские.

Помнишь, Розочка, звездную ночь в Верее, когда мы вместе вышли в поле и ты сказала, что звезды кажутся ближе, чем земля? И теперь, в этот исключительно суровый, небывалый в истории человечества год, разве ты не чувствуешь, как близки стали звезды, как ярко разгораются они в сгустившейся тьме, и тьма, как и прежде, не может обять свет? Словно ближе стала сущность вещей и мелочи утратили свою мелочность. Так, например, когда в мирное время приносили больному пирожные, в этом была сущность, и когда теперь делятся последней луковкой или коркой черствого хлеба – в этом открывается настоящая любовь. Ближе и конкретней стала закономерность чудесного, с которой сталкиваешься буквально на каждом шагу, и в крупном, и в так называемых мелочах. Ближе стали люди и вещи, жизнь и смерть. На днях ночевала у Тони. Как и везде, было затемнено, спущены синие шторы на окнах. И когда я вышла на волю, меня встретило такое ослепительное утро, что невольно пронзила мысль: так же чудесен будет и тот миг, когда окончится жизнь, а вместе с нею и смерть и откроется вечность...

Хорошо, что ты с детьми в деревне¹⁴. Для них это имеет огромное значение! Прекратились ли приступы малярии у Мишеньки? Как закончил Альдик учебный год? Как он настроен? Отчего о Юзе не пишешь? С вами ли он? Работает ли? Рада, что Миша вспоминает Алика. Знаешь ли ты о последнем разговоре между ними накануне вашего отъезда? Дети часто бывают

¹⁴ В ноябре 1941 года семья Розы Марковны переехала в эвакуацию под Сарапул Удмуртской области.

скрытны и с самыми близкими людьми. Миша хотел найти ответ на волнующие его детскую душу вопросы у «специалистов по жизни», как он сам выражался, и услышав этот ответ от своего маленького товарища, был поражен и даже возмущен, что «деда», который так много рассказывал ему, ничего не сказал ему о самом главном.

Подумай, как это чудесно: взрослые люди стараются погасить свет, но он возгорается сам собой, с новой силой, в чистом и чутком сердце ребенка! И это в такое время, когда колеблется и стонет опустошенный мир...

В воскресенье ездила от своего учреждения на огородные работы по направлению к Звенигороду. Труд на земле хорош, но мешает состояние острой физической слабости, воображаю, как ты чувствуешь себя, Розочка! Да еще после приступов малярии! Поздравляю тебя, моя хорошая, с днем твоего рождения и желаю тебе «родиться вновь», в самом конкретном и единственном смысле этих слов... Если бы ты знала, какие безграничные открываются горизонты! Розочка, напиши, родная, хоть несколько слов, как только будет возможность. Рада всякому общению с тобой.

Жаль, что адреса своего не пишешь. Постараюсь узнатъ у Веры Лодэ или у Лиды. Участвует ли Альдик в сельскохозяйственных работах? Как хорошо, что он с тобой! Что пишет Марк? Где он?

Целую и обнимаю тебя крепко. Привет всем. Твоя Вера.

* * *

24/IX 42 г.

Розочка, дорогая!

Давно не писала тебе, не знала по какому адресу. К Дмитрию Михайловичу¹⁵ не могу дозвониться, Лида на трудфронте, Вера Лодэ также недавно с трудфронта вернулась, редко ее вижу. Весь июль я проболела цингой, сопровождавшейся ослаблением сердечной деятельности, в августе папа мой болел воспалением легких, а первую половину сентября я провела в Горьком, ездила туда в командировку. Теперь я чувствую себя вполне хорошо, радуюсь возвращению трудоспособности. Осень приносит свои дары – плоды земные, и питание наше значительно улучшилось. Большое облегчение также и в том, что мне не приходится больше выполнять работу грузчика и носильщика.

Возобновились занятия в московских школах, и у нас должна заработать клиника для аномальных детей, так что я вновь смогу заняться психологической работой. Правда, пожелавшие листья и холодные ветры напоминают о приближении второй, еще более суровой, военной зимы, но в ясные дни кротко улыбается осеннее солнце, заливая все вокруг грустным золотым светом, словно приглашает согласиться на все и ничего не бояться и обещает утешение...

Леночка с детьми живет все также, в тихом уголке, не имея ничего на завтрашний день, но под чудесной охраной и в полном мире, среди неисчислимых забот. По воскресеньям бываю у них. Дома с папой вдвоем,

¹⁵ Дмитрий Михайлович Чаплин – муж Е. Ф. Куниной.

Веня¹⁶ далеко на лесозаготовках, редко имеем от него письма. Как твое здоровье, родная? Окрепла ли хоть немного за лето? Как здоровье Мишеньки? Вернулся ли Альдик из колхоза? Как он себя чувствует? Как настроен? Изменился ли? Как хотелось бы видеть всех вас! Где ты устраиваешься на работу? Как Юзя? Женя? Филипп Осипович? Напиши, голубка, обо всем. Доходят ли письма от Рахили? Очень бы хотелось получить письмо от Альдика. У него, наверное, много новых интересных впечатлений. Удели, Альдичек, немного времени и напиши нам о своей жизни, ты нас всех этим очень обрадуешь! Алик занимается дома по программе первого класса. Приходили предлагать записать его в школу, но он ответил: «Когда война кончится, поступлю в школу, а пока буду маме помогать». Целую вас крепко всех, мои хорошие. Пишите чаще.

Любящая вас Вера.

* * *

22/X 42 г.

Розочка, родная моя!

Всегда поражаюсь особенной твоей чуткости и той глубинной связи, которая существует между нашими душами. Твой теплый привет пришел именно в те, бесконечно тяжелые для меня дни, когда мне так хотелось его иметь. Розочка, я потеряла Веню. Краткая сухая открытка: «Вениамин Яковлевич Васильевский умер 6/X в больнице, похоронен б. Волги Кимрского

¹⁶ Брат Веры Яковлевны Вениамин был принудительно мобилизован во время войны на трудовой фронт.

р-на Калин/инской/ области» – известила меня об этом. Только на днях я отправила ему посыпочку и ждала его возвращения с трудфронта до конца навигации. Но он не вынес тяжелых условий труда и быта, описать которые невозможно. Что-то схватило острыми клеммами мое сердце и не отпускает все эти дни...

Еще до получения твоего письма я ярко вспомнила тот день, когда ты пришла рассказать мне об ушедшем любимом твоем брате¹⁷ и почитать его письма. И мне захотелось быть снова с тобой.

Веничка был таким одиноким, внутренне незащищенным, так мало видел он радостей! И особенно за последние трудные месяцы он так часто повторял мне, что я нечутка к нему, не хочу его понять, ничем не облегчаю ему жизнь. По-детски болезненно он ревновал меня к Леночке, к детям, к подругам, даже к моему миросозерцанию, которое его и притягивало, и отталкивало одновременно. Ему казалось, что все это отнимает у него часть моей привязанности, и он глубоко страдал. И сколько реальных огорчений вольно и невольно доставляла я ему за этот последний год! Розочка, когда-то, в одном из твоих писем, была высказана мысль: «как мало любви отдано». И теперь с болью думаю о том, как мало любви отдала я ему, которого любила как ребенка, потому что именно такую любовь к своему «бедному мальчику», как она звала его в детстве, завещала мне наша мама¹⁸. Или я вообще не умею любить!?

¹⁷ Любимый старший брат Розы Марковны погиб по случайности, запутавшись ногами в поводьях мула, которого он вел вниз по склону холма, когда мул испугался и побежал.

¹⁸ Мама Веры Яковлевны умерла, когда Вера только начала учиться в университете.

Сейчас, на фоне бесчисленных страданий людей, среди океана скорби, маленьkim может показаться мое большое горе. Скорби утешит Тот, Кто сказал морю: «Умолкни! Перестань!».

И наступит Великая тишина...

Как больно от того, что не могла быть при нем в последние его дни! Как мучительно хотелось бы знать, открылась ли ему истина, которую он искал и боялся, как ищут и боятся ее многие!

Прости, Розочка, дорогой друг мой, за это грустное письмо. Я продолжаю жить, как и жила, среди дел и забот дня: «Вышел человек на дело свое и на делание свое до вечера»... Когда наступит вечер, нам не дано знать. Будем терпеливы! Крепко целую тебя, Альдичка и Мишеньку. Рада очень за него, что стал более жизнерадостным. Это надо беречь! Горячий привет Юзе, Жене, Фил/иппу/ Осиповичу. Пиши!

Твоя Вера.

* * *

18/XI 42 г.

Розочка моя, дорогой друг мой, спасибо тебе за твое письмо, за твою посыпочку, за твою любовь. Любовь эта – частица той великой любви, которая стирает все грани, сжигает все тернии, побеждает смерть, соединяет и соединит всех... В наше тяжелое мучительное время обнажаются бездны мрака, но свет во тьме светит... Розочка, какой Свет! И так же, как мы научились ходить по неосвещенным улицам, учимся мы пробираться сквозь ночь, в полном бессилия, чувствуя, что

каждое мгновенье нам может быть подана и подается помошь, перед действием которой расступаются все преграды. Лишь бы не отрываться от Света, не загасить светильник. Мы ходим по краю бездны, которая ищет поглотить нас, но мир чудес и истинной радости здесь, близко как никогда, и мы в борьбе, какую редко приходилось испытывать человеку в земной жизни, и, если бы надеялись на свои силы, давно бы погибли. Как объяснить тебе?

Если бы ты была здесь, столько бы рассказала тебе! А может быть, и не сумела бы рассказать, но ты многое поймешь своей глубокой и чуткой душой. Ты пишешь, родная, о беспредельности веры. Как далеко мне! Если бы иметь веру с зерно горчичное и тогда можно было бы горы передвигать. И это буквально. Среди тяжелых испытаний и исключительных условий нашего времени начинаешь с потрясающей конкретностью осознать реальность того, что прежде было символом, аллегорией, идеей...

Дома, в опустевшей без Венички квартире, вдвоем с папой. Папа ослабел и стал беспомощен, как ребенок, не в силах выносить холода /в стаканах мерзнет вода/ и лишений. Жалко его до боли и хочется, чтобы он ушел из этой жизни умиротворенным, просвещенным и просветленным. Тяжело думать, что, если бы я была более энергичной и приспособленной, он бы меньше страдал.

Леночка и дети живут внешне трудно, но в маленьком домике на опушке березовой рощи, при свете крошечных светильничков чувствуешь себя в оазисе среди мрачной пустыни. Владимир Григорьевич пишет, хлопочет командировку в Москву. Пиши, родная, почаше о себе, о детях. Разлука еще больше сблизила нас. У меня

не бывает почти никто /слишком сложна у всех жизнь/,
и я стараюсь как можно больше быть с папой.

Целую тебя, прости за это письмо, за все. Деток це-
лую. Юзе, Жене, всем горячий привет.

Твоя Вера.

* * *

28/XI 42 г.

Розочка, родная!

Только что получила твоё письмо от 14/XI Спасибо тебе большое. Ты не знаешь, как поддерживают меня твои письма теперь особенно, когда все больше и больше пустеет вокруг; люди, при всем желании, оказываются не в состоянии уделить хоть какого внимания и месяцами не видишься с друзьями, живущими в том же городе. В ответ на твои письма и посылку я написала тебе большое письмо, но, к сожалению, по ошибке отправила его по адресу: Красная ул. 121. Жаль, что ты его не получишь! Ты называешь свою посылочку крошечной, но она велика и неоценима по вложенной в нее любви и заботе, а потому так много способствует укреплению сил физических и душевных. При наступивших холодах это прекрасное масло – большая поддержка. Но себе-то позволяешь ли ты такую роскошь? Наверное, нет!

В квартире Панкратовой меня встретил очень приветливый юноша¹⁹ и спросил: «Вам посылка от Альдика?

¹⁹ Панкратова – мать соученика Альдика в 6-ом классе сарапульской школы. Семья Панкратовых получила в конце 1942 года пропуск для въезда в Москву, и Альдик передал однокласснику посылку для Веры Яковлевны.

Я его товарищ». Мне было очень приятно. Ровно через месяц Альдику 14 лет! Как вчера слышу звонок Марка по телефону и его растроганный голос: «Роза родила сына, я не могу передать, как я счастлив...». Живо помню тебя в тот период, моя Розочка! Теперь Альдик почти юноша! Хотелось бы лучше представить себе его внутренний мир. Самые трудные в смысле устроения личности годы приходится ему проводить в такое сложное время. Довольна ли ты им? Откровенен ли он с тобой?

У нас новость: Владимир Григорьевич приехал в Москву в командировку. Его желание – взять Леночку и детей на Урал. Можешь себе представить, как тяжела была бы теперь для меня разлука с ними! Пока буду надеяться, что это не состоится, но пусть будет то, что нужно, не хочу своей воли ни в чем. Папа очень слаб, плохо переносит лишения, особенно холод в квартире, но ко мне мягок и снисходителен, хотя я не уделяю ему сколько нужно внимания. Большая приятельница моя Е. М. умирает в психиатрической больнице. Страшный конец! Сколько горя вокруг! Помнишь у Достоевского: «В горе счастья ищи». Зима, синие сумерки. Природа готовится встретить праздник мира. Звезды укажут путь!

Обнимаю тебя, моя Розочка! Будем вместе! Пиши! Благодарю безмерно за все.

Вера.

* * *

Ноябрь-декабрь 1942 г.

Розочка, родная!

Только что закончила письмо, как получила от тебя письмо и посыпочку. Спасибо тебе большое за твою заботу искреннюю, которую так глубоко чувствую. Сейчас замесила тесто, устроим пир с папой. Жаль Альдика бедного²⁰. Вспоминаю, как терпеливо и кротко он даже в детстве переносил болезни. Долго ли пришлось пролежать? Пропускал ли занятия в школе? Теперь, когда и в Москве школы начали учиться, это придает нашему московскому быту более мирный характер. Что за музей там и какую тебе предлагаешь работу?

Целую тебя и благодарю за все. Береги себя!

Обо мне не беспокойся, силы посылаются в нужный момент неведомыми нам путями. Пиши, пожалуйста, чаще.

Твоя Вера.

* * *

25/I 43 г.

Розочка, родная!

Спасибо большое за письмо, очень ждала его; беспокоилась, что давно не пишешь, но и сама не сразу собралась ответить. Как-то ты чувствуешь себя в такие сильные морозы при плохом питании и многообразных нагрузках? Как здоровье Юзи, детей? Огромное

²⁰ В 1942 г. Альдик болел малярией и воспалением почек.

напряжение требуется теперь от всех! У меня папа уже второй месяц лежит больной: 19-го декабря он упал на улице без чувств. На носилках внесла его в квартиру дяди, где он лежит и до сих пор. Врачи нашли у него белковое истощение и признали его состояние, выражаясь медицинским языком, «необратимым». Мне удалось в первые же дни папиной болезни продать пианино и таким образом сделать все возможное для улучшения его питания хотя бы на первое время. 10 дней я боялась, была неотлучно при нем, теперь работаю и, к сожалению, не всегда удается обеспечить его даже горячей водой. Больно за него, он стал таким беспомощным и слабым. Ночую я с папой у дяди, боюсь взять его домой, где все оледенело. Хожу туда почти ежедневно отогревать водопровод, т.к. в противном случае домоуправление грозит выселением.

Сейчас папа чувствует себя немного лучше, так что даже отпустил меня с ночевкой в Загорск на день рождения Алика. Там я отогреваюсь внутренне. Несмотря на большие бытовые, материальные и физические трудности, живут они внутренне хорошо, а Алик, я бы сказала и творчески, хотя и в своем замкнутом мирке растет как «лилия на тихих водах», как сказала о нем одна наша знакомая, хотя и ощущает «атмосферное давление» всем существом. Напиши о Мишеньке, как он, как действует на него детский сад, устает ли он, включился ли в мир детских интересов?

Если Марк будет в Москве, хотелось бы его повидать. Быт наш настолько усложнен, что месяцами не видаешься ни с кем. Розочка, пиши, дорогая моя, когда сможешь, о себе, я так жду твоих писем! Юзе спасибо сердечное за письмоцо. Никогда еще не были все так

внутренне близки и так внешне далеки, как в эту годину испытаний, когда каждый должен испить чашу свою до дна, чтобы многое понять. Жесток январский мороз, но где-то в лучах солнца улыбки далекой весны. Так и в мире духовном готовится радость для претерпевших все до конца...

Прости, Розочка, нет должной стройности в мыслях и словах, и работа могла бы быть интересной, но сейчас спасибо и за то, что не вменяют мне моих опозданий и простоев. Целую крепко. Твоя Вера. Всем привет.

* * *

Февраль 1943 г.

От всей души благодарю Вас, Юзя, за то, что Вы так близко приняли к сердцу мое горе²¹, так искренне на него откликнулись! Когда теряешь близкого человека, невольно заглядываешь в бездну и каждая дружески протянутая рука помогает не потерять равновесия. Но у кого в наше страшное время хватит сил душевных для того, чтобы протянуть руку? У Вас они есть, несмотря на все трудности и напряжение.

Вы правы, время не только затягивает рану, но одновременно и углубляет ее. Многое раскрывается и становится ясней и больней лишь постепенно, внезапность удара оглушает и не дает всего осознать. Кроме того, как бы берешь на себя какую-то часть жизненного креста ушедшего и вдвойне страдаешь за него. Но скорбь не закрывает душу и еще более близкими и дорогими кажутся все, с кем встречаешься на этом земном

²¹ В начале 1943 года умер отец Веры Яковлевны.

пути. Ведь «все мы носим в себе приговор к смерти...»
Простите за это письмо. Привет Женечке, папе. Мишу
целую.

Вера.

* * *

7 апреля 1943 г.

Розочка, родная!

Получила твое тревожное письмечко. Так хочется обнять тебя, умирить твою тревогу, напомнить тебе о многом из того, что ты хорошо знаешь из произведений искусства и что открывается в эту годину суровых испытаний с неведомой еще нам полнотой...

Не знаю, почему не получила ты моего письма, написанного уже после смерти моего папы. Я думала, что уйду вслед за ним. Но, видно, путь еще не пройден. Месяц прожила я у Наташи²², она самоотверженно ухаживала за мной, теперь я чувствую себя гораздо крепче физически, работоспособность возвращается. Как хотелось бы видеть тебя поскорей, но смущает твой план: вернуться с детьми в Москву весной !/. Не лучше ли приложить все усилия к тому, чтобы они пробыли лето где-нибудь в колхозе?

Напиши, дорогая, побольше о Вашей жизни, обо всем, мне так хочется быть ближе к тебе. Как здоровье Юзи? Как Альдик переносит лишения? В его возрасте это особенно тяжело.

²² Вероятно, здесь имеется в виду подруга Веры Яковлевны Наталья Ниловна Каменева.

Целую тебя и детей. Сердечный привет всем. Пиши, пожалуйста, чаще, и я постараюсь писать тебе, хоть понемногу.

Твоя Вера.

Сегодняшний день 7/IV люблю²³. Ты знаешь его по белым лилиям на картинах художников.

* * *

12/V 43 г.

Ты не знаешь, Розочка, дорогая, какая радость для меня, прия домой, застать твое письмо, словно услышала я вновь родной, близкий голос в этих стенах, где отзвучало навеки столько дорогих мне голосов. Нет ощущения пустоты, светлый день 25/IV соединил всех²⁴, но иногда заползает в душу простая человеческая боль и так трудно бывает справиться с ней...

В одну неделю пышно расцвела весна. В воскресенье была у Леночки. Атмосфера тех мест удивительно действует на меня, откуда-то являются силы. Ходила с Аликом и Павликом в лес за топливом, километра за 3-4. Не умолкая звенели жаворонки, кусты и деревья стояли вокруг в самом нежном своем уборе. Совсем по-иному воспринимается теперь реальность окружающего и красота природы. Весенние ручьи поят пробудившуюся землю. Приди и пей...

Как ты справляешься со всеми делами, Розочка? Есть ли у вас огород? Работает ли Юзя? Как его здоровье?

²³ День Благовещения Пресвятой Богородицы.

²⁴ Пасха в 1943 году была 25 апреля. Православные праздники не называются Верой Яковлевной в переписке, поскольку письма перлюстрировались.

Мы – женщины – гораздо выносливей. Как экзамены Альдика? Алик очень обрадовался, узнав, что Альдик скоро вернется. Если меня пропишут на дачный сезон у Леночки, мне будет много легче во всех отношениях.

Целую тебя крепко. Пиши. Твоя Вера.

* * *

Апрель 1945 г.

Розочка, дорогая!

В течение нашей многолетней дружбы не раз перед нами вставал вопрос: что так глубоко сближает нас при всем видимом различии характера, темперамента, жизненных установок и т.п.? Помнишь, как-то ты написала мне: «...кажется, что души наши где-то склонились вместе у одного источника»? Да, Розочка, родная, источник один, и все души тянутся к нему так жадно, так неудержимо, «как лань стремится к источнику вод». И чем глубже душа, тем сильнее это стремление, тем больше страданья, потому что ничто, кроме одного, не может наполнить бездну души, ничто не может удовлетворить ее.

Ты знаешь. Розочка, что незадолго до войны я ездила в Саров. Ты, может быть, слышала о том, что местность эта изобилует источниками с кристально-чистой водой. Народ глубоко чтит эти источники, ссызывая их с памятью о великом святом русской земли Серафиме Саровском. Много было сделано попыток засыпать эти источники и заглушить источники веры в душе народной. Но ключи находили себе дорогу и

пробивались вновь. Часто, гуляя в тех местах, мне случалось заметить, как кто-нибудь склонился над пустым колодцем. Подойдя ближе, я слышала восторженный шепот: «Ключик открылся!». Так же и в душе человека, кажется, все засыпано, засорено тысячью наслоений, предубеждений, искусственно созданных преград и, вдруг ... ключик открылся и перед нами живая человеческая душа, жаждущая Бога. Сколько раз мне случалось наблюдать этот момент у самых разнообразных людей. Кажется, вот-вот спадет пелена с глаз, человек прозреет и оживет, возродится для новой жизни, для вечности. Но не может это прозрение произойти без доверия к Тому, Кто может дать свет. Как томится душа в смертельной тоске! Тщетно пытается человек заглушить эту тоску занятиями, работой, развлечениями. Ничто не насытит человека, если нет у него хлеба насущного, ничто не утолит жажды, если нет свежей воды.

Розочка, ты привыкла подходить к глубоким вопросам духа с точки зрения искусства. И я, как умею, люблю и ценю искусство, но как объяснить тебе, что искусство, как и наука, и вся культура и жизнь человечества, без благодати ведет к гибели? «Есть в напевах твоих сокровенных роковая о гибели весть»²⁵, — говорит чуткий поэт, обращаясь к своей музе. В сухой и безводной пустыне нашей земной жизни есть один источник воды, текущий в жизнь вечную, одна весть о спасении, и весть эта заключена в Евангелии. Один из самых близких мне людей в истории — еврей апостол Павел, переживший это прозрение, указывал на

²⁵ Страна из стихотворения А. Блока «К музе».

то, что в нем есть для иудеев соблазн, а для эллинов – безумие. Оттого так особенно труден путь к Евангельскому Откровению для нас, рожденных иудеями и воспитанных на эллинской культуре. Но этот конфликт, эта трагедия нашей душевной и исторической жизни полностью разрешается в мире духовном. В Царстве Христа Спасителя «несть ни эллина, ни иудея!» Только здесь жизнь человека приобретает свое достоинство, только здесь падают преграды между жизнью и смертью, как камень, отваленный от гроба в утре Воскресения; весь мир наполняется смыслом и «вёдением», и перед человеком раскрываются безграничные горизонты подлинной жизни, борьбы и победы...

«Царство Небесное усилием берется»... «И сия есть победа, победившая мир, – вера наша!»

Апостол Павел, вернувшись из путешествия в Афины, писал афинянам: «Проходя и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: «Неведомому Богу». Сего-то, Которого не ведая чтите, проповедую вам». Подобные этим алтари Неведомому Богу горят и в твоем сердце, и в сердцах твоих детей, от которых наш жестокий век тщательно старался скрыть истину и которые полусознательно рвутся к ней. Как хотелось бы, чтобы до тебя дошли слова: «Свет Христов просвещает всякого человека, пришедшего в мир», и тогда тебе станет ясно, что вне этого нет ничего, но только ложь, пустота и мрак.

Твоя Вера.

* * *

14/VII 45 г.

Розочка, родная! Вчера никак не могла доставить тебе цветочки. Принесла их сегодня. Пусть эти огненные лилии напомнят тебе слова апостола Павла: «Духом пламенейте!»

Целую тебя. Прости!

Вера.

* * *

7/VIII 45 г.

Розочка, родная!

В тихом уголке, куда я попала так неожиданно и чудесно, сердце мое не разлучается с тобой, не могу забыть твоих трудностей, внутренних болезней и испытаний, которые иногда могут казаться безвыходными и неразрешимыми, если смотреть на жизнь «невооруженным глазом». Но в действительности все это совсем не так: неприметными, неведомыми нам путями разрешатся противоречия, из-за страданий проглянет радость, и любовь зальет все ровным светом, открывая перед усталой душой новые горизонты.

Жаль, что нельзя побродить вместе с тобой по этим душистым полям гречихи, стройным березовым рощам и узким тропинкам, уводящим в неведомую даль.

Павлик уже посвежел и порозовел здесь, увлечен цветами, птичками, сенокосом²⁶. Деревня, в которой мы

²⁶ В августе 1945 года Павлик Мень отдыхал с Верой Яковлевной в деревне.

живем, находится в 6-ти километрах от станции. Вчера Наташа П., хозяйка домика, где мы поселились, проводила нас сюда и 16-го приедет за нами. Это одна из тех замечательных русских женщин, которых пытался описать Некрасов, но нравственного подвига которых до конца осознать не мог.

Письмо это тороплюсь передать с Наташой в Москву, т.к. почта здесь далеко. Очень хотелось бы, чтобы ты нашла время написать хоть немного о себе.

Целую тебя крепко. Мишутку и Альдика поцелуй, когда увидишь. Жене, Филиппу Осиповичу, Вере Лодэ, Лизе²⁷ привет.

Твоя Вера.

[PS] Павлик просит послать тебе этот цветочек.

* * *

1947 г.

Дорогая, любимая моя Розочка!

Прости меня, моя хорошая, что не умею насколько нужно чутко и бережно подойти к тебе и, быть может, своим неумением часто нарушаю ту тонкую внутреннюю работу, которая происходит сейчас в твоей душе. Но ты знаешь, Розочка, что я пережила все то, что переживаешь ты сейчас²⁸, и знаешь также и то, что я люблю тебя, и твои страданья являются и моими собственными. Поэтому прошу тебя и на этот раз простить мне, если я пытаюсь вновь высказать тебе то, что у меня на сердце.

²⁷ Имеется в виду Елизавета Михайловна Шуб.

²⁸ Роза задумывалась о крещении в это время, что сопровождалось внутренними сомнениями.

То, что ты переживаешь сейчас, пережили многие и многие люди до нас. И в Евангелии эти чувства, если помнишь, выражены словами: «Верую Господи, помоги моему неверию!» Мне лично кажется, что именно эта молитва, а не какая другая, должна быть сейчас в центре твоего внимания. Это сомнение является законным, необходимым, через него должна пройти каждая душа, которая хочет быть искренней и добросовестной до конца. Помнишь, как усомнился апостол Фома, увидев Воскресшего Христа, и сказал: «Пока не вложу руки мои в раны гвоздиные – не поверю!» Видишь Розочки, какая степень очевидности здесь нужна. Это не образ, не символ, и одним эстетическим восприятием и воображением здесь ничего не сделаешь. Это сомнение апостола ежегодно отмечает церковь в первое воскресенье после Пасхи, которое так и называется – Фомино воскресенье. Спаситель не отстранил апостола Фому, не упрекнул его за его сомненье, но дал возможность убедиться до конца, пока тот не воскликнул: «Господь мой и Бог мой!»

Воспринять Христа и Его крестные страдания, как величайший и самый прекрасный образ, как последний символ мировой трагедии – это очень много, но это еще не все. Перед Крестом надо пасть...

И апостол Павел, разъясняя сущность пришествия Христа, говорит: «Христос есть образ Бога Невидимого». Это, я думаю, понятно тебе. Но пойми и то, что бесконечно далекий по Своему неизмеримому величию, Он бесконечно близок к каждому из нас. В этом снисхождении Бога к человеку и состоит величайшая тайна и величайшая милость Божья, явленная миру только в христианстве. Не будем сейчас обращаться к опыту церковному, который кажется тебе еще во многом

чуждым, и обратимся к наиболее чутким из людей светских – к поэтам. В жизни каждого почти человека бывают минуты, когда кто-то тихо стучится в сердце, и оно готово раскрыться навстречу Чудесному Гостю. Вот, что говорит об этом поэт:

« *il est quelqu'un dans ce monde où nous sommes
Qui tout le jour aussi marche parmi les hommes,
Servant et consolant, à toute heure, en tout lieu,
Un bon pasteur qui suite sa brebis égarée,
Un pèlerin qui va de contrée en contrée.*

*Ce passant, ce pasteur, ce pèlerin, c'est Dieu !
Le soir il est bien las ! il faut, pour qu'il sourie,
Une âme qui le serve, un enfant qui le prie,
Un peu d'amour ! Ô toi, qui ne sais pas tromper,
Porte-lui ton coeur plein d'innocence et d'extase,
Tremblante et l'oeil baissé, comme un précieux vase
Dont on craint de laisser une goutte échapper!*

*Porte-lui ta prière! et quand, à quelque flamme
Qui d'une chaleur douce emplira ta jeune âme,
Tu verras qu'il est proche, alors, ô mon bonheur,
Ô mon enfant ! sans craindre affront ni raillerie,
Verse, comme autrefois Marthe, soeur de Marie,
Verse tout ton parfum sur les pieds du Seigneur! »²⁹*

/V. Hugo/

²⁹ За тех, чья мысль возвыщенно чиста,
И за того, чьи дерзкие уста,
Кощунствуя, свершают грех смертельный.
Молись, дитя, за целый мир, за всех!
В ком веры нет – ты веруешь за тех:
Младенчество и вера – нераздельны.
За всех, кто спит под крышкой гробовой
В пучине тьмы, которая сурово

Бог принял образ человека. Он взял на Себя грех и страданья всего мира. Он – Творец бесчисленных миров – стал беспомощным младенцем, рабом, был унижен и распят «нас ради человек и нашего ради спасения», как говорится об этом в Символе веры. Он с нами в каждый момент нашей жизни. Мы чувствуем Его присутствие в каждом Его твореньи, и это чувство освящает нашу жизнь, примирает с ней.

«Удрученный ношей крестной
всю тебя, земля родная,
в рабском виде Царь Небесный
обходил, благословляя».

/Тютчев/

И если человек увидел Христа, пусть вначале как образ, как маяк в темную ночь, для него не может не осветиться мрак его собственной души так, что в ней зародится жажда покаяния и смирения, без которого нет доступа к духовной жизни. И эта жажда требует выхода.

«Пускай страдальческую грудь
волнут страсти роковые,
душа готова, как Мария,
к ногам Христа навек прельнуть».

/Тютчев/

Во всякий миг – живущим роковой –
У ног людей разверзнутся готова.
Для этих душ страдание – удел.
В мучениях от гнёта бренных тел
С надеждой ждут они освобожденья.
В безмолвии сильней скорбят они.
Дитя мое, в могилы загляни,
Усопшие достойны сожаленья.

В. Гюго

Перевод О. Н. Чуминой

Для кого хоть раз засиял в небе свет Рождественской звезды, тот должен рано или поздно принести свои дары и вместе с волхвами сказать: «Мы видели звезду Его на Востоке и пришли поклониться Ему».

Прости.

Вера.

* * *

21 сентября 1947 г.
День праздника Рождества Богородицы

«*Ave Maria, gratia pleina, Dominus tecum!*»

Радуйся, благодатная Мария, Господь с Тобою!

Розочка, ты, наверное, не раз встречала эти слова, изучая произведения искусства и старинные книги. На каком бы языке ни были они выражены, эти слова неземные. Принес их архангел Гавриил, когда нашел на земле Ту, Которую много веков, со времен древних пророков, ждало человечество, Чистый Сосуд, готовый вместить Невместимого и положить начало спасению рода человеческого.

Ты, Розочка, лучше меня знаешь, как многообразны были в искусстве попытки воплотить и передать земными средствами непередаваемую красоту Ее небесного образа. Какое богатство веры, любви, какое напряжение ума, воображения и чувства! Все эти искренние дары душ человеческих – неувядаемые розы в Ее венце.

Но искусство идет окольными путями. К чистым порывам его всегда примешиваются земные страсти, в нем нет той полноты, чистоты и смирения, какие нашел

архангел Гавриил у бедной Девы из Назарета, когда вместе с белыми лилиями принес Ей свое «Радуйся!».

Но едва предчувствуемый в искусстве, образ Матери Божьей раскрывается перед нами в Евангелии, в жизни церкви, в опыте многих и многих людей от великих святых до кающихся грешников, в природе и истории, в бесчисленных чудесах и явлениях, которые делает несомненными и достоверными «вера, любовью действующая», в неисчислимых, как песок морской, песнопениях духовных и, наконец, в жизни каждого из нас, когда мы начинаем ощущать на каждом шагу самую реальную и самую интимную близость «теплой Заступницы мира холодного».

Когда я была еще так далека от церкви, образ Божьей Матери был для меня чем-то мало доступным. И вот, однажды, читая «Фауста», я невольно остановилась на словах, которые произносит Маргарита, принося Божьей Матери свежие цветы: «O, neige, Du Schmerzenreiche!»³⁰.

Schmerzenreiche! – богатая скорбью – какой чудесный эпитет. Все остальное содержание «Фауста», как бы, затмилось для меня на время. Что же это за богатство и отчего оно выше всякого другого богатства? От того, что оно вмещает в себя скорбь и слезы всего мира.

Со времени грехопадения слезами усеян путь от земли на небо. И слезы отличают человека от всех других созданий.

«Les anges sont plus beaux mais ils n'ont pas des larmes»³¹ – говорит поэт. Все эти слова приняла в Себя Скорбящая Матерь Божия. Ведь и Ее сердце «оружие

³⁰ Склоняюсь перед твоей скорбью! (нем.)

³¹ Ангелы красивы, но у них нет слез. (франц.)

прошло», когда Она стояла у Креста Распятого Сына и Он в лице апостола Иоанна усыновил Ей все человечество.

Она не гнушается ни одним человеком, как бы велика ни была глубина его нравственного падения, если он обращается к Ней за помощью. Святые отцы говорят: «Праведных ведет в рай апостол Пётр, а грешных – Сама Царица небесная».

В Ветхом Завете прообразом Божьей Матери является лестница, которую видел Иаков во сне, и которая вела от земли на небо. Эта лестница – Матерь Божия, Она ведет нас к нашему небесному отечеству.

Пусть же первым шагом на этом пути будут для нас краткие слова приветствия архангельского: «Богородице Дево, радуйся! Благодатная Мария, Господь с Тобою!»

Прими их в простоте в свое сердце, не думай о том, что это молитва, которую ежедневно поют в церкви, не ставь себя в какое-то особое к ним отношение.

Не бойся взять в руки белые лилии и, быть может, когда-нибудь, в минуту тишины душевной или в час тоски и тревоги, ты поймёшь заключенную в них любовь, и они принесут тебе Нечаянную Радость.

* * *

27 сентября 1947 г.
День праздника Воздвижения Креста.

Розочка, дорогая!

Наша жизнь теперь часто складывается так, что мы не имеем возможности даже заметить чудесные, полные глубокого значения, изменения в окружающей нас

природе, которые совершаются каждый день. Библейское: «и был вечер, и было утро...» перестает быть реальностью для нас. В чистом и нетронутом виде сохранено это ощущение жизни природы в церкви, там, где, по словам поэта, «люди берегут и помнят Царствия Небесного ключи». В тот час, когда угасает день и неслышно спускается ночь, церковь, вознося молитвы за всех, за весь мятущийся и страдающий мир, поет вечернюю песню «Свете Тихий Святыя Славы...» И в этот тихий час каждый человек острее, чем когда-либо, чувствует, что душа его утратила свою первоначальную чистоту, перед ним развертывается, как говорит Пушкин, «свиток воспоминаний», он чувствует, что грехи затмили его духовный взор, отравили его сердце подобно тому, как микробы отравляют воздух, которым мы дышим, что душа его становится больной и омертвелой, и не может найти исцеления своими силами. И в ответ на эту тоску души, церковь, во время вечерней службы, говорит нам: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается...»

К этому-то Духу Святому, Источнику чистоты и бессмертия, и обращаемся мы в молитве «Царю Небесный».

Почему мы называем Его Царем?

Потому что, освободив нас от всего, что оскверняет нашу душу и жизнь, Он один будет царствовать в нас: «Приди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны». Почему называем Его Утешителем? Потому что, возносясь на небо, Иисус Христос сказал Своим ученикам: «Пошли вам Утешителя, Духа Истины».

И действительно, вскоре после Вознесения, произошло сошествие Святого Духа на апостолов, им впервые

открылась полнота Святой Троицы, и они пошли в мир и проповедовали Евангелие всем людям, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Вот в чем заключается, насколько я в состоянии понять, смысл этой краткой молитвы.

Молитва «Отче наш» – самая первая из молитв Нового Завета. Ее дал людям Сам Сын Божий в ответ на просьбу Своих учеников «научи нас молиться».

Каждый человек, в каком бы веке и в какой бы стране он не жил, обращается здесь к Отцу Небесному, Творцу неба и земли, свидетельствуя этим обращением не только свою личную неразрывную связь с Богом, но также и связь свою со всеми людьми и со всеми творениями Божими. В следующих слогах: «Да святится имя Твое», «Да приидет Царствие Твое» – раскрывается цель и смысл всякого существования. Слова «хлеб наш насущный даждь нам днесъ» выражают чувство любви и зависимости нашей от Бога, подающего нам жизнь, которые мы ощущаем в каждое мгновенье, а слова: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» – еще раз подтверждают, что одна цепь любви соединяет нас и с Богом, и с нашими близними, и что вне этой любви нет истинной жизни. А последние слова «не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» указывают на ту борьбу, которую мы непрерывно ведем в течение всей нашей земной жизни. И только с помощью Победителя ада и смерти можно победить в этой борьбе!

* * *

1948–1949 г.

Розочка, родная, спасибо тебе большое за поздравление.

Хорошо было сегодня ночью очень и сегодня особенная тишина. Так много хотелось бы сказать тебе! Но ты все знаешь, глубоко чувствуешь без слов. Больно подумать о твоем совершенно непосильном режиме и нагрузке. Так можно серьезно надломить здоровье, а восстановить его нелегко. Если бы я могла хоть чем-нибудь помочь тебе!..

За маленькие шоколадки, надеюсь, сердиться не будешь. Побереги себя хоть немного!

Целую тебя крепко и всегда помню. Мишенька очень мил, и всем приятно, когда он приходит, даже соседям. Удивительный мальчик!

Сердечный привет Юзе и всем.
Твоя Вера.

* * *

1950 г.

Дорогие Женечка и Юзя!³²

Глубоко переживаю вместе с Вами Вашу боль, которая так близка мне по недавнему прошлому. Как живо вспоминается мне, Женечка, тот день, когда хоронили

³² В этом письме Вера Яковлевна обращается к мужу Розы Марковны И. Ф. Кунину и его сестре Е. Ф. Куниной, только что потерявшим своего отца.

Вашу маму³³. В тот момент мы были с Вами почти родными и теперь я снова испытываю то же чувство. Родители – это не просто близкие люди, это – корень, на котором вырос цветок, это наше детство, наше первичное ощущение реальности мира, это неотъемлемая часть нас самих. Что-то умирает в нас... Но и оживает, что-то другое, высшее. Помните у Ибсена: «то лишь, что умерло, – вечно твое».

Пока человек жив, мы часто видим только отдельные проявления, отдельные грани его личности, а неизменную сущность его души нередко начинаем понимать много позже. О смерти Филиппа Осиповича узнала сегодня на избирательном участке³⁴ от Б. Очень жалею, что не удалось быть на похоронах. Когда хоронили моего папу, было что-то удивительно светлое в ощущении души, освободившейся от усталого, измученного тела. Желаю Вам, дорогие, такого же светлого умиротворяющего чувства. На могиле нередко расцветают чудесные цветы!..

Простите.

Вера.

* * *

1950 г.

Розочка, родная.

Сегодня узнала от Б. о смерти Филиппа Осиповича. Отмучился он бедный! Слава Богу, что закончил свою

³³ Мать И. Ф. Кунина и Е. Ф. Куниной умерла от сердечного приступа в 1924 году, когда И. Ф. Кунин находился в ссылке.

³⁴ 12 марта 1950 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР.

жизнь окруженный любовью и заботами. Это великое дело!

Как хорошо знаю ту внезапную тишину, которую ты подметила со свойственной тебе чуткостью! Она несравнима ни с чем и, как бы обращается к каждому из людей словами апостола Павла: «Мы все носим в себе приговор к смерти для того, чтобы надеяться не на себя, а на Бога».

На Мишутку все произшедшее, конечно, произвело очень сильное впечатление, и ему трудно справиться с этим, трудно даже осознать нахлынувшие на него, новые для него, тяжелые переживания. Ты, наверное, измучена и утомлена до последней степени, Розочка. Прости меня, родная, у меня к тебе просьба: прочти эту маленькую синенькую книжку³⁵. Пусть тебя не оттолкнет непривычная форма и ты почувствуешь ее глубокое и всеобъемлющее содержание, как бы охватывающее весь мир в едином чувстве. Если найдешь возможным, то дай пожалуйста прочесть и Жене, но это на твое усмотрение, а мне почему-то этого хочется. Книжечку надо будет вернуть.

У нас в институте за последние недели умерло несколько человек. Всех жаль. Пусть утешит всех Тот, Кто победил смерть Воскресением!

Целую тебя, родная, и очень хочу видеть. Береги себя!

Твоя Вера.

³⁵ Вероятно, речь идет о молитвослове.

* * *

5/VIII – 1951

Розочка, дорогая!

Пишу тебе неожиданно для самой себя в «Отдыхе»³⁶. Сегодня Леночка со своим братом В. уехала с утра в Загорск, и меня просили приехать, чтобы побывать с маленькой Леночкой /В-ной дочкой/.

Утром меня задержала М. М., так что В. с Леночкой я не застала, но застала Мишутку и Павлика, которые спали, по выражению Пастернака, «как только в раннем детстве спят». Мишутка, на мой взгляд, очень окреп, повеселел и успокоился. Они хорошо проводят день с Павликом: играют в волейбол, в шахматы, занимаются физкультурой, а главное – оба довольны и хорошо настроены. Маленькая Леночка – очень милое ласковое дитя 3-х лет. Я с удовольствием провожу с ней день. 19-го ее крестили по инициативе В. Это событие доставило нам всем большую радость. Крестной матерью была Леночка, а крестным отцом – Павлик. Сегодня только первый день моего отпуска. Как удастся его провести – пока не знаю. Пока не могу оставить М. М. Состояние ее тяжелое. Как томится душа человека на грани жизни, если не сумела и не желала она обратиться к Свету! Обещали взять ее в середине августа в дом инвалидов. Может быть, там хоть на людях рассеется немножко и не будут мучать ее так голоса и видения.

Хорошо, что Мишутка едет к Вам и Вы не должны будете прерывать своего отдыха. Если бы ты могла

³⁶ На станции «Отдых» Казанской железной дороги находилась дача семьи Меней.

пожить до конца отпуска на одном месте в тишине, ты бы хоть немного отдохнула физически и душевно.

Алик все еще в заповеднике, среди девственного леса, пишет о встрече с орлом, с зубром³⁷. Работает много, но, по-видимому, доволен. Спят у костра, а он при свете луны занимается своими любимыми книгами и даже пишет. Павлик ездил к нему на три дня.

Письмо это передам через Мишутку. Очень жду писем от тебя, моя хорошая. Целую крепко. Сердечный привет Юзе.

Вера.

* * *

17/I – 1952 г.

Розочка, дорогая!

Спасибо тебе, моя хорошая, за весточку. Прости, что не удалось сразу ответить. По-видимому, условия в санатории благоприятные, и я очень надеюсь, что тебе удастся успокоиться, окрепнуть, впитать в себя глубоко тот особенный мир и тишину, которыми так богат зимний лес³⁸. Я очень рада тому, что ты попала в это лесное царство в такие дни /5-го – 6-го января/, когда вся природа готовится к встрече великого праздника: небо и звезды, деревья и животные, и вся земля, одетая в белоснежный убор.

³⁷ Практически каждое лето во время учебы в старших классах Алик Мень выезжал для подработки в различные заповедники (Воронежский, Приокско-Террасный и др.)

³⁸ На Рождество 1952 г. Роза Марковна выезжала в санаторий поправить здоровье.

Ты так любишь музыку, Розочка, а какая музыка прекрасней музыки тишины?.. Хотелось бы очень, чтобы ты как-то почувствовала так, в своем уединении, и наступающие дни /18-е и 19-е³⁹.

О разных делах и трудностях стараясь пока не думать, все разберется и устроится; когда ты окрепнешь душой и телом, все покажется не таким уже трудным. Много и интенсивно надо тебе поработать за оставшееся время над своей физической поправкой, повысить все показатели в порядке досрочного выполнения плана для того, чтобы восстановить свою жизнеспособность и работоспособность до необходимого уровня. Не забывай пожалуйста, что ты это делаешь не для себя, а для всех, кто тебя любит, кто с тобой со-прикасается, кому ты сможешь быть полезна в дальнейшем.

Мишутку дети пригласили к нам на 20-е. Алик хочет в этот день праздновать свой день рождения со сверстниками, а 22-го – со взрослыми.

Леночка эти две недели была занята приемом гостей из Свердловска /сестра Владимира Григорьевича с семьей/, и я видалась с ней и с детьми только урывками. С Юзей позавчера говорила по телефону... Будь здорова и спокойна. Пиши только в том случае, если это не требует усилий.

Целую крепко. Прости!

Леночка и дети шлют горячий привет.

Твоя Вера.

³⁹ Праздник Крещения Господня.

* * *

Август 1955 г.

Розочка, дорогая!

Спасибо тебе большое за письмо, за поздравление. Я так и не могла поздравить тебя с твоим днем рождения, так как не знала твоего адреса. Моя поездка в Воронеж заняла около двух недель. Там я читала лекции на межобластных курсах для учителей и воспитателей. Два раза в начале и в конце пребывания в Воронеже я имела возможность на воскресенье съездить в город Усмань в двух часах езды от Воронежа. Эти поездки дали мне очень много и, в частности, облегчили то напряженное состояние, которое было у меня последнее время.

В Усмани уже года три живет близкая мне семья. Многому хорошему можно у них поучиться.

Как раз к моменту моего возвращения Алик вернулся из своей поездки в Ленинград. Сейчас он интенсивно готовится к отъезду в Иркутск: переплетает книги, переписывает и укладывает свою библиотеку. Трудно мне отпускать его в такую даль и на такой неопределенно долгий срок, да ему и самому это не легко⁴⁰. Но он умеет смотреть вглубь вещей, в тот неведомый нам смысл, которым строится и направляется наша жизнь на пути к своему наиболее полному осуществлению. Но в моем сердце так остро переплатаются все нити

⁴⁰ В результате прошедшей в 1955 году вузовской реформы студентов охотоведческого факультета Московского Пушно-мехового института перевели на охотоведческое отделение Иркутского сельскохозяйственного института.

настоящего, прошедшего и будущего, что иногда не умею с собою справиться. Стараюсь чаще бывать в хр(аме). Там легче растворяются засоряющие душу ядовитые капли и яснее видишь великое и чудесное...

Прости, Розочка, пишу тебе об этом оттого, что ты всегда так хорошо, чутко понимаешь все. Жаль от души Мишеньку, много тебе надо любви, терпения, чуткости, чтобы оберегать его⁴¹. Если он встретит близкого себе человека или найдет любимое дело – он будет чувствовать себя лучше. Мне кажется, ты права, Розочка, что ему легче будет пробыть некоторое время на отдыхе без товарища. Всякое обязательное общение вызывает в таком состоянии, как у него, излишнее напряжение. Очень хочу тебя видеть, но выбраться едва ли удастся. Мне сейчас надо интенсивно работать, чтобы закончить тему в срок⁴². Как ты чувствуешь себя физически? Тебе необходимо окрепнуть, набраться сил, чтобы выдержать всю нагрузку. Как здоровье Юзи? Что слышно у Альдика? Маруся⁴³ сейчас усиленно занята подыскиванием работы вне города, так чтобы можно было с квартирой устроиться; еще одну зиму провести так, как прошлую, ей не под силу. Может быть, она будет по этому делу и в Дмитрове. Я думаю, ты не будешь против, если она заглянет к тебе, мне бы очень хотелось.

Целую тебя крепко. Твоя Вера.

⁴¹ Миша, младший сын Розы Марковны, не был успешен в учебе в институте и увлекся азартными играми.

⁴² Вера Яковлевна работала в это время над своей диссертацией.

⁴³ Мария Витальевна Тепнина (1904–1993) была духовной наставницей Алика Меня с его раннего детства. Была арестована в 1946 г., осуждена за религиозные убеждения, и после реабилитации в 1954 г. вернулась в Москву.

* * *

*Александр Мень и В. Я. Василевская.
Иркутск, 1955 г.*

6 января 1956 г.

Розочка, родная, большое спасибо тебе за твою заботу обо мне: за вещи, которые так меня выручили, за проводы, за картинки для Алика, за все твоё неизменное внимание, за получение билета⁴⁴. Я так рада и благодарна за то, что моя поездка состоялась! Очень большое значение и для меня, и для Алика имеет эта возможность побывать вместе в тех новых условиях, в которых ему приходится жить, поделиться мыслями, впечатлениями, планами. Кроме того, здесь немало хороших людей, у которых есть чему поучиться. Много хороших книг, которые трудно найти в Москве. Я имею

⁴⁴ В конце 1955 г. – в начале 1956 г. Вера Яковлевна побывала в Иркутске у Алика Меня, чтобы помочь ему с обустройством на новом месте.

возможность ежедневно бывать где мне хочется. Величественная природа Сибири мне очень нравится. Морозы здесь переносятся очень легко. Ангара долго не хотела покориться льдам, и в результате ее бунта над городом стоял туман целый день. Теперь это прошло. Любопытно, что здесь возле домов в теплицах разводят кур. Приятно слышать по утрам пение петухов при 40° морозе. Поздравляю тебя, Розочка, с днем рождения Альдика, с Новым Годом, прости, что не написала во время. Пожелания мои ты сама знаешь. Напиши о себе, М., Юзе, Альдике. Всем сердечный привет.

Крепко целую. Вера.

* * *

1956 г.

Розочка, родная!

Только что получила твое письмо. Как больно за тебя, за вас обоих! И Мишутку страшно жаль! В нем несомненно есть много хорошего, что он получил и от тебя, и от Юзи, но развитие его, в силу многих причин, пошло болезненно, дисгармонично и сейчас – юношей – он не может найти опоры ни вне, ни внутри себя. Но многое еще может измениться к лучшему. Твоя чуткость, преданность и самоотверженность не останется без результатов. Только много нужно сил и терпенья, а поэтому береги себя, старайся получить от отдыха возможно больше, помня, что тем больше ты сможешь дать М., чем сильней и спокойней сама будешь. А еще мне хочется напомнить тебе то, что говорит народная мудрость: «Молитва матери со дна моря поднимает». Правдивость

этих слов оправдана на опыте бесчисленное число раз. Павлику сейчас надо очень интенсивно готовиться, ему предстоят 5 очень серьезных экзаменов, но он как-то недооценивает ответственности момента и занимается слишком мало и недостаточно напряженно. Я занимаюсь сейчас с ним ежедневно английским языком и русскими диктантами. У него так много пробелов в школьных знаниях, что я даже не представляю себе, как он может идти на конкурсный экзамен, а на будущий год откладывать нельзя, призывной возраст сейчас в ВУЗы не принимают. Хорошо, что у меня сейчас есть время для занятий с ним, т.к. я уже несколько дней на бюллетене. Собственно, болезни у меня выраженной нет, но какая-то непонятная ни мне, ни врачу резкая слабость, в результате которой меня уложили в постель на несколько дней. В квартире все уехали, кроме меня. Иногда необходимо оставаться одной в тишине. Жаль, что вдали от природы. Правда, мой /дедушка⁴⁵/ цветок на окне покрылся розовыми цветами, и они меня радуют.

Спасибо, дорогая моя Розочка, за описания природы. Я так люблю это твое ощущение леса, тишины, оно так близко мне! То, что ты пишешь о сельском храме, напомнило мне стихи, кажется Хомякова:

«В сельском храме, простом, убогом,
свет вечерний на лице строгом.
Ангел сходит к земле с приветом
Весь одеян вечерним светом.

⁴⁵ Архимандрита Серафима Битюкова в окружении Веры Яковлевны называли «дедушкой». Вероятно, много лет спустя после его смерти Вера Яковлевна ухаживала за цветком с его окна.

Тихо молвит: леса, долины!
Небо гаснет, но Свет Единый
ждите завтра, молясь, с утра вы:
Свете Тихий... Святыя Славы.
Вторят росы, вздыхают травы:
Свете Тихий... Святыя Славы».

Розочка, дорогая, напрасно ты думаешь, что я чего-то от тебя жду и в чем-то разочаровываюсь⁴⁶. Напротив, все так, как и должно быть, и очень хорошо ты написала, «час еще не настал». Посмотри Марк 4, 26-28: «Человек бросил семя в землю, и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе». Не нами созидается жизнь в природе и в духе. Еще вспоминаются стихи Жуковского:

«Еще лежит на небе тень.
Еще далеко светлый день.
Но жив Господь, Он знает срок,
Он вышлет солнце на восток...»

Прости, Розочка, целую тебя, моя хорошая, жду еще письма. Страйся быть спокойней, вспоминай чаще Нечаянную Радость, и она к тебе придет. Сердечный привет Юзе и В.

Твоя Вера.

[PS] Павлик шлет привет.

⁴⁶ Вера Яковлевна много лет мечтала о крещении Розы Марковны, которое состоялось лишь после смерти Веры Яковлевны.

* * *

1956 г.

Розочка, дорогая моя!

Получила твое письмо и открытку. Большое спасибо тебе, что ты меня не забываешь. Очень рада, что ты хоть немного побудешь в тишине и подышишь чистым воздухом полей и лесов. Мир и тишина коснутся и твоей утомленной души.

Сейчас Вера Максим. и Серг. Осип.⁴⁷ в Москве, скоро уезжают вместе с Варенькой⁴⁸, которая там будет сдавать экзамены за 7-й класс. Павлик готовится в институт, но поступление маловероятно: большой конкурс и в первую очередь принимают работающих в течение двух лет. Алик уехал в военные лагеря, как сдал сессию не знаю. Читаю мало, но иногда находишь хорошее,озвучное. В частности, мне очень понравилось: «Смысл жизни человека в том, чтобы теплотой своего дыхания бороться с холодом этого мира».

Поздравляю тебя, моя хорошая, с днем твоего рождения. Желаю, чтобы новый год твоей жизни стал годом, когда Свет Невечерний из далекого маяка стал бы навсегда Путеводной Звездой во мраке нашего времененного бытия.

Целую крепко. Сердечный привет Юзе.
Твоя Вера.

⁴⁷ Супруги Вера Максимовна Сытина (1901–1988) и Сергей Иосифович Фудель (1901–1977) близко дружили с В. Я. Василевской и Е. С. Мень.

⁴⁸ Дочь В. М. Сытиной и С. И. Фуделя

* * *

1956 г.

*Много званных,
но мало избранных.*

Прости меня, дорогая моя Розочка! Но мне опять хочется поделиться с тобой некоторыми моими мыслями, которые как-то даже не могу не высказать тебе сейчас.

«Пребудьте во Мне и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Ибо без Меня не можете делать ничего» (Ев. от Иоанна 15, 5).

В этом, думается мне, и заключен смысл того основного вопроса, к которому ты неизбежно все ближе подходишь. «Зачем?» – спрашиваешь ты. Нельзя ли ограничиться своим внутренним миром, своими чувствами, ощущениями, переживаниями? Но что такое это наше субъективное, меняющееся и исчезающее, как дым? Что такое мы сами – слабые, скоропреходящие существа, колеблющиеся между правдой и ложью, между жизнью и смертью? Не в нас источник жизни и истины. Вера не есть субъективное только чувство или настроение. В этом случае она не имела бы в себе силы, о которой говорит Евангелие: «Имейте веру с зерно горчичное, и вы сможете и горы передвигать». Она была бы пустой мечтательностью, чем-то вроде грёзы поэта. Вера – величайшая сила, о которой свидетельствуют сонмы мучеников и еще большее число неизвестных миру подвижников, силою веры

победивших и побеждающих тьму в себе и вокруг себя. Источник этой веры для нас на земле – Крест Христов. В нем знамение победы.

Вера есть знание о мире духовном, несомненно и объективно существующем «независимо от нашего сознания».

Вера есть приобщение к этому миру, жизнь по законам этого мира. Поэтому через веру в невидимое мы получаем и видимое. «Отец твой видящий тайное возводаст тебе явно».

Эта постоянная непрекращающаяся связь видимого и невидимого становится для нас все осязательней. Каждому человеку, искренне стремящемуся к познанию. Господь и сейчас, как некогда сомневавшемуся апостолу Фоме, отвечает: «Приди и видь». Только прийди и все будет тебе раскрываться постепенно. И все Таинства Церкви имеют силу реальную, объективную, но раскрывается она через веру и по мере веры.

Мы не можем иметь в себе истинной жизни, если не захотим сознательно приобщиться к ней, если отвергнем ее.

Мы, люди, как и все существующее, – созданья Божьи. Человек как бы скрепляет цепь творений и возвращает их Богу через свой разум, самосознанье и волю, которыми Бог наделил только человека. Все в мире живет и существует по определенным Богом законам. Один человек может нарушить закон, одному человеку дано право выбора: он может жить истинной жизнью, стремясь познавать и творить Волю Божью, но он может и оторваться от Источника Жизни и вести жизнь мнимую, ложную, бесплодную, несмотря

на все «добрые» намерения и ухищрения ума, потому что истинная жизнь в Боге, и мы Им, как говорит апостол, «живем, движемся и существуем». Христос пришел на землю для того, чтобы соединить разъединенное (смысл литургии заключен в словах «да все едини будут»). Он открыл человечеству путь к Свету, к Свободе, к Вечности. Этот путь – трудный, крестный путь, он идет через Голгофу, но за ней сияет свет Воскресенья.

В мире каждый человек страдает и радуется. Христианин также страдает, но страдает со Христом, и страданья его приобретают глубокий смысл и созидают, а не разрушают душу. Он также радуется, но не только земной, быстро исчезающей, часто загрязненной грехом радостью, – он приобщается к радости небесной, к той радости, которую Спаситель обещал Своим ученикам: «Да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (от Иоанна гл. 15).

Что такое Крещение? Об этом ясно сказано в Евангелии: «Кто не родится от воды и духа не может войти в Царство Небесное». Помнишь, как удивился ученый израильтянин Никодим: «Как может человек родиться вновь будучи стар?»...

Помнишь в деяниях апостольских вопрос, с которым обратился евнух к апостолу Филиппу: «Что препятствует мне креститься?» (Деяния апост.) Я знаю, что ты давно уже слышишь голос призыва. В древности пророк Исаия услышал глас Божий: «Кого пошлю и кто пойдет на дело Мое?», и пророк тотчас ответил: «Вот я – пошли меня».

Я впервые прочла эти слова Библии, когда мне было 15 лет, и мы занимались, если помнишь, в кружках

«Тарбуса»⁴⁹. Они поразили меня и до сих пор звучат в моей памяти на прекрасном священном языке наших предков.

Ты помнишь, Розочка, в Евангелии, как происходило призвание апостолов. Они бросали все и шли за Христом. А мы что должны бросить? Что-нибудь дорогое и ценное? Ничего, но только тот хаос и мрак, который гнездится в нашем сердце. Те цепи, которые сковывают нашу волю для того, чтобы соединить ее с Тем, Кто есть свет и в Кем нет никакой тьмы.

Я тебе показывала как-то в дневнике Венички слова, которые он записал, конечно не думая, что их кто-нибудь прочтет, и которые, быть может, решили судьбу его души: ««Спаси тебя Христос», – сказала мне нищая женщина. Нужно ли это мне? Да, нужно. Моя душа охвачена тяжелым кошмаром, ей необходим Спаситель». А ты разве не чувствуешь этого? Не откладывай, пока есть времени.

Когда я пришла к о. Сер(афиму) 20 лет тому назад, он сказал мне: «Вы не знаете, в какое время пришли ко мне!» Я действительно не знала. А теперь? Теперь приоткрылись завесы истории⁵⁰, мы знаем и видим гораздо больше...

Прости меня, дорогая. Не умею тебе высказать все, что у меня на сердце; может быть, очень беспомощны все слова мои и все это не то, что нужно тебе сейчас.

⁴⁹ Кружки по изучению еврейской истории и библейского иврита, существовавшие в России до революции и в первые послереволюционные годы.

⁵⁰ После XX съезда КПСС в 1956 году людям впервые открылись факты злодействий сталинского режима в период «культы личности» и «большого террора».

Может быть, слишком большая дерзость с моей стороны и я чем-нибудь делаю тебе больно. Прости!

Целую тебя. Твоя Вера.

* * *

1956 г.

Розочка, дорогая, спасибо большое за письмо!
Больно мне, что у тебя летнего отдыха не получается. А тебе он так необходим!

Мой отпуск близится к концу. Взяла уже билет на 10-е, на сутки остановлюсь в Новосибирске, а в понедельник 17-го надеюсь быть в Москве. Отпуском я довольна. Время совместного пребывания с Аликом прошло с пользой, хочется надеяться, взаимной. До чего же труден путь становления человека в нашу труднейшую эпоху! Терпение не означает пассивности. Надо действовать и ждать. Один прекрасный мыслитель прошлого века так объясняет эту необходимость: действовать без нетерпения и личного самолюбия, изо дня в день быть верным долгу настоящего часа. Ждать в непоколебимой уверенности, что во всем окончательная победа принадлежит Богу или, как говорил Гоголь в письме к Аксакову, «все обратится в добро».

Весна здесь только начинается, свежей зеленью покрываются луга, распускаются яблони, расцветает черемуха, чудесны и величественны закаты, тайга, оживающая после долгой зимы, фиолетовые сопки, возвышающиеся со всех сторон! В воскресенье ездили опять в Тельму, вернулись во втором часу ночи, т.к. с трудом добрались до железной дороги. Накануне моего отъезда, если удастся, съездим на Байкал.

Целую тебя крепко, моя хорошая. До скорого свиданья! Сердечный привет всем: Мишеньке, Юзе, Жене, Альдику, Марку.

Твоя Вера.

* * *

1957 – 58 (?)

Дорогая Розочка!

Спасибо за открытку. Как самочувствие? Как проходят дни? Погода очень неровная стала, и осень плетет свои венки из золотых листьев, а золотые лучи вечернего солнца говорят о тишине, о свете тихом и покое небесном.

Юзя говорил мне о кончине маленького Сережи⁵¹. Кажется, тебе не удалось присутствовать при отпевании. Ты едва ли представляешь себе, как торжественен, трогателен, полон глубокого смысла и высоких чувств чин «отпевания младенцев»! Да и кто может быть дороже для Матери-Церкви, чем безгрешный младенец? Мне хочется привести здесь хоть 2-3 стиха из отпевания младенцев, и я не сомневаюсь, что ты почувствуешь их красоту. Приведу их на славянском языке, принятом в богослужении нашей Восточной Церкви:

«Плотию обнищавый, Слове Божий, и младенец быти благоволивый... в недрехavraамлих...»

«Отроча виден был еси, прежде веков сый, и отрочатом яко благ Твое обещал еси Царство, тому настоящего причти младенца».

«Непорочного младенца, Христе Спасе, – вечных сподоби благих».

⁵¹ Не удалось установить, о ком здесь идет речь.

«Небесных чертогов и светлого покоя и священнейшего лика святых, причастника сотвори чистейшаго младенца».

Когда будет 40-й день?

Как ты себя чувствуешь? Как сон? Много ли читаешь? Ходишь ли за грибами? Сейчас их много стало.

Я перешла на зимнее расписание всех дел. Чувствую себя лучше, но темпы замедлены во всех видах деятельности. С этим надо мириться.

Крепко тебя целую. Большой привет Юзе.

Твоя Вера.

* * *

19/VIII – 1958 г.

Дорогой друг мой, Розочка!

Не написала тебе за весь отпуск ни одного толкового письма. Не потому, что мало думаю о тебе, но, пожалуй, как раз наоборот /прости за парадоксальность/, в течение этого отпуска, исключительно богатого для меня по содержанию и значению, я все время особенно чувствовала и вспоминала тебя и мысленно делилась с тобою всем переживаемым.

Приняли ли Мишу на практику? Приезжал ли он к Вам на дачу? Как проводил лето? Как теперь его дела с институтом? Часто ли тебе приходилось ездить в город? Как твое здоровье сейчас? Как здоровье Юзи? Рада за тебя, что ты с В-кой!⁵² Ребенок не только сам

⁵² Летом 1958 года Роза Марковна жила на даче со своим старшим внуком Витей.

раскрывается на природе, но и общение с ним делается доступней и глубже.

Много я получила и в Глинской, и в Боровске. Светлее путь и слышней тишина... Чувствуя себя хорошо. Сегодня приступила к работе.

Накануне отъезда из Роши впервые попала в полуразрушенный монастырь, основанный в 16-м веке преподобным Пафнутием Боровским. Там много сохранилось очень интересной живописи, но стены уже рушатся. Жаль, что некому приложить силы, чтобы уберечь эти сокровища. В речке Истеръме /приток Протвы/ красная глина 24-х оттенков.

Сегодня мне по телефону сказали, что ты будешь недели через полторы. Когда у тебя начинаются занятия? Леночку я застала очень взволнованной трудностью, возникающей в отношении Влад. Григ. по поводу Аликиных дел, он понять не может и информирован еще не полностью⁵³.

Алик переселился на новое местожительство, но Наташа⁵⁴ пока в Семхозе из-за болезни девочки. Павлик побыл в Киеве больше двух недель. Очень доволен. Целую тебя, дорогая. Сердечный привет Юзе.

Твоя Вера.

⁵³ В мае 1958 года Александр Мень был отчислен из института за религиозные убеждения, и вскоре рукоположен во диаконы. Владимиру Григорьевичу близкие до определенного момента не рассказывали об этих событиях. «Мы его щадили, защищали от рисковой реальности. Не сказали и о том, что Алик вернулся из Иркутска без диплома», – вспоминал Павел Мень.

⁵⁴ В 1956 г. Александр женился на Наталии Григоренко, и в 1957 г. у них родилась дочь Елена.

* * *

1958 г.

Дорогой Юзя!

Мне кажется, не будет преувеличением, если я скажу, что книга Ваша⁵⁵ произвела на меня очень большое впечатление.

Я ее читала и сейчас перечитываю отдельные места с большим интересом и волнением. Стиль и язык, каким написана книга, сам по себе доставляет эстетическое удовольствие. В нем нет ни вычурности, ни грубоватости, ни тяжеловесности, характерных для большинства современных книг. Тон книги теплый и сердечный. При этих условиях смысл слов, всегда обобщенный и исторически вылившийся в определенные формы, вновь обретает индивидуальную окраску и почти непосредственно воспринимается читателем. Этим и определяется тот подтекст, который создает многогранную жизнь литературного произведения. А Ваша книга далеко переросла рамки биографического очерка. Она продолжает лучшие традиции русской литературы прошлого.

В книге имеется ряд тонких психологических зарисовок, которые напоминают мозаичные картины или рисунки, сделанные пастелью. Сюда относятся нежные, глубоко запечатлевавшиеся картины детства П. И. Чайковского, его первых музыкальных впечатлений, его жизни в семье, разлуки с матерью и другие.

⁵⁵ В 1958 году в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» вышла книга И. Ф. Кунина «Петр Ильич Чайковский».

Сюда относятся незабываемые рассказы о том, как впитывала в себя чуткая душа растущего музыканта звуки родной природы, песни и жалобы родного народа, для того, чтобы, перековав их в горниле своего творчества, вернуть их людям для вдохновения и утешения.

Очень хороши картины из жизни эпохи, в которую жил П. И. Чайковский, например, старая Москва или Петербург. Как будто видишь всё это перед собой и входишь в эту ушедшую в прошлое жизнь.

С захватывающим интересом читаешь описание развития музыкального гения Чайковского на фоне людей, встреч, событий личной и общественной жизни. Книга дает как бы широкое полотно, на котором одна картина, полная глубокого содержания, сменяет другую, заставляя читателя задуматься. Читатель находит здесь и тонкое истолкование отдельных произведений Чайковского, и попытки возможно более полного раскрытия их идейного и психологического содержания.

При всей своей многогранности – в книге рассказано об этапах развития Чайковского, как человека и композитора, о состоянии музыкальной культуры в России, о связи между музыкальным и литературным творчеством – она конкретна и воспринимается как нечто цельное. Она непрерывно будит мысль и чувство читателя. Можно соглашаться или не соглашаться в отдельных моментах, но нельзя оставаться равнодушным. Метод работы над этой книгой, насколько я понимаю, не мог не быть сложным и трудным не только в исследовательском или литературном плане, но и в плане душевном. Ведь по сути дела речь идет о вживлении в чужую душевную жизнь. Трудно и немножко страшно...

В процессе чтения я не раз останавливалась перед вопросом: где Юзя и где Чайковский? В подобного рода трудах это всегда нелегко, да и не может быть иначе. На какой-то глубине души человеческие встречаются и приходят в соприкосновение друг с другом неизвестным нам образом. И если даже душа переводчика как-то сталкивается с душою автора, то что говорить о той задаче, которую Вы поставили перед собой: не только самому войти в сокровенную внутреннюю жизнь великого музыканта, но и ввести в нее читателя. Думаю, что это Вам в значительной степени удалось.

В своей книге Вы неоднократно указываете на этапы духовных исканий Чайковского, на те глубокие страдания, которые он переживал от собственных колебаний в основных вопросах жизни и мировоззрения, от которых не мог освободиться до конца своей жизни. Мы видим его то скептиком, то язычником, признающим владычество слепого рока во вселенной, то последователем великого рационалиста Спинозы, то романтическим пантеистом, то христианином, создающим музыку для Божественной Литургии, то сторонником абстрактного морализирования Л. Н. Толстого. Такой человек может быть богооборцем в известные периоды своей жизни, но не может быть ни атеистом, ни материалистом. А если у него и были периоды атеизма, то это был не атеизм людей, которые пытаются отвернуться от духовного мира и жить только этой земной материальной действительностью.

Не такова была, по Вашему же собственному описанию, жизнь Чайковского. Он жил в музыке, т.е. в непрерывном прикосновении к «мирам иным». Без этого не может быть ни подлинного искусства, ни творчества. Даже такой эмпирически мыслящий и целиком

социально направленный писатель, как Белинский, пишет: «Основу, сущность высшей жизни в человеке составляет внутреннее ощущение бесконечного, которое есть живой электрический проводник между человеком и Богом». Там, где этот проводник порван, остается или пустота, или невыразимые страдания души, родина которой – вечность.

И совершенно ясно, что если в жизни Чайковского были периоды, когда Бог был для него Иксом, то это были периоды тяжелой душевной муки. Это тот страдальческий атеизм, который так хорошо описал Достоевский.

Вы сами, рассказывая о шестой симфонии, говорите: «Новая симфония должна была привести к единству думы, в течение долгих лет волновавшие Чайковского, составлявшие предмет его глубокой заботы» и тут же перечисляете предметы этих дум: «О человеке и его судьбе, о Боге, о смысле жизни».

По сведениям, которые у Вас имеются, Чайковский до конца жизни остался плыть по морю «мучительного скептицизма». Так ли это, мы никогда не можем быть уверены, так как никто не знает тайны последних минут жизни человека, а они имеют решающее значение. Но если даже дело обстояло так как Вы говорите, и Чайковский умер неверующим, то мне кажется трудно отрицать, что такое неверие есть не что иное, как пламенная жажда веры. Это то состояние, о котором почти в молитвенной форме писал Блок:

«Боже, Боже, исполненный власти и сил,
неужели и всем Ты так жить положил,
чтобы смертный, исполненный утренних грёз,
о Тебе тоскованье без отдыха нёс»!

Хорошо, что Вы рассказали об этом в последней части Вашей книги, но то, что об этом рассказано, невольно наводит читателя на мысль, что здесь Вы оставляете Чайковского одного и не сопутствуете ему своим сочувствием и сопереживанием⁵⁶.

В своих философских размышлениях Вы mestами высказываете мысли, звучащие резким диссонансом по отношению к остальному содержанию и направлению Вашей книги. В книге Вы стремитесь раскрыть перед читателем внутренний мир человека, который, как Вы сами указываете, впитывал в себя и воплощал в звуках самые тонкие переживания души человеческой. И наряду с этим, в той же книге, мы находим слова, отрицающие реальность души, красоты и всего того высшего мира, завесу которого приоткрывает всякий истинный художник, в том числе и Чайковский. На стр. 186 мы читаем «о бесконечной познаваемости и неисчерпаемости материи, которой Вы пытаетесь объяснить все непонятное и таинственное. Не есть ли это отрицание самостоятельной реальности духовного мира? А если так, то значит и красота, и правда, и любовь, о которых так много и так тепло рассказано в Вашей книге, не больше, чем «надстройка», чем пена на гребне волн, а в основе всего – случайное сцепление атомов и развитие производственных отношений!

Если бы я не знала автора книги, то могла бы подумать, что еще один современный писатель приносит в жертву то, что ему самому дорого, на алтарь современного анти-философского материализма. Но зная Вас

⁵⁶ В период работы над своей книгой о Чайковском, И. Ф. Кунин еще не был верующим христианином (он крестился много позже).

как человека исключительной внутренней честности, я не могу сделать такого предположения.

Что же такое душа человека, что такое личность, которую Вы, как гуманист, так высоко цените, если у нее нет корней в вечности? Сорок лет работая в области психологии, я отчетливо вижу /да это признают сейчас уже все, независимо от личных убеждений/, как безнадежно запуталась материалистическая психология, пытаясь хоть сколько-нибудь уяснить себе понятие личности. А без этого понятия она обойтись не может, так как оказывается совершенно бесплодной для жизненной практики.

После долгих лет борьбы психологи-материалисты вынуждены делать одну уступку за другой. Слова: душа, совесть, нравственность, еще недавно запрещенные, уже не изгоняются из лексикона. Но что значат они для материалиста? (Это, разумеется, не означает, что среди сторонников материалистической философии не может быть хороших и благородных людей. Отрицание не уничтожает того, что реально существует, но какой страшный вред приносит оно человечеству!)

Сейчас уже официально признано, что мышление нематериально, так как в противном случае нельзя объяснить процесса познания. (Об этом можно прочесть в журнале «Вопросы философии».) Педагогика и педагогическая психология, основанные на материализме, оказались совершенно бессильными объяснить индивидуальные различия между детьми, так как никакие биологические и социальные объяснения не могут исчерпать этот основной факт бытия человека.

И что такое любовь, которую Вы так восхищаетесь, если это только мимолетное цветение земного счастья:

если человек – бабочка-однодневка? Если все кончается смертью, как может любовь победить смерть? Истинная любовь не знает смерти, она не исчезнет и тогда, когда, по словам апостола Павла «языки умолкнут и знание упразднится». Не исчезнет потому, что она лежит в основе мира.

К чему любовь и сострадание, если все материально и тленно? Кого любить и жалеть?

И никакой нравственности на материалистической основе построить нельзя. В настоящее время это становится очевидным для всех, кто не хочет себя обманывать. Наука сама по себе не различает добра и зла. Она развивает ум, но не совесть. А если оторвать одно от другого, то может получиться искалеченный человек и даже народ, в чем мы также имели возможность убедиться.

На стр. 296 Вы высказываете очень важную для современности мысль о том, что «забвение или отвержение нравственных ценностей» ведет к уничтожению самых основ жизни личности и общества.

Однако на фоне материалистического мировоззрения эта безусловно верная мысль остается совершенно необоснованной. Ведь для того, чтобы быть действенным, нравственный закон должен быть объективным, незыблемым. Вы утверждаете, что нравственность есть результат социального прогресса. «Нравственные ценности, – пишете Вы, – выработаны бесчисленными поколениями людей». Но ведь это же неверно. Нравственное совершенство было не менее известно людям первых веков нашей эры, чем людям XX-го века, и не стоит ни в какой связи со сменой социально-экономических формаций. И его влияние на человека происходит не «каким-то

непонятным образом», как Вы утверждаете, а именно потому, что оно имеет реальную онтологическую основу и в душе каждого человека есть голос совести.

Идея гуманизма может быть и хороша сама по себе, но она становится ложной и вредной, как только она отрывает человека от Бога и от его высшего назначения и ведет его не по пути нравственного подвига, очищения и преображения, но по пути борьбы за внешнее благополучие и эфемерное земное счастье, которое всегда кончается разочарованием, если оно является самоцелью. Душа человека не может удовлетвориться тем, что есть «суета и томление духа». Возрожденное язычество привело Европу к самообману ложного гуманизма и принесло немало вреда последующим поколениям. Наше поколение и следующее за нами несомненно счастливей.

«Блажен, кто посетил сей мир
в его минуты роковые».

Мы – свидетели великих социальных переворотов и мировых войн, мы – современники страшных бедствий и жестокостей, перед которыми бледнеют самые мрачные картины жизни прошлых столетий.

Многое изменилось: отошла в прошлое наивная вера в прогресс, во всемогущество научно-материалистического мировоззрения. Его опровергает сама современная наука, подошедшая к той грани, на которой само понятие материи становится трижды неизвестным иксом. Для всех очевидна бессмысленность веры в нравственное возрождение человека на основе социальных переворотов и «максимального удовлетворения максимально растущих потребностей». Теперь всем ясно, к чему это приводит.

Во второй половине XX-го века мы являемся свидетелями небывалого за последние столетия тяготения к христианству. В западных странах оно внешне выражается в проникновении его влияния в самые различные области культуры и жизни, росте и деятельности союзов христианской молодежи. В нашей стране оно проявляется еще более удивительным образом – в многочисленных обращениях, подобных обращению апостола Павла, и при том в такой среде, в которой мы меньше всего могли бы этого ожидать, в партийных и атеистических семьях. Это напоминает нам первые века, когда христианство проникало и во дворец кесаря.

Молодежь и даже дети с жадностью стремятся узнатъ что-нибудь о Христе. Я уверена, что в недалеком будущем представители нового поколения сумеют по-иному осветить ряд затронутых Вами вопросов.

А Вам спасибо за то, что Вы сделали. Если исключить из Вашей книги отдельные материалистические рассуждения и тенденции, в ее фактическом содержании нет ни грамма материализма.

Прекрасен рассказанный Вами сон Танеева⁵⁷. Мысли, вышедшие из души, продолжают жить, касаются других душ и начинают, как Вы сами указываете, «долгий путь в сердцах и умах».

⁵⁷ Композитору С. И. Танееву приснились музыкальные мысли П. И. Чайковского в виде живых существ, носившихся по воздуху. «Похожи они на кометы – они сияют и живут, – приводит И. Ф. Кунин описание Танеевым своего сна. – Под ними люди, про которых я знаю, что это – будущие поколения. Мысли эти входят в головы этих людей, движутся, извиваются, и, несмотря на протекающие века (мне казалось, что передо мной... проходят столетия), остаются такими же живыми и сияющими».

Роза Марковна и Иосиф Филиппович. 1960-е гг.

Ваша книга будит чувство и мысль, а потому не может не быть полезной, особенно в наше время.

Простите за длинное письмо. Мне просто хотелось поделиться с Вами теми чувствами и мыслями, какие вызвала у меня Ваша книга.

Вера.

* * *

30 сентября 1958 г.

«Крест хранитель всей вселенной»

Розочка, дорогая моя, этот любимый мною гимн пели в Донском храме в праздник Воздвижения Креста в тот момент, когда я зашла туда ненадолго перед работой. Я невольно задумалась о том, что объединяет эти два рядом стоящих праздника: Воздвижения Креста и

свв. мучениц Веры, Надежды и Любови, и мне очень захотелось поделиться с тобой своими мыслями и чувствами.

Видишь ли, Розочка, церковный год построен таким удивительным образом, что каждый месяц, неделя, день насыщены своим особым содержанием, охватывающим не только глубины человеческой души, но и тайны мирозданья. Разумеется, каждый улавливает лишь крупинки этих сокровищ в меру своих возможностей. Духовное познание дается подвигом всей жизни, однако, личных стараний, как бы велики они ни были, для этого недостаточно. Необходима сила благодати Божьей. Благодать на латинском языке называется *gratia*. Она дается человеку не за какие-нибудь его заслуги или старания, но изливается свыше как дар (*gratis* – даром). Благодать Святого Духа передается каждому через Таинства Церкви. Каждое из Таинств имеет силу благодати. Благодать как бы каким-то цементом духовным скрепляет все здание Церкви.

В Вербное воскресенье вся Церковь поет: «Днесь (сегодня) благодать Святого Духа нас собра и все (все) взяв крест свой глаголют (говорят): «Осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне»».

В том мире, в котором мы живем, все разобщено, разъединено, и только Церковь ежедневно за литургией молится о «соединении всех» и ежедневно обращается ко всем с призывом: «Возлюбим друг друга».

Еще во времена Ветхого Завета Бог открывал Волю Свою людям через пророков. Человек волен ответить на божественный призыв: «*Esse adsum Domine, ut faciam voluntatem Tuam*» (Вот я, Господи, чтобы творить волю Твою) и волен отвергнуть его.

В Новом Завете Бог не обращается уже к человеку через посредников. Он Сам стал Человеком, пострадал и был распят на Кресте. Распятие Христа на Кресте – искупительная жертва, принесенная за весь мир. Это второе творение мира. Мир не только создан, но и воссоздан вновь рожденьем, страданиями, смертью и Воскресением Христа. Крест водружен в сердце мира.

Каждый человек, принимая крещение, вооружаясь крестом, рождается вновь уже не только для этой временной земной жизни, но и для вечности. Он органически, глубочайшим образом соединяется со Христом. «Мы все во Христа крестившиеся, во Христа облеклись», – говорит апостол Павел. И во время крещения каждого человека, все равно младенца или взрослого, поют эти слова: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся». Невозможно перечислить всех эпитетов, какие церковь относит к Кресту.

Крест – символ победы над смертью.

Крест – непобедимое оружие.

Крест – красота Церкви.

Крест – верных утверждение.

Разреши мне привести тебе один из стихов, которые поют в церкви в праздник Воздвижения. Я думаю, что ты почувствуешь его силу и без перевода: «Воздвиаemu древу окроплену кровию воплощаюся Слова Бога, пойте небесные силы, земных возвзвание празднующе. Люди, поклоняйтесь Христову Кресту, имже миру восстание во веки».

Даже деревья радуются вместе с людьми: «Да возрадуются древа дубравные вси, ибо освятилось естество их Христом, распростертым на древе».

Крест Христов Церковь зовет еще «живоносным древом». Это древо, корень которого в Вечности, а вершина в небе, выросло на нашей земле. И здесь на земле оно приносит плоды. Главные из них: Вера, Надежда, Любовь, как ясно говорит об этом апостол Павел.

Вот почему так тесно соединены между собой эти два праздника, и Церковь прославляет св. мучениц, носивших эти имена, в те дни, когда звучат еще слова: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...».

И в сердце каждого человека со дня его крещенья также начинает прорастать древо креста. С тех пор главной заботой каждого является стремление к тому, чтобы расцвело это древо и принесло плоды...

«Господи, сотвори, да не бесплоден будет во мне Крест Твой святый!»

Прости и прими, как можешь. Это просто мысли вслух в день моего Ангела.

Твоя Вера.

* * *

30 сентября 1959 г. (?)

Можно ли рассказать в кратких словах о Символе веры, в котором заключена вся сущность веры христианской и вся история нашего спасения? Для этого потребовались бы целые томы, да и не моего слабого ума это дело. Мне хотелось бы сказать только о том, что стоит в центре нашего переживания, когда мы читаем или слушаем эти слова. Это, прежде всего, ход чувства изумления, благодарности и любви. Мир создан Богом, Творцом неба и земли, вызвавшим Его словом Своим (Логос), т.е. безграничной премудростью и любовью,

из хаоса небытия, он искуплен страданьями, смертью и воскресением Богочеловека и возрожден благодатью Духа Святого для жизни вечной.

Тщетно пытаются люди пренебречь этой истиной: «Камень, которым пренебрегли строители, стал главою угла». Не в книжке только, но во всем мире символ веры живет и дышит, ища отклики в сердцах человеческих. Помнишь, я рассказывала тебе, как неожиданно для себя нашла его полностью написанным на маленькой часовне в глубине леса у истоков Волги? И еще, может быть, помнишь, когда мы жили с тобой в Верее, там было заброшенное сельское кладбище. И вот, в одном месте, куда едва ли часто заходили люди, на земле лежал обломок камня, отвалившийся от какой-то, видимо давно забытой, могилы, и на этом камне сохранились слова Символа веры: «...чаю воскресения мертвых»...

Не должно смущаться тем, что не все сразу становится понятным. И мирская наука дается нам не сразу. А Премудрость Божия открывается нам крупинками, по мере сил, сколько может вместить сердце наше и ум, не очищенный благодатью. И вера есть начало ведения. *Credo ut intellegam!*⁵⁸

И критерием здесь, как и в человеческой науке, является практика, опыт. Один из отцов Церкви формулировал эту мысль таким образом: «Истиннейшее знание есть действие по истине узнанной».

Вера христианская не унижает разума, но лишь по мере того, как мы будем учиться христианской жизни, наш разум будет очищаться, и ему будут открываться истины учения христианского во всей его полноте.

30 сентября. День святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии.

⁵⁸ Я верю, что понимаю! (Лат.)

* * *

Август 1960 г.

Розочка, дорогая моя!

Рада, что Вы с Юзей, наконец, начинаете отдыхать. Правда, и лето по-настоящему, как будто, только начинается, после полосы дождей. Зато цветы в садах напоены влагой, так что и самые скромные садики кажутся прекрасными цветниками. Очень вспоминала тебя, дорогая Розочка, и особенно в день Преображения. А завтра уже другой чудный осенний Праздник – Успения Божией Матери, в оформлении которого принимают всегда участие, горячее и живое, первые осенние цветы, как бы иллюстрируя гармонией красок торжественные песнопения Праздника.

На днях я говорила по телефону с Мишой. Он говорит, что был у тебя на даче уже два раза. Целую тебя крепко. Сердечный привет Юзе. Желаю отдохнуть по-настоящему. Твоя Вера.

У нас все в порядке. Павлик вернулся с Нового Афона, очень доволен отдыхом. Получила ли ты мою первую открытку?

* * *

Сентябрь 1960 г.

Розочка, родная!

Не могу передать тебе, как обрадовало меня твое письмо! Получилось оно в самый замечательный день в нашей жизни.

Первого сентября состоялось посвящение Алика⁵⁹. Он принял важнейшую в истории человечества «эстафету», идущую непрерывно от времен апостольских...

Твое письмо с описанными в нем переживаниями вошло в круг впечатлений этих удивительных дней и еще больше сблизило нас с тобою.

Писать сейчас трудно. Увидимся, поговорим обо всем.

Обнимаю и целую тебя, дорогая Розочка. Сердечный привет Юзе. Как хорошо, что он тоже доволен пребыванием в Печорах!

Твоя Вера.

* * *

(штамп: 31 июня 1961 г.)

Розочка, родная!

Согласно обещанию пишу тебе из Киева. К сожалению, несколько слов. Пока невозможно синтезировать многообразие впечатлений и особенно переживаний. Этот удивительный город, многоликий и неспокойный, хранит в себе тысячелетние страдания и тысячелетнюю правду страны и народа. Все стареет и все обновляется подобно тому, как пробиваются из земли в самых неожиданных местах источники вод, тщательно засыпанные и замурованные уже который раз. Заперты все ворота Киево-Печерской лавры, в которые ежегодно стекались тысячи людей из разных концов земли.

⁵⁹ 1 сентября 1960 г. Александр Мень был рукоположен в сан священника в Донском монастыре епископом Стефаном (Никитиным).

Но подобно подземным ручьям, есть живые источники и в сердцах человеческих; а на самом возвышенном месте Киева, как видно на этой картинке, стоит памятник, который внушает уверенность в будущем всех и всего.

Крепко целую. Сердечный привет Юзе и Мише. Вера.

* * *

Июль 1961 г.
(Псково-Печерский монастырь)

Розочка, дорогая моя!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе от всей души получить нечаянную радость. Спасибо тебе, моя хорошая, за твою любовь и заботу. Как это ты на вокзал прилетела к поезду в такой ливень? Приехали мы в субботу в 12 часов дня. Комнату здесь найти нелегко, очень много приезжих из Москвы и особенно из Ленинграда. Все же часа через два после приезда мы устроились в большой отдельной комнате у тихой одинокой хозяйки и вечером были в монастыре у всенощной.

Монастырь никогда не закрывался, так что ритм его жизни за четыре или пять столетий его существования нарушался лишь «нашествиями иноплеменных», как это всегда бывало в обителях, находящихся близко к границам, а в прежние времена он и сам представлял из себя крепость и оплот для защиты отечества, о чем свидетельствуют полуразрушенные башни и бойницы. Колокола все здесь сохранились в целости, хотя

один из них пожертвован Иваном Грозным, другой Борисом Годуновым, третий был привезен Петром Первым. Каждое утро перед началом и перед концом литургии звонят во все колокола. Такого звона я нигде не слыхала.

Высоко на стене колокольни изображен чудесный ангел большого размера в голубой одежде. Его взор, устремленный к небу, и поднятая рука, указывающая на часы, напоминают о Вечности, в то время как мелодичный бой часов, находящихся на самом верху колокольни, и раздающийся каждые пятнадцать минут, говорит о быстротечности нашего земного странствования.

Монахи, в основном, производят впечатление сильных духом, сосредоточенных и целеустремленных людей.

Местность кругом удивительно красивая, холмистая, с очень пышной и разнообразной растительностью. Население также разнообразное: русские, эстонцы, литовцы, латыши и т.п. В монастырь ежедневно приезжает на самом разнообразном транспорте множество экскурсий, в основном молодежь, не все хорошо знают русский язык. Сегодня утром мы с одной из таких экскурсий спускались в пещеры. У входа в пещеры надпись: «Пещеры Богом зданные». Дело в том, что в самом начале, примерно в XIV веке они были обнаружены как бы случайно, во время рубки леса, когда сваливали большие деревья. Лишь постепенно там стали селиться люди и хоронить в них умерших. Какие-то до сих пор не выясненные свойства почвы или воздуха способствовали тому, что тела погребенных не подвергались тлению, несмотря на то, что в

этом месте происходили многочисленные сражения. Число погребенных до настоящего времени исчисляют до 10 тысяч.

Тропинка, которая идет от монастыря к пещерам, называется «кровавой дорожкой». Название это происходит от того, что Иван Грозный, приехав в монастырь, заподозрил игумена Корнилия в измене и в тот момент, когда Корнилий вышел его встретить, отрубил ему голову, но придя в себя и поняв всю несправедливость своего поступка, на своих плечах отнес его на кладбище.

Прости, что так долго останавливаю твое внимание на этих подробностях, но в таких местах история оживает и рассказывает о себе.

Посетили мы и краеведческий музей, но они во всех городах похожи друг на друга, как две капли воды.

Тебе совершенно необходимо дать себе передышку, набраться сил для выполнения трудной твоей задачи. Может быть, хоть по очереди с Юзей съездили бы в тихое местечко. Лето сейчас в полном разгаре, зеленые рощи так и манят укрыться под их сенью.

Целую тебя крепко. Юзе большой привет, и Мише, и Альдику.

Как ты там, бедненькая, в такой духоте с твоими головными болями? Был ли как-нибудь отмечен твой день рождения? Я буду вспоминать тебя здесь, как только возможно. Прости! Господь с тобою!

Твоя Вера. Привет от Тони.

* * *

Алабино, 1962 г.

Дорогая моя Розочка!

Вот уже три дня, как мы с Лялечкой⁶⁰ живем вдвоем в Алабине⁶¹ весьма уединенно. После бурного увлечения подружками у Лялечки наступил период, когда она не выражает желания встретиться с кем-либо из них и предпочитает играть одна. Мы с нею целый день на воздухе, в обществе птиц, стрекоз и улиток. Но добрые люди помогают нам в самом необходимом.

У Алика отпуск в силу обстоятельств оказался очень скомканным, хотя он полностью приступит к своим обязанностям только с 12/VII. Возможно, что первого июля они будут здесь, так как ему необходимо проследить за теми строительными и художественными работами, которые были начаты под его руководством и судьба которых его беспокоит. Правда, они с Наташой предполагают частично использовать свободные дни и после первого, так что возможно, что я еще частично буду здесь. Но если бы ты на ближайшей неделе могла заехать, мы могли бы чудесно погулять в парке. Мне бы хотелось узнать адрес Жени в Малоярославце, если можно.

Очень хотелось бы с тобой повидаться и побывать вместе на природе и в тишине. Только что Лялечка прибежала и принесла мне две белые розы. К цветам у нее сейчас особенный интерес.

⁶⁰ Дочь о. Александра Меня.

⁶¹ После рукоположения в 1960 г. священника Александра направили служить в храм Покрова в пос. Алабино (50 км от Москвы).

Целую тебя, дорогая, и жду.
[PS] Сердечный привет Юзе, Мише, Альдику. Где
Витюша и как себя чувствует?
Твоя Вера.

* * *

1962 г.

Розочка дорогая!

Получила твое письмо. Спасибо за него. Я уже знала от Женечки о ваших событиях. Как грустно, что вместо отдыха столько переживаний и трудностей!⁶² Слава Богу, что обошлось! Хорошо бы вам отдохнуть там и окрепнуть немного после всего пережитого. Если нужно, я могла бы одолжить немного денег, если за этим остановка. Напиши, пожалуйста, срочно, я вышлю. Женя, судя, по ее словам, довольна Мишой. Но я понимаю, что тебе все же неспокойно. Сегодня праздник Нечаянной Радости. Для меня он всегда связан с тобой. Желаю тебе осуществления всего светлого, о чем тоскует твоя душа. Помнишь ли ты приветствие, которому однажды научила тебя бабушка⁶³: «Радуйся, нечаянную радость верным дарующая!»...

Леночка сейчас в доме отдыха, с большим трудом удалось уговорить ее поехать, но я очень рада, что все

⁶² Переживания и трудности были связаны с неблагополучием младшего сына Розы Марковны.

⁶³ «Бабушкой» называли Вера Яковлевна и Елена Семеновна схиигумению Марию, принявшую на себя духовное руководство семьей Меней и Верой Яковлевной после ареста преемника архимандрита Серафима Битюкова – отца Петра Шипкова.

же удалось. Лялечка у меня была почти две недели. Три дня мы провели с ней в Рублеве у Маруси очень хорошо. Перед самым ее отъездом мы были в зоопарке, где наблюдали удивительное явление, весеннее пенье лебедей. Я никогда не слышала ничего подобного. Стойкие белые птицы группами плыли по озеру и в такт перекликались между собой так мелодично, что, казалось, звучит оркестр каких-то необычайно нежно звучащих инструментов. Лялечка заметила, что хорошо было бы записать эту музыку, чтобы ее могли воспроизвести люди, но я думаю, что это едва ли возможно.

Рада была бы съездить с тобой куда-нибудь в июле. В июне я, вероятно, буду в основном занята с детьми: с одной Лялечкой или с обоими пока не знаю⁶⁴. Пусть решают родители.

У Маруси в доме после мирной кончины старичков создалась какая-то особая атмосфера, словно слышен аромат невидимых цветов. Многие это чувствуют.

Целую тебя крепко. Ты меня тоже прости за недостаток чуткости и неосторожность. Юзе большой сердечный привет с пожеланием полного выздоровления и укрепления сил.

Твоя Вера.

* * *

1962 г.

Дорогая моя Розочка!

Спасибо тебе большое за твое удивительное письмо. Спасибо тебе, родная, что ты так ясно написала о тех внутренних страданьях и трудностях, которые

⁶⁴ В 1960 году у отца Александра Меня родился сын Миша.

испытываешь ты в последние годы. Я смутно это чувствовала и особенно остро в прошлом году в Киеве, в канун Преображенья, но понять до конца не могла. Но теперь для меня ясно, что ты в настоящее время странствуешь по той самой внутренней пустыне, по которой прошло до нас и пройдут после нас немало чутких, ищущих Правды душ. Вспомним хотя бы слова псалмопевца Давида, он в своих псалмах описал много душевных движений и состояний человека, которые едва ли потеряют свое значение, пока будет жив род человеческий на земле: «Душа моя яко земля безводная Тебе». Многие из этих древних песен были впоследствии, подобно цветам, пересажены в сад Церкви, где они вошли в круг церковных песнопений и вместе с ними, вырываясь из темных глубин души человеческой, находят пути к Солнцу. Ты, вероятно, не раз слышала: «Сердце мое смятесь во мне и покры мя тьма...».

И ты ошибаешься только там, где говоришь об этих состояниях как о признаках бесплодности твоей духовной жизни. С моей точки зрения, дело обстоит как раз наоборот, поэтому письмо твое меня не огорчило, а скорей порадовало: «Узок путь, ведущий в жизнь». Это путь Креста, и другого пути нет. Вот что пишут по этому поводу опытные в духовной жизни люди: «Не бойтесь проходить по пустыне уныния, в которой душа все теряет. Когда она увидит, что сил не имеет выйти из своего состояния, тогда она отрешится от себя и обратится к Богу. Тогда перед ней откроется бездна милосердия Божьего, спасающего человека. Тогда отойдет от души сомнение, уныние, отвалится камень бесчувствия – тогда почувствует она силу, покой и утешение». Не человек ищет Бога, а Бог ищет человека. «Се стою у

двери сердца твоего и стучу». Сколько раз при самых различных обстоятельствах стучался Он в твое сердце! Трудный этот момент для каждого из нас, не только через страдания должно все пройти, но как бы и через смерть, потому что Христос умер и воскрес.

Вспоминаются удивительные слова службы Страстной Субботы: «Спогребохся Тебе вчера, совозстаю днесъ Воскресшему Тебе»... Вспоминаю моего покойного друга – Елену Львовну, как долго не могла она решиться, но наступил момент, когда она должна была сказать: «Сейчас или никогда». Всего три года прожила она после, но какие три года и как перешла в жизнь вечную – об этом не расскажешь. Мы часто с сестрою ее Марией Львовной беседуем об этом и о том, что было бы с ними обеими, если бы это не совершилось. Прости меня, Розочка, может быть я тебе делаю больно, когда пишу об этом. Может быть, слов тебе сейчас и не нужно, а нужно только молиться и ждать. Но я пишу просто так, как чувствую, и уверена в том, что бабушка, которая так тебя любила, и «так» молится за тебя, и в свое время ее молитва будет услышана.

Я пока в городе, но чувствую себя, в общем, хорошо, все разъехались, хочется многое сделать в уединении, а темпы уже не те, которые были прежде. Пока стараюсь заниматься практикой английской разговорной речи, чтобы потом помочь Лялечке и Павлику. Он сейчас, видимо, на острове, среди океана⁶⁵. Странно, когда подумаешь!

Целую тебя крепко. Как самочувствие твое и Юзи? Передай ему мои лучшие пожелания.

Твоя Вера.

⁶⁵ Павел Мень в это время проходил службу в советской армии на Кубе.

* * *

1962 г.

Розочка, дорогая моя!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе и всем твоим близким всего самого лучшего.

Давно не имела писем от тебя. Из разговора с Женечкой по телефону узнала, что Вы решили продлить свое пребывание в Калуге, что Юзя там успешно работает и ты ему помогаешь. Это очень отрадно, разумеется. Хотелось бы знать, как здоровье Вас обоих. Бываете ли в лесу? Лето в этом году такое хорошее! Удается ли отдыхать днем, читать книги? Как у тебя сон, дорогая Розочка, наладился ли? Я после поездки чувствую себя хорошо. Ленинград принял меня на этот раз хорошо, и я его соответственно. В Эстонии была 4 дня, но дело ведь не в количестве дней!

Занятия мои с англичанкой, к сожалению, окончились. Я ими очень довольна. Оказывается, можно сколько угодно прочесть, пересказать, перевести, написать на чужом языке, но устная разговорная речь – это нечто другое, чему надо заново учиться, так тесно она переплетена со средой, бытом, особенностями общения и отношений в данной стране, в данный узкий исторический период времени. Газеты и журналы еще хоть немного ее отражают, но книги дают о ней слабое, а часто и неверное, представление.

С Лялечкой сейчас почти не занимаюсь. Лето требует своего: она поглощена сейчас стрекозами, лягушками, муравьями, цветами и подругами. Все это вполне естественно и необходимо.

От Павлика письма хорошие, пишет, что узнал множество «интересных вещей» и сделал «много открытий в отношении обитателей нашей планеты».

Еще раз шлю лучшие пожелания тебе и Юзе. Крепко тебя целую.

Напиши пожалуйста и прости меня, если что-нибудь не так.

Твоя Вера.

* * *

1963 г.

Дорогие Розочка и Юзя!

Долго не писала вам, хотя часто о вас думаю и от души желаю вам успеха в том хорошем деле, которым вы там совместно в тишине заняты. Не сомневаюсь в том, что ваша книга о Римском-Корсакове будет очень ценной и найдет отклик во многих сердцах⁶⁶. Мне же при имени Римского-Корсакова вспоминается прежде всего удивительная музыка «Сказания о граде Китеже» и самый град Китеж, который никогда не умирает в народной душе.

Хочется привести здесь отрывок из одного стихотворения, написанного (может быть, вы его знаете) на эту тему:

«Ткачи в Китеже-граде,
умудрясь в мастерстве,
золоченые пряди
по суровой канве

⁶⁶ И. Ф. Кунин работал в это время над книгой о Римском-Корсакове, которая вышла в 1964 году в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия».

вышивали цветами
ослепительный плат
для престола во храме
и для думных палат.
Но татарские кони
ржут вот здесь, у ворот,
защитить от погони
молит Деву народ.
И на дно голубое
в недоступную глушь
сходят чудной тропою
сонмы праведных душ.
Недовышит и брошен
дивный плат на земле,
под дождем и порошай,
в снежных бурях и мгле.
Кто заветные нити
схоронит от врага,
наклонитесь, падите,
поцелуйте снега!
В лоне Отчего бора
помолитесь Христу,
завершайте узоры
по святому холсту!»

Я уже почти месяц вместе с редактором занимаюсь подготовкой к печати книги, которую я переводила с английского⁶⁷. Много оказывается недоразумений, шероховатостей и спорных деталей. Так что дело это

⁶⁷ Вероятно, речь идет о переведенной Верой Яковлевной книге Э. Хейссерман «Потенциальные возможности психического развития нормального и ненормального ребенка». – Москва: Наука, 1964.

занимает немало времени. Кроме того, каждый день волны житейского моря приносят новые дела, заботы и тревоги. Это общий закон для всех. Но и здесь, если быть внимательным, можно найти драгоценные камни. Думаю, что вы согласитесь со мною в этом. Хотелось бы знать, как вы оба себя чувствуете? Надеюсь, все же лучше, чем в Москве, особенно в такую жару.

Но лето подходит к концу, и близка уже «лазурь Преображенская»... За поздним временем надо кончать это неожиданное для меня самой написанное письмо. Простите! Всего вам хорошего. Розочка, дорогая, не сердись на меня. Целую тебя крепко. Твоя Вера.

P.S. или просто утреннее дополнение к письму.

Четыре дня провела я в г. Покрове у Веры Максимовны. Она немного помогла мне в работе, и мы совершили прогулку в большой лес вместе с С. И. и их внучкой Машенькой. Там много ковров из мха различных оттенков, вереска и папоротников, влажный и острый запах лесной чащи, ягоды голубики, неподвижные высокие сосны и тишина. Алик в августе один будет в Алабине. Дети в Семхозе. Возможно, съезжу туда дня на два, а Наташу отпущу в Москву. Павлик пишет, но получаем письма довольно редко, т.к. не всегда есть близко от него почтовый ящик. Он изучает два языка, один по книгам, а другой практически, питается фруктами, названия которых нам неизвестны, и вдыхает ароматы «невиданных» трав, с нетерпением ждет «дембеля», как они выражаются. Напишите пожалуйста, хоть кратко, как вы живете. Будьте здоровы. В.

* * *

Без даты

Дорогие Розочка и Юзя!

Спасибо вам большое за ваши хорошие письма, за все то, что Вы, Юзя, рассказали мне о «Китеже», о Вашем восприятии и знакомстве с ним, о соотношениях с творчеством Нестерова и Васнецова. Вполне согласна с Вами, что «Китеж» стоит совсем особняком и что он является одной из вершин русской культуры в целом. Но мне кажется, что едва ли можно отрицать тот факт, что в основе «Китежа» лежит не абстрактная идея, но живая христианская традиция, то, чем всегда жила и живет, в особенности восточная, Церковь: надежда и уверенность в преображении мира, плоти и человека; живое чувство, предошущение этого Преображения! Именно это мне представляется центральным в «Китеже». Не знаю, какое другое произведение искусства так ясно и убедительно говорит об этом. Феврония живет в преображенном мире, живет «жизнью будущего века». Это не фантастический, но глубинный мир, подлинная реальность бытия, такая, как она есть на самом деле, какой ее могут увидеть святые, т.е. прозревшие, освободившиеся от пелены греха, который застилает наши глаза, люди. Феврония видит людей очищенными от греха, она видит первозданную красоту души, неповрежденный образ Божий в душе каждого человека. Это нечто гораздо большее, чем «любовь к ближнему», которая была открыта людям еще в Ветхом Завете. Это та выше-естественная любовь, которая открылась миру как следствие

Испкупительной Жертвы и Воскресения Христа. Но-
сительницей этой любви является святая Феврония.
Она – эта любовь – не боится греха и зла, потому что
грех и зло побеждены, в корне уничтожены, «упразд-
нены» Христом. Она одинаково любит и праведника,
и грешника; грешника даже любит больше, как мать
часто больше любит больного ребенка, чем здоровово-
го. Этим откровением Преображенного мира и дорог
нам «Китеж». Заслуга Римского-Корсакова в том, что
он сумел средствами своего искусства довести до со-
знания слушателя, сделать для него понятным, ощущ-
тимым, близким этот преобранный мир. То, что Вы
рассказали о своем первом детском непосредственном
восприятии музыки «града Китежа», полностью, ду-
мается мне, подтверждает эту мысль.

Возникает вопрос, на который Вы, как исследова-
тель жизни и творчества Римского-Корсакова, возмож-
но сумеете ответить: был ли Римский-Корсаков знаком
с учением Церкви о преображении мира, читал ли он
Григория Паламу и других великих церковных учителей,
изложивших это учение, или он просто нашел эту
жемчужину где-то в глубинах народной души?

Вы пишете о том, что одна и та же сущность может
быть по-разному истолкована и названа, в основе же
остается нечто единое. В какой-то мере это не подле-
жит сомнению. Но... когда апостол Павел приехал в
Афины и увидел там алтари, посвященные Неведомому
Богу, он обратился к афинянам со следующими слова-
ми: «Того, Кого вы не ведая чтите, я проповедую вам». Сущность была одна, но он не хотел оставить их в со-
стоянии неведения. Он открыл им Имя и указал путь к
Познанию.

В обители, основанной преподобным Сергием, во славу Святой Троицы, на фронтоне Успенского собора видна надпись: «Ведомому Богу».

А в светлый праздник Преображения мы слышим в храме следующие песнопения: «Во свете лица Твоего пойдем и о Имени Твоем возрадуемся»...

Простите. Еще раз большое спасибо за письмо. От души желаю успеха в работе. Тебя, Розочка, родная, крепко целую и благодарю за открытку.

Твоя Вера.

* * *

1963 г.

*«Чертог Твой, вижу, Спасе мой, украшенный,
но одежды не имам, да вниду в онь!»*

Это чудное песнопение Страстной Недели прозвучало у меня в голове и в сердце, когда я прочла твоё грустное письмо из Карижи, дорогая моя Розочка. Это не только вопль твоей души, но и души каждого человека, который имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Ты не только способна воспринимать красоту Божьего мира, но, в какой-то мере, и благодать Божью, созидающую, животворящую и охраняющую весь мир, видимый и невидимый.

Ты читаешь не только Книгу природы, но и «другую книгу Того же Автора» – Священное Писание. И все же ты говоришь, что не приближаешься, а уходишь все дальше. Куда?! Где ты видишь иные дороги к Свету? Не одно ли только бездорожье?.. Не о нас ли сказал

поэт: «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»!? Как много широких дорог узнали люди, но все они ведут к гибели. Но есть где-то узкий путь, ведущий в Жизнь. И как всему человечеству вход в него был открыт через Крест, так и для каждого человека он открывается через благодать Крещения. Это не внешний обряд, придуманный людьми. Но, как и всё, с чем соприкасается человек на земле, имеет и внешнюю форму, что нисколько не умаляет его внутреннего значения. Вчера исполнилось два года со дня смерти бабушки. Я ездила в Загорск вместе с Варенькой⁶⁸. В комнатке бабушки почти все осталось как было. Побывали мы и на ее могилке.

Очень рада за вас, что вы в таком хорошем месте. У меня лето сложилось так, что пожить где-нибудь за городом оседло не удалось, хотя вначале очень хотелось. Но, видимо, сейчас это уже и не так важно, как когда-то. Помню, что как-то, несколько лет тому назад, мне тоже хотелось поехать куда-то отдохнуть, а бабушка на это сказала мне: «Ты уже все цветы видала»...

Бываю же я загородом часто: то в Алабино, то в Семхоз, то в Рублево, то в Покров (где живет сейчас Вера Максимовна) надо съездить. В.М. помогла мне закончить работу, и я передала ее редактору. Теперь уж наверное, когда верстка будет, посмотреть придется. Спасибо, дорогая Розочка, за приглашение приехать. Посмотрю по обстоятельствам. Сейчас меня волнует Н., у нее какое-то депрессивное состояние, и это, конечно, отражается на детях. Она с ними сейчас одна в Семхозе. И помочь ей там нельзя: она хочет быть одна. Может быть, это результат большого нервного переутомления.

⁶⁸ Дочь С. И. Фуделя Варвара Фудель.

У Алика вообще трудностей очень много, но он мужественно их преодолевает и всегда полон новых творческих замыслов. Он всегда окружен людьми.

Ты хорошо знаешь, дорогая Розочка, как всякое желание помочь неизбежно наталкивается на необходимость крайней осторожности и осмотрительности.

Как ты чувствуешь себя, дорогая Розочка? Как здоровье Юзи? Окрепли ли вы оба хоть немного? Не приезжал ли к вам Миша на выходной день? Пожалуйста, напиши. Крепко тебя целую. Большой привет Юзе. Твоя Вера.

Прости!

* * *

1963 г.

Розочка, дорогая!

Большое спасибо тебе за письмо. Очень хорошо, что вы решили пожить еще там. Вам обоим крайне необходим отдых. Как ты себя чувствуешь, ты не пишешь. Я чувствую себя сейчас хорошо, благодаря детям часто бываю в лесу. Иногда к нам присоединяются Лялины подружки или мальчики Аликиного коллеги⁶⁹ – и тогда у меня получается целый детский сад. Мы вместе ходим за ландышами и фиалками, наблюдаем за кротами и муравьями, слушаем пенье птиц. Дети так хорошо входят в стихию леса и зорко присматриваются ко всему, что там происходит. Лялечка пришла к выводу, что в мае каждый цветок имеет два запаха: один – «дущистый», а другой «весенний». А ведь в

⁶⁹ Вероятно, имеется в виду семья второго священника в Алабино в тот период о. Сергия Хохлова.

этом есть доля правды, как ты думаешь? И эти «весенние» запахи имеются в каждом цветке, веточке и даже листочке. Это цветение жизни. Это душа весны. Осенью аромат цветов тоньше и сильнее, но весенних запахов уже нет.

Очень рада, что тебя заинтересовали книги, которые дали тебе прочесть твои знакомые. В каждой книге крупицы золота, а за ними неизмеримые сокровища, выход из хаоса, свет разума и Заря Неугасимая... Не решение сложных вопросов здесь нужно, а доверие и любовь, и ничего больше... дверь открывается сама собой. И чего ждать, когда смерть все ближе. Как бы ни была прекрасна ветвь, она не принесет плода, если не привьется к Лозе Виноградной.

Павлик стал писать письма более бодрые. В последнем письме он прислал мне длинное стихотворение на английском языке под названием *Thanksgiving*. Всеобъемлющее чувство благодарности, как итог всего виденного, передуманного и пережитого. Он встретил его в одной из книг и переписал. Русских книг для чтения у него там нет. Жалеет, что не изучал языки раньше. Если все будет благополучно, может быть еще в этом 1963 году вернется. Прости, Розочка дорогая, я знаю, что виновата перед тобой. Нельзя дотрагиваться до лепестков цветка, надо терпеливо ждать, когда он сам раскроется под потоками живительных лучей солнца. Прости мне мое нетерпение. Крепко-крепко тебя целую.

Женечку поцелуй за меня, я как-то очень ее почувствовала в последнюю нашу краткую встречу.

Юзе самый сердечный привет с пожеланиями укрепления здоровья, успеха и вдохновения в работе.

После 3/VI (день Ангела бабушки и внучки) все у нас должны разъехаться: Леночка с В.Г. на дачу, Алик

с Нат(ашей) в Киев, а дети – в Семхоз. Хотелось бы выбраться куда-нибудь поближе из города, чтобы немногого почитать и пописать. Если сможешь, пиши.

Твоя Вера.

[PS] Поздравляю тебя с днем рождения Миши. Благодаря своей самоотверженной любви вы достигли очень много. Желаю вам иметь от него в будущем только одно хорошее.

* * *

1963 г. (?)

Розочка, родная, так мне тревожно за тебя эти дни. Я так и думала, что ты заболела и, как всегда, не даешь себе времени поправиться, но сразу вновь берешься за все труды и заботы. А переутомление у тебя настолько сильное, что ты все время на волоске от серьезного заболевания.

У меня осталось такое хорошее чувство от твоего с Юзей посещения 30-го в больнице, и я с благодарностью о нем всегда вспоминаю.

Я совсем было собралась вчера ехать на 43-й, но у меня разыгрался грипп и пришлось остаться. Видимо, так нужно, т.к. сегодня приезжает /проездом/ Ася⁷⁰ и остановится пока у меня.

⁷⁰ Анна Сергеевна Иговская (1907–1994) родилась в Петербурге, пережила все ужасы блокадного Ленинграда. После смерти отца и брата в 1942 г. ей удалось эвакуироваться на север Омской области, но в 1944 г. по доносу ее приговорили к 8 годам лагерей за «антисоветскую агитацию». После освобождения и долгих мытарств перебралась в Караганду, где жила ее тетя. Здесь, в селе Михайловка, в лице о. Севастиана (архим. Севастиан (Фомин) канонизирован в 1997 г.

Посылаю тебе незабудки, как символ надежды и нечаянной радости.

Целую тебя, надеюсь, скоро увидимся.

Твоя Вера.

[PS] Привет Юзе, М., Жене.

Алик в письме просит спросить у тебя, нельзя ли где-нибудь достать репродукцию Рублевской «Троицы».

* * *

1963 г. (?)

Ждала твоего письма, дорогая Розочка!

Очень обрадовалась, увидав его в почтовом ящике. Рада за Вас, что Вы хоть на краткое время отдохаете от нашего «мира немирного», вдыхаете ароматы леса, прислушиваетесь к далеким звездам. Удается ли тебе, Розочка, наладить сон? Тебе ведь везде это дается с трудом. Поправляется ли Юзя? Вы оба так слабы были перед поездкой! Есть ли улучшение? Наверное, и с питанием не легко. Верею и Соколову пустынь всегда помню. Эти, почти мистические, встречи реальней и глубже обычных. Волнений и горечей за последнее время было не мало, но и помочь приходит, как Радость Нечаянная. Очень хочется, чтобы Вы вернулись окрепшими и успокоившимися. Алик отложил пока свою

как преподобноисповедник Севастиан Карагандинский) она обрела духовного наставника и прожила остаток своей жизни. Она замечательно рисовала, вела дневник, который называла «генеральной исповедью». Она переписывалась с матерью о. Александра Меня, Еленой Семеновной, и с его духовной дочерью Соней Руковой, переписка с которой длилась 15 лет.

операцию, а Павлик поехал на неделю отдохнуть с друзьями, где-то около Луги. Тоже утомлен был крайне.

Сегодня я была одна, в Семхозе, с Лялей и Мишой. Им было тоскливо в Одессе, где и море грязное от мазута. Мне сегодня с ними хорошо было. В саду Ангелины Петровны⁷¹ чудные цветы. Целую, прости.

Твоя Вера.

* * *

28/VI – 1963 г.

Дорогие Розочка и Юзя!

Шлю Вам привет из Ленинграда, где я была на съезде психологов. Съезд для меня был очень интересный, и погода прекрасная. Завтра еду в Пюхтицы дня на три, а оттуда домой. Как-то Вы отдохнули? Пришли ли в себя хоть немного? Окрепли ли? Желаю всего, всего хорошего!

Вера.

* * *

10/VIII – 1964 г.

Розочка, дорогая!

Пишу на всякий случай, не знаю, застанет ли письмо вас. Хотелось бы получить весточку, как вы себя оба чувствуете, какие у вас планы и что, вообще, слышно. За два дня прочла книгу Вашу о Римском-Корсакове. Поздравляю с ее успешным завершением и выходом

⁷¹ Теща отца Александра Меня.

в свет! Книга очень интересная, хорошо написана и приятно издана; иллюстрации не только украшают, но и подчеркивают тщательность работы и документальность содержания. Я с 10-го июля все время в городе. Самочувствие удовлетворительное, но волнений немало.

Сегодня 10/VIII. Три года со дня ухода бабушки. Ездила сегодня туда. Крепко целую тебя, Розочка, Юзе сердечный привет.

Вера.

* * *

1964 г.

Розочка, дорогая!

Большое спасибо за поздравление с днем ангела. Всегда помню и чувствую тебя иногда, в последнее время, особенно остро. Всегда мысленно ищу тебя: «Где ты?». Иногда хочется написать тебе, но не умея, по недостатку чуткости, ответить на этот вопрос самой себе, не решаюсь этого сделать. Звонила тебе несколько раз, но застать тебя не удавалось. Как здоровье твое? Юзи? Я сейчас в Рублеве с обоими детьми. Очень благодарна Марусе за то, что она предоставила нам эту возможность. Последние месяцы для детей были особенно трудными в связи с волнениями летнего периода, расставанием с поселком, в котором они выросли и остались много друзей, который органически связан для них с первыми опытами жизни; неустройством последнего периода, включая переезд, капитальный ремонт нового жилья и соответственное нарушение

распорядка жизни и т.п.⁷² Мне давно хотелось взять их, хотя бы в Москву. Но что мы можем предоставить детям в Москве с ее скученными коммунальными квартирами, трудными соседями, высокими каменными лестницами, с ее утомительным городским транспортом и сутолокой на улицах? По сравнению со всем этим Марусин домик в сосновом лесу, весь обвитый зелеными и красными листьями дикого винограда, с его просторными и уютными комнатами и полной тишиной – кажется чем-то почти сказочным. Детям здесь очень хорошо. С каждым днем они становятся спокойней, веселей, организованней, продуктивней, внутренний контакт с ними углубляется. Жаль будет только, если родители не захотят продлить их пребывание здесь, недооценив его значения.

Сейчас мне предлагают включиться в работу Института более систематически и провести цикл занятий со студентами университета, как это было в 58-59 г. Надеюсь, что удастся немножко отложить начало этих работ.

Целую тебя крепко, Розочка дорогая. Прости меня!

Очень хочется знать о тебе: как Миша? Альдик? Витя? Как твои больные?

Сердечный привет Юзе и Женечке. Как она? Надеюсь, что скоро увидимся.

Буду рада, если напишешь мне на обычный мой адрес. Твоя Вера.

⁷² В 1964 году отец Александр Мень был переведен из храма при поселке Алабино в храм рядом со станцией «Тарасовская» Ярославской ж.д. В период службы в Алабино он жил с семьей в доме при храме; впоследствии он вместе с семьей переехал жить в дом родителей Натальи Федоровны в Семхозе.

* * *

1965 г. (?)

Дорогая моя Розочка!

Спасибо большое за письмо. Как хорошо вы сделали, что остались в лесу на эти чудные дни золотой осени, и ты можешь хоть ненадолго погрузиться в созерцание тихой и таинственной красоты мира Божьего. Ты так глубоко ее чувствуешь!

У нас жизнь понемногу налаживается. Леночка переехала с дачи. После трехмесячных хлопот она, наконец, получила пенсию, но многие необходимые житейские вопросы еще далеко не разрешены. Я занимаюсь регулярно доступными мне сейчас видами деятельности, так что все дни недели у меня распределены. Продолжаю заниматься с прошлогодней аспиранткой, которая заканчивает в этом году свою диссертацию. Она очень хорошая и способная девушка из Литвы, так что работать с ней приятно.

Крепко тебя целую, дорогая Розочка. Надеюсь, что ты позвонишь, когда приедешь. Сердечный привет Юзе.

Твоя Вера.

* * *

Сентябрь 1965 г.

Розочка, дорогая, большое спасибо за открыточку. Очень ждала! Грустно было «потерять вас из виду», после таких хороших Карижских дней. Весь август был

занят Лял(ей). После операции были осложнения, но сейчас уже все в порядке. 1-го сентября она была в воссторге: «Как все в школе интересно!» Я постепенно перехожу к своим обычным делам и занятиям. Большое спасибо вам обоим за тот прекрасный и неожиданный отдых, который я благодаря вам имела в этом году, за всю вашу заботу и чуткость. Очень хочется знать, как самочувствие каждого из вас. Напиши пожалуйста, если не трудно. Целую тебя, Розочка, крепко. Большой привет Юзе. Спасибо и за Китеж, и за все!

Вера.

* * *

1969 г.

С Праздником Вознесения поздравляю тебя, дорогая моя Розочка.

Однажды, и, думаю, навсегда, запечатлелся этот замечательный праздник в твоем сердце. Желаю тебе, дорогая Розочка, чтобы свет этого дня освещал твою жизнь и вел тебя к Свету Невечернему.

Жаль, что твой отдых так краток и ты, наверное, не успела даже почувствовать себя в состоянии отдыха. Только что я вернулась от Жени, и она мне много интересного рассказала про маленького Мишеньку⁷³. Мне хотелось хоть раз съездить к нему, в твоем отсутствии, чтобы передать тебе свои о нем впечатления. К сожалению, это мне не удалось.

[...]

⁷³ Имеется в виду младший внук Розы Марковны, один из участников этой публикации – Михаил Кунин.

Как здоровье твое и Юзино? Передай Юзе большой привет. Тебя крепко целую.

Дети уже заканчивают свой учебный год. Удастся ли организовать разумный и веселый отдых летом, или они будут томиться, пока не ясно. Особенno это к Лялечке относится, т.к. ей нужно иметь на даче общество сверстниц. Миша будет, вероятно, в отсутствии родителей гостить в Хотькове у родственников Анг. Петр. Там у него есть товарищ – двоюродный брат, немного его моложе⁷⁴.

Как все быстро позеленело кругом. Только ветер холодный. Надеюсь увидеть тебя посвежевшей после отдохна.

Твоя Вера.

* * *

1969 г.

Розочка, родная моя!

Так давно я тебя не видала, уже месяц, и так близко всегда тебя чувствую и душа болит за тебя, моя хорошая. А ты всегда так много берешь на себя непосильных трудов и забот, что кажется – на части готово разорваться твое любящее сердце и твое слабое тело. Но успокойся на одну секунду и подумай о том, что происходит, чтобы оказать реальную помощь страдающим и любимым. Ты говоришь: как все это пережить? Верно, пережить все это было бы совершенно невозможно и не оставалось бы ничего, кроме безумия и отчаяния, если

⁷⁴ Виктор Григоренко (1961–2022), впоследствии – священник Сергиевского храма в Семхозе.

бы в мире не было ничего, кроме нашей любви, наших усилий и наших слез; если бы не пришел на землю Христос, если бы Он не пролил за нас Свою Кровь, не умер и не воскрес, не совершил бы теперь, как и прежде, неисчислимые чудеса в каждом месте, в каждой душе! Тогда не было бы спасенья Сергею⁷⁵ и утешения больному юноше! А теперь? Теперь каждый из них может стать самым счастливым из людей. Это не частное мнение, а Истина, удостоверенная всей историей человечества и душ человеческих, живущих и живших когда-либо на земле.

Ведь все, что ты пытаешься сделать сейчас для Сергея, без самого главного, принесет ему очень мало пользы. Ведь Сергей несомненно был крещен в детстве, он член Церкви. Ему нужна сейчас помошь литургическая, молитва церковная! А нужно ли говорить о том, какие чудеса совершает молитва Церкви, как велика ее сила! Сколько примеров можно было бы привести только из жизни ныне живущих, хорошо известных всем нам людей! А если бы Сергей согласился приобщиться Св. Тайн! Он получил бы величайшую помошь и облегчение всех болезней душевных и телесных. Ведь трагедия-то вся не в болезнях, не в смерти даже, а в том, что больной отказывается от Врача и умирающий отворачивается от Источника Жизни!

В одной московской семье есть больной, который парализован уже в течение 34-х лет. Не только тело, но и душа этого человека закостенели. Наша знакомая Елена Львовна (которая только год тому назад приняла крещение) поехала к нему с отцом Николаем (священником из Донского). Много часов пришлось им

⁷⁵ Неясно, о ком идет речь.

провести у больного, т.к. он долго не соглашался исповедоваться и причаститься, долго молились они вместе с сестрой больного о том, чтобы ожила эта опустошенная душа. И наконец, он согласился. Какая же была радость! Больной даже слегка приподнялся на постели и обнял о. Николая в порыве благодарности.

Многое еще хотелось бы сказать тебе, но лучше поговорим при свидании. Спасибо, что прислала Мишеньку. Жаль, что он не мог посидеть. Спасибо за лекарства и румяное яблочко. Обо мне не беспокойся. Болезнь, как всегда, принесла много полезного, а теперь я уже почти на ногах. Что с Юзей? Тоже грипп? Я что-то у Миши не поняла. Здоров ли Витенька? Когда ты его видела? Наша черноглазая крошка активно изучает окружающий мир, указывая пальчиком на каждую малознакомую вещь с вопросом: «а это?», т.е.: что же это такое? Удивление, как известно, начало философии.

В комнате у меня по утрам чудесное весеннее солнце.

Целую тебя, родная. Вспоминай почаше слова, которым научила тебя бабушка: «Радуйся, нечаянную радость верным дарующая». Она, Матерь Божья, пошлет тебе и всем твоим близким радость и мир.

Твоя Вера.

* * *

1969 г.

Дорогая Розочка, очень рада твоему письму. Наши мысли сошлись. Вчера вечером хотелось написать тебе и напомнить о том же, о чем ты мне в своем письме написала, но я не успела. Не сомневаюсь, однако, в том,

что кристальная ясность и тихая радость этого дня всегда живет в каком-то уголке твоего сердца, что там всегда хранится отблеск лучей Света Фаворского, и рано или поздно озарит твою чуткую душу.

Как хорошо ты описала свои прогулки в чащее лесной. Давненько мне не удавалось так побродить, может быть, я и отвыкла. Поездок у меня много, но таких тихих остановок в пути почти нет. Разумеется, я сама в этом виновата. Все хочется что-то еще сделать, пока есть время. Но ведь это неверно: время кончится, а с чем останется душа?

« l'éternité s'avance... »⁷⁶.

Сейчас мне пришлось заняться лечением: хожу на уколы, принимаю лекарства, надо немного сосуды головы подремонтировать, А как твое здоровье, дорогая Розочка? Юзя говорит, что неважно. Наладился ли сон? Очень большое впечатление на меня произвела одна фраза твоего письма: «Когда я погружаюсь в реку, то кажется, что приобщаюсь великому чуду». Изумительна твоя интуиция, «глубже сознания действующая». Да, это – прообраз великого Таинства...

Когда будешь в городе, если сможешь, предупреди открыткой или позвони В. и передай, когда и где можно тебя увидеть. Дочка Павлика сейчас в таком возрасте, о котором сказал поэт: «Прозрачнейшее младенчество с маленьким, легким телом, когда еще снится отчество, где ангелы ходят в белом».

Крепко целую.

Твоя Вера.

⁷⁶ «Время проходит, вечность приближается...» (франц.)

* * *

1969 г.

Розочка, дорогая моя!

Да, пути Господни неисповедимы! Когда Миша позвонил по телефону и рассказал мне о своем намерении⁷⁷, я сначала была поражена, но лишь на одно мгновение. Вторым движением сердца была огромная радость и ликование. И никакого удивления. Все совершается по Промыслу Божьему. Вспомнился Миша в 5-летнем возрасте в Глинкове, его недетское огорчение и возмущение тем, что дедушка ничего ему не говорил «об этом», о самом важном. Вспомнился Миша подростком, рассматривающим иллюстрации Дорэ к Библии, его вопрос: «Все это было?» и данный ему ответ: «Нет, ничего не было». Детская душа редко удовлетворяется необоснованным отрицанием.

А когда я получила сегодня твое письмо, то мною овладели одновременно два чувства, столь различные и в то же время столь неразлучные между собой в нашей земной жизни: радость и страх. Розочка, дорогая. Сколько призывов, непосредственно к тебе обращенных, было в твоей жизни! Они, несомненно, находили отклик в твоем сердце, ты их глубоко переживала, но затем ты, как бы не решаясь, отходила. Зачем? Во имя чего? Но Господь все вновь и вновь призывал тебя к Себе.

И вот сейчас Он вновь призывает тебя самым близким, самым конкретным, самым неопровергимым образом через твоего сына, через твоего внука-младенца.

⁷⁷ Речь идет о намерении крестить новорожденного внука Розы Марковны.

Подумай, как любит тебя Господь, несмотря на всю твою нерешительность, все твои уклонения. Неужели ты можешь уклониться и на этот раз? (Может быть, последний.) Не могу этому поверить! Ведь, таким образом ты нарушишь Волю Божью не только в отношении самой себя и твоей судьбы в Вечности, но и твоих потомков. Розочка, дорогая, Господь послал этого младенца для спасения тебя, твоего сына и всех твоих близких. У тебя горячее сердце, и как прекрасно будет, если ты первая станешь на этот путь и будешь восприемницей новорожденного внука. Ты, быть может, помнишь прекрасные стихи Жуковского, в которых он с таким глубоким чувством описывает бабушку, которая принесла крестить свою внучку. Мне хочется переписать для тебя это стихотворение целиком. Называется оно

«Праматерь внуке

Мое дитя, со мною от купели
Твой первый шаг житейский соверши;
Твои глаза едва еще прозрели;
Едва зажжен огонь твоей души...
Но ризой ты венчальной уж одета,
Обручена с священным бытием;
Тебя несет праматерь к прагу света:
Отведать жизнь пред вечным алтарем.

Не чувствуя, не видя и не зная,
Ты на моих покоищься руках;
И Благодать, младенчеству родная,
Тебя принять готова в сих вратах;

С надеждою, с трепещущим моленьем
Я подхожу к святыне их с тобой:
Тебя явить пред вечным Провиденьем,
Его руке поверить жребий твой.

О, час судьбы! о, тихий мой младенец!
Пришед со мной к пределу двух миров,
Ты ждешь, земли недавний уроженец,
Чтоб для тебя поднялся тот покров,
За коим всё, что верно в жизни нашей.
Приступим... дверь для нас отворена;
Не трепещи пред сею тайной чашей –
Тебе несет небесное она.

Пей жизнь, дитя, из чаши Провиденья
С младенчески-невинною душой;
Мы предстоим святыни спасенья,
И здесь его престол перед тобой;
К сей пристани таинственно дорога
Проложена сквозь опыт бытия...
О, новое дитя в семействе Бога,
Прекрасная отчизна здесь твоя.

Сюда иди покорно и смиренно
Со всем, что жизнь тебе ни уделит;
Небесному будь в сердце неизменно –
Небесное тебе не изменит.
Что ни придет с незнаемым грядущим –
Все будет дар хранительной руки;
Мы на земле повсюду с Вездесущим;
Везде к Нему душой недалеки.

Свершилось!.. Ты ль, посол небес крылатый,
Исходишь к ней из таинственных врат?
Ты ль, Промыслом назначенный вожатый,
Земной сестре небесный, верный брат?
Прими ж ее, божественный хранитель;
Будь в радости и в скорби с сей душой;
Будь жизни ей утешный изъяснитель
И не покинь до родины святой».

* * *

1969 г.

*Обращайтесь к Нему,
как к светильнику,
сияющему в темном месте,
доколе не начнет рассветать день
и не взойдет утренняя звезда
в сердцах ваших*

2 посл. ап. Петра, гл. 1

Розочка, дорогая моя, спасибо тебе большое за письмо, за то, что ты написала его так непосредственно, как чувствовала. Это мне особенно дорого и необходимо. И мне кажется, что я в состоянии почувствовать многое за этими, порой отрывочными, но исходящими из сердца строками, так как за ними скрываются страданья, которые так мне понятны. Но можно ли искать выхода и исцеления внутри своей собственной больной души? Зачем ждать от себя того, чего человек сам себе дать не может? Зачем думать напрасно, что мы сами в силах унять боль души, когда Небесный Врач Сам предлагает

нам исцеление? Зачем тщетно пытаться простить себя, когда есть Прощающий, о Котором сказал псалмопевец: «Если Ты омоешь душу мою – она будет белее снега»?

Почему не обратиться со всей решимостью и самоотвержением к Свету, лучи Которого, как ты сама говоришь, светят где-то в глубине души?

Зачем беспомощно искать путь, когда Сам Господь сказал: «Я – Путь, Истина и Жизнь»?

Ведь ничего, ничего не требуется от нас, кроме любви и смиренья, кроме сознанья своей нищеты: «Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное».

Евангельский слепец сидел у дороги и ждал, когда мимо него пройдет Спаситель. Он обратился к Нему, высказав свое единственное желание – прозреть. И он прозрел.

В прошлом твоем письме, дорогая Розочка, ты писала, что час твой еще не настал. Это твое письмо я восприняла как вопль души, как Волю Божью о тебе, как знак того, что ждать больше нельзя. Иначе можно оказаться на краю пропасти... Прости, что пишу тебе так об этом сейчас. Здесь, в больнице, как-то все яснее и проще, чем среди обычных дел и суеты.

Вечером из соседней палаты вынесли больную и положили в коридоре у наших дверей. «Что с ней?» – спросила я у няни. «Богу душу отдает», – просто и спокойно ответила няня...

Отдадим Ему свою душу, пока мы здесь, пока у нас есть дыханье, воля и разум для того, чтобы выйти из мрака на путь света и вечной радости.

«Я – Альфа и Омега, Звезда светлая, утренняя»...
(Откр. гл. 22)

Надеюсь, что скоро выйду из этих стен и уеду в лес,
и ты приедешь ко мне и поговорим обо всем.
Целую крепко. Прости. Господь с тобой!
Твоя Вера.

* * *

Без даты

Розочка, дорогая моя!
Я нашла сегодня у себя в столе древнюю молитву, ко-
торою Церковь молится за всех готовящихся к Таинству
Крещения. Таких людей Церковь называет «оглашен-
ными», т.е. такими, которым уже известна проповедь и
учение Евангелия. Еще называют их «готовящимися ко
Святому Просвещению».

Эту молитву я разыскала в Загорске у бабушки и
переписала для Я.С.⁷⁸, который приехал вместе с М.

Мне очень хочется, чтобы ты ее прочитала внима-
тельно. Я не сомневаюсь, что ты почувствуешь ее кра-
соту и глубокий смысл. Если что неясно на славянском
языке, ты мне потом скажешь, а делать перевод своими
словами всего текста я не решаюсь, хочется сохранить
его во всей его силе и красоте.

+

Боже, Боже наш, Создателю и Содателю всех,
Иже всем хотяй спастися и в разум истины прий-
ти, призри на рабы Твоя оглашенныя и избави их
древния прелести и козни сопротивнаго и призо-
ви их в жизнь вечную, просвещая их души и теле-
са и сопричитая их словесному Твоему стаду на
немже имя Твое святое нарицается.

⁷⁸ Неясно, о ком идет речь.

Боже великий и хвальный. Иже животворяща-
го Христа Твоего **смертию** в нетление нас от тле-
ния преставивый, Ты вся наши чувства страстью
умерщвленный свободи: слух бо словесем празд-
ным невходен, око да необщно будет всякаго лу-
каваго зренія, язык же да очистится от глагол не-
подобных.

Очисти же наша уста хвалящия Тя, Господи, ру-
ки наша сотвори злых убо ошаятися деянии, дей-
ствовати же точию, яже Тебе благоугодная, вся
наша уды и мысль Твою утверждая благодатию.

Яви Владыко Лице Твое на иже ко Святому
Просвещению готовящихся и желающих грехов-
ную скверну отрясти, озари их помышление, из-
вести их в вере, утверди их надеждою, соверши
их в любви, уды честны Христа Твоего покажи,
давшаго Себя избавление о душах наших. Яко Ты
еси Просвещение наше и Тебе славу возсылаем
Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во
веки веков. Аминь.

Верни о иже ко Святому Просвещению гото-
вящихся братиях и о спасении их Господу помо-
лимся!

Яко да Господь Бог наш утвердит их и укрепит,
Просветит их просвещением разума и благо-
честия,

Сподобит их во время благопотребно бани па-
кибытия, оставления грехов и одежды нетления,
Породит их водою и Духом,
Дарует им совершение веры
Сопричтет их Святому Своему и избранному
стаду.

Спаси, помилуй, заступи и сохрани их, Боже,
Свою Благодатию!

(Эту молитву теперь читают только Великим Постом, в особые дни.)

В этой молитве чувствуется сила Церкви первых веков, которую Церковь хранит в глубине своей «до скончания века»... «и врата адовы не одолеют ее». А мы можем только сознавать свое ничтожество. В том-то и сила, и любовь, и радость, что «сила Божья в немощи совершается».

Наша жизнь на земле труд и борьба. Но еще в псалмах мы читаем: «Если Господь не созиждет дом – напрасно трудились строители, и, если Господь не сохранит город – напрасно бодрствует страж».

(Без подписи)

* * *

27/VIII – 1969 г.

Дорогая Розочка!

Только что получили твое письмо, которое тронуло нас до слез. Так ты хорошо пишешь, с такой глубиной чувств, которые редко встретишь в наше холодное время. И представь себе, что в тот же день, когда ты писала нам это письмо, т.е., 24-го августа, у нас была и другая радость. Алик привез к нам Лялечку и Мишу. Так я давно не видела их, что мне казалось, как будто прошло много лет. Я даже сомневалась, захотят ли они меня увидеть, не испугаются ли, сумею ли я с ними поговорить как следует. К счастью, получилось все очень

хорошо. Передо мной были те же Ляля и Миша, которыми они были до моей болезни. Но это были уже не маленькие детки, а милые, чуткие подростки, которые сразу поняли мое состояние. Казалось, они прощали все: и нескладность моего разговора, и какое-то смущение, связанное с неожиданностью их появления. Нам так хорошо было вместе. Они тотчас же начали делиться своими впечатлениями и планами на будущее. Мы даже пытались создать кружок для дальнейших занятий. Если я делала какие-то ошибки в речи, дети старались их сгладить. Лялечка говорила: «Ничего, это так бывает». Алик был изумлен тем, что он видел, он был явно взволнован. Взглянув на нас всех, он сказал: «Видите, произошло практическое чудо».

Передай Юзе горячий привет от меня, Леночки и Павлика /он только что к нам приехал, чтобы отпустить Леночку ко всенощной под Успение/. Маленького Мишутку поцелуй. Жду твоих писем.

Целую тебя крепко.

Твоя Вера.

* * *

Без даты

Розочка, дорогая моя!

Знаю, что ты нехорошо себя чувствуешь, но не могу собраться к тебе.

Скорее всего, это уже не слабость физическая, а инертность после длительной болезни, которую надо преодолевать. Отпуска осталось уже не так много, а я еще никак не выберусь за город: то грипп, то приезд

Аси, которая гостит у меня всю эту неделю, ты ее знаешь, видала в прошлый ее приезд в Москву. Много в ней хорошего, но и многое больного, трудного, подлинный герой Достоевского.

Боюсь, дорогая моя, что письмо, написанное мною в больнице, чем-нибудь огорчило или смущило тебя. Прости, родная. Никакого прямого ответа оно не требует. Вместо объяснения мне хочется напомнить тебе любимые мною стихи В. С.:

«Бедный друг, истомил тебя путь
И усталые ноги болят.
Приходи же ко мне отдохнуть,
Догорая темнеет закат.

Бедный друг, не спрошу я тебя,
Ты куда и откуда идешь,
Только к сердцу прижму я, любя,
Ты покой в моем сердце найдешь.

Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови,
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь Солнце Любви!»

Очень хочу тебя видеть. Когда можно позвонить тебе? М.б., я бы добралась до тебя в воскресенье утром. Я очень хотела бы в понедельник уехать, если ничего не помешает воспользоваться хорошей погодой хоть немного.

Целую. Прости. Твоя Вера.

* * *

Август 1970 г.

Розочка, дорогая!

Спасибо за открытки. Рада за вас, что вы среди лесов и полей, под сводами голубого неба, вне непосильных уже для нас темпов и шумов столичной жизни. Жаль, что недомогания не дают возможности окрепнуть и собраться с силами.

Понимаю, дорогая Розочка, твои тревоги о маленьком! Но старайся быть спокойней, чтобы принести ему еще больше пользы после твоего краткого отдыха и далеко не достаточного. У меня август проходит в значительной степени в поездках – в поездах и автобусах. Лялечка уже три недели в больнице по поводу дизентерии. Лежит она в больнице на одной из окраин Загорска. Навещаю ее два раза в неделю, а когда надо раздобыть лекарства, то и чаще. Иногда бываю в «Отдыхе» у Леночки с ночевкой, остальное время в городе с различными заданиями.

Все же воздухом дышу достаточно, но часто устаю. В целом чувствую себя неплохо. Алик сейчас занят ежедневно, без смены, так как коллега его, ушедший в отпуск, застрял в карантине на юге. Павлика также вижу не часто, ограничиваемся телефоном. 16-го августа годовщина смерти бабушки нашей Марии на Кустарной ул. в Загорске. Помнишь, как она тебя любила и понимала? Может быть, нам удастся всем там встретиться 16-го, но наверное не знаю. Как Женечка? Что пишет? Как сейчас самочувствие твое и Юзи? Лучшие пожелания.

Ваша Вера.

* * *

Сентябрь 1970 г.

Розочка, дорогая!

Радуюсь за тебя и маленького Мишу, что вы вместе и, конечно, очень хорошо друг друга понимаете. Как хорошо, что на дворе чудесная пора золотой осени. Какое богатство впечатлений! Какой аромат осеннего лета и сколько живых, веселых созданий: проворные белочки, болтливые сороки, трудолюбивые дятлы. Хорошо, что Мишутка подружился с доброй Каштанкой, петушком, курочками и кроликами. Весь этот веселый и жизнерадостный мир даст твердый фундамент для гармоничного развития души и тела. Надеюсь, что общество «маленького мальчика» даст вам с Юзей бодрости и здоровья. Вспоминается стихотворение «мальчик маленький – цветик аленький». «Кто имеет ребенка в доме, может быть уверен, что он имеет в доме ангела», – писал Ян Амос Коменский.

Очень интересно ты, Розочка, описываешь развитие его речи. К сожалению, я не все там разобрала. Надеюсь, ты мне все прочтешь и расскажешь, когда вернешься. Леночка переехала с дачи 3-го. Мы в этом году не могли впервые посетить Алика в день его Ангела (12 сентября Александр Невский) и вообще давно уже его не видели. Занятия с Лялечкой я начала с начала сентября, после ее выхода из больницы...

А как твое здоровье, Розочка? Как здоровье Юзи? Как его нога? Что пишет Женя? Павлик очень устает. С Марией сейчас занимается Л. из Караганды, которая была однажды у вас.

Целую. Вера.

* * *

Без даты

Дорогая моя Розочка!

Спасибо тебе за твое, как всегда, удивительное, трогательное письмо, которого я совсем не стою. Наша с тобой дружба, начавшаяся в ранней юности и продолжающаяся на протяжении всей жизни, совсем особенная, немногословная, но всегда радующая, не от нас идущая, но нам дарованная, как и все, что есть доброго в этом мире.

Перспектива больничного пребывания меня сейчас не смущает. Думаю, что оно принесет мне пользу, может быть даст возможность отойти на время от московской суеты и шума, подумать о том, что часто забывается, и воспользоваться тем, что буду лечиться в разделе восстановления функции, где передо мной новые раскроются перспективы, которые будут впоследствии приносить пользу не только мне, но, быть может, и другим⁷⁹. Леночке будет спокойней без меня, когда я

⁷⁹ Последние годы жизни Вера Яковлевна тяжело болела и окончила свои дни в больнице.

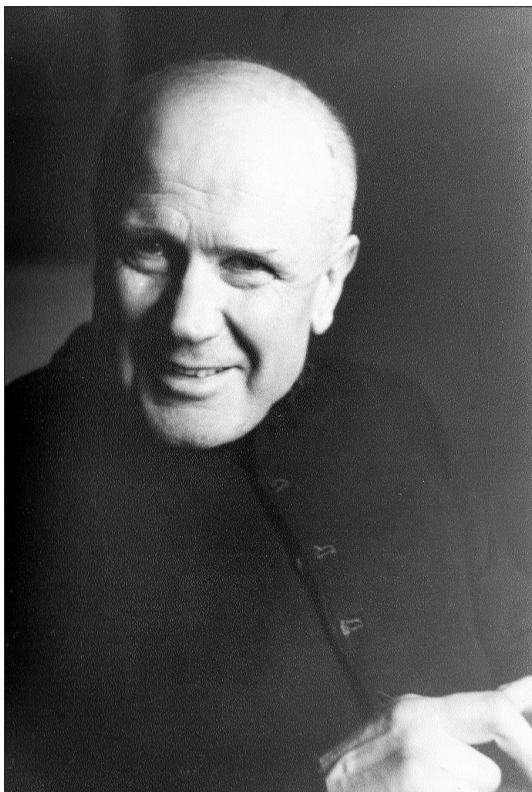
Отец Александр Мень писал Ю. Н. Рейтлингер об этих годах Веры Яковлевны: «Когда у нее еще теплилось сознание, я говорил с ней. Она считала, что ей хорошо. В каком-то смысле она ушла из жизни – до смерти. Я бы сказал, что она, не расставаясь с телом, прошла через чистилище. Быть может, это даже легче, чем по ту сторону. Не случайно, что никому из близких она почти не снилась. Я убежден, что это связано с ее быстрым “восхождением” в иные измерения. Она была подобна воздушному шару, который только трос удерживает от полета» (Умное небо // Переписка прот. А Меня с Ю. Н. Рейтлингер – Москва: Фонд им. А. Меня, 2002. С. 74.)

буду в стационаре, а может быть и веселее. Целую тебя, дорогая Розочка, желаю тебе укрепления физического и душевного, а также и духовного через маленького Мышу и его Ангела-Хранителя.

Привет Юзе и благодарность за его всегда внимательное и доброе отношение.

В подготовке к публикации этих материалов принимали участие: София Рукова, Михаил Кунин, Василий Минченко, Наталья Большакова-Минченко, Роальд Пратусевич, Павел Мень.

**СВЯЩЕННИК-КАПУЦИН OFM САР.
СТАНИСЛОВАС ДОБРОВОЛЬСКИС
(1918–2005)**

*Священник Станисловас Добровольскис
(Stanislovas Dobrovolskis)*
Фото С. Руковой, 1982 г.

Наталия Большакова-Минченко

ОТКРОЙ ВХОДЯЩЕМУ ДВЕРЬ

В Москве, в издательстве Францисканцев, в мае 2023 г. вышла книга «Патер» о литовском священнике-исповеднике, монахе Ордена капуцинов, отце Станиславе Добровольскисе (1918–2005).

Кем он был? Монах с юных лет; выдающийся проповедник; истинный пастырь, созидающий храмы и души людей, любящий красоту в природе и находящий ее в любом предмете; создавший в глухом литовском местечке – Пабярже – уникальное пространство, до сих пор, спустя почти 20 лет после его смерти, поражающее сочетанием искусства деревянной скульптуры и природной красоты этой местности; творец легенды и сам бывший легендарной личностью, – не без юродства. И, как нередко у юродивых, он имел от Бога дар прозорливости и чудотворения.

Его образ жизни, противоречащий благоразумию в обычном смысле слова, вызывал и поношения, и восхищение, и полное непонимание.

Зимой встречали его на дороге, когда он нес старенькуму нищему большой мешок дров, – тот жил далеко от деревни. Патер растапливал ему печку, варил еду.

В проповедях деревенским жителям он цитировал и античных авторов, и современную мировую литературу, еще не переведенную на литовский язык. Призывал хранить красоту.

По вечерам пел баритоном григорианские псалмы, играя на органе.

Создал частный музей религиозного искусства и народного быта. Восстановливал кладбища, реставрировал могилы; делал кованые настенные подсвечники и ангелов из меди. Все дети были просто влюблены в него.

Откуда явился к нам этот чудак не от мира сего, современный Франциск, оставшийся загадкой для всех?.. Его жизнь, словно притча...

«Только бы я был дверью, а не высокой холодной стеной». «Открой входящему дверь!» (Отец Станислав Добровольский.)

«...Он был слишком могучей личностью. Чувствовалась страсть его, в этом мужском, крепком пощатии руки, он горел, это было видно. И прожил удивительно стройную жизнь – от монашества в юности через лагеря и до старости. Стольких людей за свою жизнь привел к Христу – можно только восхищаться». (Священник Юlius Саснаускас.)

Вспоминаются слова Натальи Леонидовны Трауберг об отце Станисловасе: «...без сомнения, блаженный – простой душою...»

«Меня навязчиво преследует мысль: как сделать, что б меня не было видно – в молитве – на мессе, в проповеди? Чтобы человек запомнил только ход мыслей, их направление, а не меня». (Отец Станисловас.)

От его облика до сих пор исходит сияние Евангелия, что жило в нём.

Составитель и автор книги «Патер» –
Мария Пранцишка Чепайтите.
Ниже мы публикуем ее вступление к книге.

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга была задумана как рассказ о паломничестве в советское время русской интеллигенции в Литву, к монаху Ордена капуцинов отцу Станисловасу Добровольскису, которого они называли «патером». Начав собирать воспоминания паломников, приезжавших в приход Пабярже, я поняла, что без рассказа о судьбе отца Станисловаса книга будет неполной. Вокруг воспоминаний выросла биография этого известного в Литве священника.

Он родился в 1918 году, когда Литва стала независимой, перенес вместе со своим народом все тяготы XX века, дождался следующей независимости, в 1990 году, и прожил еще пятнадцать лет. С юных лет до старости его личность вызывала удивление,уважение и радость, люди тянулись к нему, он стал известен и за пределами Литвы. Верующие и неверующие, профессора и колхозники-прихожане, диссиденты и хиппи, алкоголики и буддисты встречались в Пабярже, где отец Станисловас служил с 1966 по 1990 год.

Сама я никогда бы не взялась писать книгу, особенно – биографию священника, но в 2008 году об этом меня попросила моя мама – Наталья Леонидовна Трауберг. Мама родилась в Ленинграде в 1928 году, с детства была верующей, крещена по православному обряду. В советские годы была известна своими переводами для самиздата сочинений Г. К. Честертона и К. С. Льюиса,

*Пабяржэ. Могила о. Станисловаса с высоким крестом
с тремя узлами, символизирующими три францисканских обета:
бедность, целомудрие и послушание. Могила находится между
домом, в котором жил о. Станисловас и храмом, где он служил.*
Фото В. Минченко

стала одним из редких в те времена знатоков истории Церкви. В 1958 году она вышла замуж за моего отца, Виргилиюса Чепайтиса, и переехала в Литву. Там она начала общаться с католическим духовенством, познакомилась с отцом Станисловасом и подружилась с ним, стала часто ездить к нему в Пабярже. Туда она привезла и своих детей – меня и брата, а когда мне было одиннадцать лет, я прошла в храме Пабярже конфирмацию. Много лет спустя, после Перестройки, мама стала писать воспоминания, в которых неоднократно упоминала отца Станисловаса. Самой популярной цитатой из ее книг стало напутствие настоятеля Пабярже мне после конфирмации: «Со всеми считайся, а туфельки ставь ровно». В некотором смысле оно сформировало мою жизнь, и эта книга – дань благодарности им обоим: моей маме и приведшему меня в Католическую Церковь священнику.

Обещав собрать воспоминания русских паломников в Пабярже, я не предполагала, что придется написать первую полную биографию отца Станисловаса. Хотя он – один из самых известных священников Литвы, его полного жизнеописания, от рождения до смерти, еще нет. Сложив из фактов, найденных в архивах, прессе и книгах, рассказ о моем герое, мне пришлось перекладывать его для русского читателя, который мало знаком с обстоятельствами истории Литвы XX века, из-за чего написание книги затянулось надолго.

Писать о священнике очень трудно – эта профессия как бы включает в себя своего рода неприкосновенность, и мне все время приходилось оглядываться: с одной стороны – чтобы не оскорбить его память, а с другой – чтобы не сбиться на агиографию. Спасительно

для автора было свойственное отцу Станисловасу легкое отношение к самому себе – тем самым легче было и писать о нем, предполагая, что сам он посмеялся бы над серьезным отношением к его биографии. Поэтому в книге много цитат из его проповедей и интервью. Надеюсь, что получился рассказ о судьбе не только аскета и молитвенника, но и просто человека XX века, о его надеждах и сомнениях, радостях и горестях, силе и слабости.

Я дала книге название «Патер», поскольку так называла отца Станисловаса моя мама и другие русские, приезжавшие к нему в советские годы. Поскольку патер прославился и в Литве, и за ее пределами как настоятель Пабярже, книга состоит из трех частей:

«До Пабярже», с 1918 по 1966 год. Рассказ о том, как единственный сын из благополучной семьи уходит в монахи, спасает во время Второй мировой войны евреев, становится известным проповедником, за что после войны попадает в советский лагерь. После десяти лет лагерей он возвращается на родину и служит в маленьких, отдаленных литовских приходах, постоянно преследуемый КГБ.

«Пабярже», с 1966 по 1990 год. Рассказ о том, как гонимый священник попадает в очередной уединенный приход и делает из него музей. Он собирает огромную коллекцию церковной утвари и одежды, картин, деревянных скульптур, кованых крестов, спасая все забытое и ненужное. Пабярже становится центром инакомыслия и сопротивления повсеместной лжи, причем не только для литовцев, но и для приезжих со всего Советского Союза. В эту часть включены свидетельства русских паломников.

«После Пабярже», с 1990 по 2005 год. Рассказ о том, как отец Станисловас покидает Пабярже, чтобы восстановить монастырь в Дотнуве, ищет правды в неспокойное время становления независимости, из-за этого нередко испытывает непонимание современников, одновременно получая правительственные награды. Заключает книгу возвращение отца Станисловаса перед смертью в свой любимый приход Пабярже.

ВЕРТИКАЛЬ В ЖИЗНИ ПАТЕРА

Беседа с Марией Пранцишкой Чепайтите

Наталья Большая-Минченко: Скажите, Мария, вот это напутствие: «Со всеми считайся, а туфельки всегда ставь ровно!..», которое, по вашим словам, в каком-то смысле формировало вашу жизнь. Как это понимать?

Мария Чепайтите: Понимать просто: я это слышала по многу раз в день, при этом –часть вторую. Про первую я помнила, и поэтому, когда я не выполняла часть вторую, о чем мне мама периодически напоминала, я ей говорила: «Зато я выполняю часть первую». «Со всеми считайся!» И это я на самом деле старалась всю жизнь выполнять и до сих пор...

В этом патер попал на то, что во мне уже было заложено. У меня было какое-то к этому расположение – служить и со всеми считаться – такой характер.

Н. Б.-М.: А туфельки?..

М. Ч.: А «туфельки» у меня никогда не получались. Вот сейчас уже более-менее «пришло к туфелькам». Меня раздражает беспорядок. И поэтому меня формировало, что я всю жизнь борюсь с тем, что я не могу «туфельки ставить ровно», что мне это трудно. У меня трое детей – погодки, – и поэтому какую-то часть жизни это было неосуществимо: дом принадлежал подросткам, и они делали, что хотели. Их регулировать было невозможно и поэтому я уже свыклась, что так и буду жить всегда, но сейчас, когда я живу одна, я поняла, что люблю порядок, что мне в нем жить удобно.

Во время беседы 23.01.2023

Фото В. Минченко

Н. Б.-М.: Еще у Натальи Леонидовны Трауберг в книге *Сама жизнь*¹ есть цитата. Отец Станисловас ей говорил: «Научи ребенка туфельки ставить ровно! Пусть он молитв не знает, но пусть туфельки ставит ровно!» Я так понимаю, что отец Станисловас любил, чтобы люди убирали за собой, поддерживали порядок. Как пишет о. Владимир Зелинский, «у него был незаметный культ порядка, который ни на кого не давил, но неуклонно соблюдался».

М. Ч.: Да, да! Поддержание порядка. Он очень любил порядок. Его в монастыре приучили. Для него это был такой, как-бы, логос. В этом был смысл. То есть это было очень важно.

¹ Трауберг Наталья. Сама жизнь – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 440 с.

Н. Б.-М.: Но священник, монах, аскет, говорящий: «Путь не знает молитв, ребенок, но пусть туфельки ставит ровно!..» – очень мне нравится своим чувством юмора.

М. Ч.: Да, он был человек с юмором и никого ничего не заставлял делать. Вот, что главное.

Он же сам никогда никому не сказал, что вот сейчас ты будешь что-то делать. Нет! Все делали добровольно: кастрюли чистили и убирали тоже... кто убирал, – тот убирал, кто не убирал, – тот не убирал... А если кто не убирал, то патер под утро убирал сам...

Н. Б.-М.: А как вы считаете, типичен ли отец Станисловас как католический монах, как священник в Литве?

М. Ч.: Нет, не типичен совершенно! Поэтому он так и прославился в Литве. Абсолютно не типичен! Открытый, всех принимающий, никого не осуждающий, с каждым разговаривающий...

То, что он сделал, не каждый мог сделать: создать такое пространство, чтобы была красота во всем, и чтобы люди могли как-то в этом созидании участвовать.

Н. Б.-М.: Как, по-вашему, какой тип христианства он собой является? Какой тип святости?

Наталья Леонидовна называет его «серафическим», как и подобает францисканцу.

М. Ч.: Я про святых не знаю, потому что для меня это глубокая загадка. Какой тип христианства... не знаю... он ориентировался на Франциска, это правда. Он тоже воспевал природу, тоже любил ландшафты и то, что он делал руками. Как святой Франциск – чтобы закат было видно, и чтобы речка текла... И птицы летали. При этом он не любил цветов, не разрешал

никогда в Пабярже сажать цветы, говорил, что красота не в этом, а в том, чтобы проявить красоту природы. Вот он умел это делать. Вместе со своими решёточками, какими-то крестами, часовенками. Одно слово – Франциск!

Н. Б.-М.: Такое же отношение к миру, к природе...

М. Ч.: Звери как бы не очень присутствовали, но была кошка, которая запрыгивала к нему в капюшон (смеется). А потом – другая кошка, которая рожала у него в ногах, а он на них смотрел, как на чудо.

И, потом – строитель! Конечно, Франциск.

Эти храмы – это все очень важно! Строитель, любящий природу и как будто немножко человек языческий. Как Литва. Она такая христианская, но почитающая природу.

Н. Б.-М.: Пантеизм?

М. Ч.: Да, пантеизм. Он в этом смысле литовец, но при этом он – абсолютный христианин и абсолютная вертикаль. Как говорила Матушка: «Вот уж кто вертикаль, – это отец Станисловас!» Это все замечали. Сейчас, когда мы собираем про него свидетельства, несколько человек, которые тоже мыслят такими категориями, сказали, что это совершенно верно. Молитва и разговор с Богом.

Абсолютная вертикаль, всегда направлен вверх и всегда – разговор с Богом, что видно в его проповедях. И всегда очень строг к себе и совершенное принятие всех без исключения.

Н. Б.-М.: Соответствует ли отец Станисловас представлению о францисканцах, допустим, существующему у литовского католика? Про капуцинов, наверно, не очень было понятно.

М. Ч.: Литовские католики, – францисканцев, может, они и представляли, но монастырь Ордена капуцинов, в который он попал, был первый в Литве².

А францисканцы тоже были, они тоже все к о. Станисловасу ездили. Они говорили: «Он научил нас невероятной духовной практике под названием “проходной двор”».

Н. Б.-М.: Трудно представить себе, как ему надо было держать молитву внутри, чтобы не прерывался «разговор с Богом», когда вокруг – «проходной двор»!

М. Ч.: Да, трудно понять, как он с этим справлялся. Но в старости он начал об этом говорить: «Все же очень просто. 10 часов в день быть с людьми, а 14 часов – без них. Очень просто!» Так вот, 10 часов он был с людьми, а 14 – это была молитва, сон и уединение.

Четыре раза в день монах должен молиться: полночная молитва, утренняя, полуденная, вечерняя. Патер и в лагере старался соблюдать монашеский молитвенный режим.

И в Пабярже день у него был разделен на четыре молитвы, он это очень четко отмерял и это было незаметно. Не было такого, чтобы он говорил: «Уходите, всё. У меня молитва!» Нет, он делал так, чтобы людей обязательно принимать, но при этом от них отходить. Многим так и запомнилось: четыре молитвы.

Он куда-то уходил, например, в келью, закрывал дверь, потому что понимал, что по-другому нельзя. Главное – уметь сосредоточиться и абсолютно отключиться.

² Капуцины – монашеский Орден (ветвь францисканцев), со строгим уставом, закреплявшим стремление к максимальной простоте и бедности. (Прим. ред.)

Н. Б.-М.: Я так это и понимаю. Это держало и спасало и отца Станисловаса, и отца Александра.

Думая о них – об о. Станисловасе и об о. Александре, – наших современниках, мы понимаем, что они святые. Для меня они несомненные святые. И для Натальи Леонидовны это было так же. Помните, как на вопрос о патере, великий ли он человек, – она ответила: «Я думаю, он не столько великий, сколько святой. У меня в этом нет никаких сомнений».

Формы святости, ее приметы на протяжении веков менялись. И при этом святость остается универсальным и личным призванием каждого человека. И в то же время остается справедливым определение Церкви, данное в IV веке поэтом, богословом, подвижником Ефремом Сириным: «Церковь – не собрание святых, а толпа кающихся грешников, которые при всей своей греховности, повернулись к Богу и устремлены к Нему».

Вот эта устремленность к Богу, абсолютная преданность Ему и отличает наших отцов, чьи жизни полностью подтверждают слова о. Александра Меня о том, что «святость есть осуществленная в жизни посвященность Богу».

М. Ч.: Отец Станисловас таким и был. Он привел столько людей ко Христу не только своей проповедью, но именно своей личностью. То есть люди видели настоящего христианина. И с отцом Александром – то же самое. То есть поступки, дела никогда не расходились со словами. Все воспоминания о нем, – что он делал и что он сделал. Все было прекрасно. В воспоминаниях – кастрюльки, солнышки, описание рая, то есть что-то такое замечательное, что и описать нельзя и слов таких нет...

Мне для книги очень помог четкий немецкий францисканец, который у патера исповедовался. Он сказал очень важные слова о том, что отец Станисловас видел тебя насквозь и что так может видеть только тот человек, который видит и себя насквозь. Со всеми своими слабостями, со всеми немощами. И эта его прозорливость производила очень сильное впечатление. Человек еще не успевал спросить, а он уже отвечал. Это происходило постоянно. Об этом есть «миллион» свидетельств. Он видел человека, видел, чем тот мучается и отвечал ему, когда вопрос еще не был задан.

Н. Б.-М.: То же свойство было и у отца Александра.

М. Ч.: Это невероятная эмпатия, любовь к людям, не какая-то временная, а постоянная... Желание сочувствовать, помочь и так далее... То есть невероятное свойство, которое трудно себе представить. Вообще, трудно себе представить, что мы принимаем, например, – всех.

Вот мы взяли и приняли всех. Всех, которые нам не нравятся.

Н. Б.-М.: Нет! Это мне не нравится... (Обе смеются.)

Я думаю, чему они нас учат... Вот как прийти к этому? Чтобы принимать всех.

М. Ч.: Да, как?.. Тут ведь еще и профессия. Он знал, что у священника профессия такая. Он называл это профессией...

Н. Б.-М.: Опять же Наталья Леонидовна говорила, что отец Станисловас в народном литовском сознании считался носителем чистейшей францисканской бессребренической бескорыстной духовности.

М. Ч.: Да, конечно, считался. Люди часто видели священников, которые явно что-то копят, денег ждут. Священники, конечно, разные, – были и не такие.

При этом они ничему духовному не учат. Ты просто ходишь в церковь. Ты умеешь молиться, ты знаешь, что такое месса, ты все это отсиживаешь. Священник говорит, может быть, даже удачно, какую-то проповедь, но все это тебя не задевает. То есть ты с Богом сам по себе, а священник – сам по себе. И это просто такая его функция. А с патером ты попадал в совершенно другой мир. В живое христианство.

Он ведь живой совершенно! И все, что он говорил, любая его проповедь, была для людей, которые сейчас сидят и его слушают. Это постоянный живой разговор с людьми.

И в Литве среди местных, и среди приезжавших паломников очень много рассказов о том, как человек был вынут из советской действительности, попал в рай, отдохнул и пошел дальше, уже с новыми силами, понимая, что даже в этом мире можно жить по-другому. Вот такой пример, что в этом мире, – совершенно жутком, – можно жить по-другому.

Н. Б.-М.: Да! И о. Александр для того и благословлял своих прихожан поехать в Париже, чтобы они увидели христианина, живущего по Евангелию, и христианство – в повседневности. А Наталья Леонидовна говорила, что патер был человеком Промысла.

М. Ч.: Да, есть много свидетельств, как он отдал всю еду неизвестно кому, каким-то проходимцам, а сейчас должны приехать какие-то высокие гости и что делать?.. И тут же приезжает машина, открывается дверь, вынимаются сумки, – значит, кто-то привез еду. Это происходит постоянно, всю его жизнь, а он не заботится ни о чем. Он говорит: «Все будет!» И все появляется. Такое чудо бесконечное. То есть он надеялся

на Промысел и все исполнялось. А как он деньги все раздавал... только получит и сразу все раздает.

Принесённый в монастыре обет нестяжания о. Станисловас тщательно соблюдал всегда, всю жизнь.

Когда Альгирдас Миколас Добровольскис пришел в монастырь капуцинов в Плунге, там уже издавался журнал «Лурд». В одном из первых номеров журнала была статья «Капуцины! Кто они?» «Мы, монахи – нищие в самом прямом смысле слова. Живем на милостыню. Других доходов нет. Не глупо ли это? По человеческим меркам – да. Но Господь Бог, Который питает птиц и одевает полевые лилии (см. Мф 6:26-30), присматривает и за нами. Это глупость нашего святого отца Франциска – этого возлюбленного Господом дурачка»³.

Когда сестры о. Станисловаса собирали ему посылку в лагерь, одна сестра говорила: «Но ведь все раздаст...» А другая отвечала: «Ну и пусть раздаст!»

Н. Б.-М.: Наталья Леонидовна в книге *Сама жизнь* пишет, что он считал, что тюрьма спасла его от гораздо худших вещей.

М. Ч.: Да! Он был в этом уверен. Как раз в воспоминаниях русских паломников встречается это удивление, что для патера лагерь был очень важным периодом его жизни, который его сформировал, за что он был благодарен бесконечно.

Н. Б.-М.: Вот это говорит о нем так, как ничто другое! Для меня это самое убедительное свидетельство его укоренённости во Христе, Который говорит

³ См. Чепайтите Мария Пранцишка. Патер. – Москва: Изд-во францисканцев, 2023. С. 33.

«взьмите иго Моё на себя [...] ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко»⁴.

М. Ч.: И часто о. Станисловас вспоминал, каких замечательных людей он встретил в заключении. Племянница патера Бируте написала о нем книгу-дневник, и там есть запись, что он, уже в конце жизни, бодро пел лагерные песни. Представляете, ходит в Пабярже и распевает что-то про Ворошилова?.. (Смеётся.)

Н. Б.-М.: Колоритно! Мы сегодня говорим об о. Станисловасе, перелистывая страницы его жизни – с дистанции в 18 лет, когда завершился его земной путь.

Если взять композицию его жизни. Кажется ли она вам цельной, завершенной?

М. Ч.: Это очень трудно описать. Вообще-то он не менялся, он был один и тот же.

Н. Б.-М.: И лагерь его не сломал.

М. Ч.: Абсолютно! Каким о. Станисловас зашел туда, таким и вышел. И еще с бородой: когда всех капуцинов, оставшихся в Литве, уже заставили сбрить бороду.

Н. Б.-М.: И пастырем он оставался до последних своих дней.

М. Ч.: Да, о чем говорят эти маленькие записки, которые он слал всей Литве – «Pax et Bonum»⁵ и что-нибудь еще написано, например: «Помню про твоего мужа. Молюсь». «Как ваша Мамочка?..» – причем «мамочка» – с большой буквы.

Вся Литва полна этих маленьких записок. Очень короткие, только, чтобы напомнить – я здесь, я с тобой. И «Pax et bonum».

⁴ Мф 11:29.

⁵ Мир и добро (латынь).

Н. Б.-М.: И принцип его служения – «Открыть входящему дверь» – оставался неизменным до конца.

М. Ч.: Ну, да, он принимал всех, любых. Он видел их голенькими, как они есть. А то, что они пьют и курят... Ну, вот такие они – он их такими принял. И наркоманов, которые там могли что-то делать... Я недавно одного встретила, который был наркоманом, приехал в Пабярже запутавшийся, ничего вообще не знающий, не понимающий, какой-то совершенно распавшийся (по его словам). А патер ему сказал, что юноша мог бы креститься. Как?! Ему это представлялось чем-то ужасным. Страшно было. Отец Станисловас говорит ему: «Возьми, почитай вот эту книжку и ночью, если хочешь, ко мне приходи. Я тебя крещу, я буду ночью в церкви. Если сам захочешь, – приходи. Не хочешь – не приходи!» А книжка оказалась стихами Рильке в переводе с немецкого на литовский о. Станисловаса. Юноша почитал и пришел ночью в церковь. И отец Станисловас его крестил.

И это изменило его жизнь навсегда. Дальше – сплошные чудеса, которых вокруг патера творилось много. Сейчас он режиссер.

Н. Б.-М.: Поразительно! Патер, как будто, переключил его с Божьей помощью, на 360 градусов! Это будет посильнее диссидентской политической борьбы. Ведь патер нового человека сотворил! (Что гораздо опаснее для властей!)

Интересно, что и о. Станисловас и о. Александр Мень дистанцировались от диссидентства, от идеологической борьбы, во что каждого из них пытались вовлечь, и за отказ от этого они были порицаемы.

Наталья Леонидовна вспоминает, как патер ей прямо говорил, чтобы она держалась от всего этого подальше,

– от борьбы, от идеологии и прочего. И еще он говорил, что наша борьба – это молиться, жить иначе, стараться не быть советскими людьми в каких-то корневых основаниях бытия, а не на поверхности. Это буквально слова и отца Александра!

М. Ч.: И при этом оба священника никогда никому не отказывались помочь, выслушивали любого пришедшего, не думая о том, каких он политических взглядов. Тем, что они принимали всякого, кто в беде, они просветляли советскую атмосферу недоверия, лжи и подозрительности. Человек, который у них побывал, становился другим.

Н. Б.-М.: Вот отец Юlius говорит, что для него отец Станисловас загадка, а для вас?

М. Ч.: Ну, была какая-то загадка… Я его, конечно, не разгадала, как можно человека разгадать? Тем более, что он – мощь и сила. Он – невероятная личность. Совершенно разгадать, думаю, никого невозможно. Моя книга – это попытка хоть что-то про него понять.

Говоря о «загадке», отец Юlius имеет в виду очень узкий аспект.

Он очень переживал, из-за этих лет независимости, когда отец Станисловас публично дружил с коммунистами. Отец Юlius говорит, что может быть о. Станисловас специально вел себя так парадоксально – для того, чтобы люди задумались.

Когда стали закрывать колхозы, патер очень жалел и защищал колхозников, потому что им некуда было деваться. Люди испугались, потому что независимость – это огромное испытание.

Отец Станисловас был со всеми, никого не отталкивал. Его на самом деле пугали эти быстрые реформы.

Он очень боялся за людей. Он все время об этом говорил.

Н. Б.-М.: Но я думаю, что для него самого внутренне было оправдано его поведение!

М. Ч.: Да, для него это было внутренне оправдано. Но выглядело со стороны непонятно и многих смущало

С конца 90-х он был как бы стоящим на вершине горы, а в конце жизни уже очень одиноким. И это удивительно, что всю жизнь он хотел побыть один, а в конце стал одиноким. И ему было тяжело. И болезнь, конечно, и старость.

Н. Б.-М.: И полное непонимание... Но ведь о. Станисловас был предан Богу безраздельно. Не поверю, что такой человек оставил Христа и пошел к коммунистам. Нет же! Этого не может быть.

М. Ч.: Нет, не может быть!

Н. Б.-М.: Что для вас было и остается самым главным и самым дорогим у отца Станисловаса?

М. Ч.: Я не могу считать, что я его знала, в нем очень много всего... Но после всех лет, что я все это собирала, наверно, самое важное, что открылось в нем – это молитвенность и искренность. Да, полная искренность и открытость. О нем хочется сказать, что он красивый, прекрасный, им можно любоваться – настолько прекрасно, что человек может быть таким! Любушься на личность и думаешь: как прекрасно, что такое может быть... На самом деле описать это невозможно...

Н. Б.-М.: Знаете, мне было очень важно понять для себя, был ли такой человек счастлив в жизни... И о. Станисловас мне на это отвечает: «О, да, очень. Настолько, насколько мне удавалось предстоять перед Ним. Все, что я получил – от Него».

М. Ч.: Вот видите – это опять Вертикаль!

Н. Б.-М.: Кажется, патера очень беспокоила судьба Пабярже после его смерти.

М. Ч.: Да, конечно, он жизнь на этот приход положил, хотя служить ему приходилось и в других местах, но Пабярже – это любимое, дом родной!

Н. Б.-М.: И своим приемником о. Станисловас видел о. Юлюса Саснаускаса, просил его об этом не раз, хотя знал, что у Юлюса приход в Вильнюсе, и о. Юлюс говорил ему прямо, что он не может без Вильнюса, что не видит себя в этих сугробах...

А патеру хотелось, чтобы в его родном гнезде служил именно такой священник, – способный поддерживать огонь в очаге, чтобы пламя, зажжённое патером, не погасло. Пламя молитвы.

М. Ч.: Да, отец Юлюс – он особенный, и горел он ярко, и отца Станисловаса очень любил, восхищался им. Но они – слишком разные, и Юлюс не мог бы так жить, как патер, потому что половина жизни в Пабярже состояла из подвига быта. Подвиг быта изо дня в день – такая ноша мало кому по плечу.

Н. Б.-М.: И что же в завершении пути?..

В завершении земного многотрудного пути наш герой был увенчан смертельной мучительной болезнью и страданиями от пребывания на дне ада – в густонаселенной палате, где окно годами не открывалось, в нищете, духоте, где он задыхался больше всего от смрада окружающих испарений грехов, которые он, по своей святости, чувствовал так остро, как мы, обычные люди, не чувствуем.

М. Ч.: Поразительно, что он, уже умирающий, через несколько дней его не стало, – умолял соседей по

палате перестать кого-то осуждать, не распространять зло, а то ему очень трудно будет отмолить их, сил уже не осталось. Патер нес свое призвание до последнего момента, чувствовал себя ответственным и за их души. А ведь ему, знаменитому на всю Литву, наверно, предлагали и другую больницу, и другие условия.

Н. Б.-М.: Но в этом безнадежном месте Богу больше не на кого было положиться. Вся цельная жизнь отца Станисловаса завершилась абсолютным жертвоприношением Господу, это была его последняя Евхаристия.

М. Ч.: Я не знаю, что такое святость, но это – свидетельство о невероятном пути человека, принимающего все... и болезнь эту, и клевету...

Н. Б.-М.: Он все принимал и все принял до конца. Как от Бога.

М. Ч.: Понимаете, ведь когда он сидел в лагере, все эти страдания там, потом бесконечное преследование КГБ – это как-то было понятно, понятно, за что преследуют. А в конце жизни он получил осуждение толпы, всеобщее порицание непонятно, за что... Бессмысленное, что еще труднее вынести...

Н. Б.-М.: Патер воплотил в своей жизни заповеди Божьи и заповеди Блаженства.

Посмотрите, что говорит 11-я заповедь: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и злословить, и клеветать на вас из-за Меня»⁶. Ведь это все про него!

М. Ч.: Да, точно: «из-за Меня». Патер принял все, за что Христос обещает блаженство.

*Вильнюс, Литва
23 января 2023 г.*

⁶ Мф 5:11.

Проповеди отца Станиславаса Добровольскиса в переводе с литовского Марии Пранцишики Чепайтите; публикуются по книге «Из богословия сквериков и деревушек»⁷.

СМЕРТЬ

Между 1985 и 1987 гг.

Послушайте проповедь о смерти.

Смотрите, как иногда бывает: инфаркт у человека, он сел и умер, а мы и говорим – счастливый, не мучился, других не мучил. Нет! Нет! Нет! Зачем мы тогда поем? Говорим, что хотим такой быстрой и неожиданной смерти, а сами поем: «От внезапной и нежданной смерти избавь нас, Господи»⁸. Почему поют в Церкви эту литанию? Быстрая смерть. Неожиданная смерть. Упаси нас от нее, Господи.

Дорогие мои! Есть десять заповедей, которые мы, священники, возвещаем, которые просим соблюдать, но есть заповедь более ранняя, которую дал нам Творец: человек должен умереть. Надо умереть ровно так, как надо почитать имя Божье, отца и мать, так же, как нельзя убивать. Это заповедь – то, что обязательно для всех, самое настояще, это должен сделать каждый. Во множестве своих дел мы халтурим. Множество дел мы совершаляем как во сне. Говорим же мы Господу: «Да

⁷ СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. – 240 с.

⁸ Из католической литании всем святым. «Катехизис Католической Церкви». – Москва: Культурный центр Духовная библиотека, 2001. С. 54.

будет воля Твоя...» Вот женатый человек говорит: «Да будет воля Твоя, даны мне дети, дана мне жена, я ее люблю, детей воспитываю, это мои обязанности, да будет воля Твоя». Надо сознательно решить: «Да будет воля Твоя, я смертен и умру».

Скажите, почему мы так громко говорим о том, что смерть – это акт, что смерть надо встречать, а не говорим – что ее надо прогонять, что она должна настигнуть нас внезапно, свалиться на голову? Множество вещей может произойти без нас, их могут сделать другие. А умереть-то надо будет самим. Вот муки чистилища мы не можем себе представить... А ведь если мы не полностью умерли, так наверное это чистилище и есть – такое долгое умирание.

А надо бы, надо бы, нам, священникам, перед вами покаяться... Мы должны каяться перед людьми вот в чем – мы все склонны к малодушию, и самые высокие из нас, и самые простые. А именно – мы плохо готовим людей к смерти. Приходишь к больному и все тянешь: ах, да может как-нибудь само пройдет, может швейцарское лекарство достать, вот я спекулянта знаю; или адрес московский у меня есть, там достанут. А надо ведь как: дорогой мой, скажи, что с радостью принимаешь смерть. Так ведь надо нам говорить... А мы не говорим, уста замкнулись.

В семинарии был такой святой человек, прелат Йокубаускис. Он очень впечатляюще рассказывал семинаристам, как это делать. Он преподавал у нас, как обслуживать больных, исповедовать – так называемое попечение о душах. Очень страстно нас учил, и однажды рассказал случай из своей жизни. Он был еще совсем молоденьким, только что рукоположили. Зовут его, он

смотрит – карета подъехала. Оказывается, у местного богатого графа умирает от чахотки единственная дочка, восемнадцати лет. Все дочке принадлежит, все богатства ее, а надо, чтоб произнесла: «Господи, умираю...» Мы, семинаристы, спрашиваем: «И вы смогли ей сказать?» – «Да, очень было тяжело, но я сказал...»

Успейте возвестить, что принимаете смерть, раньше, чем станет тяжело дышать, прежде, чем очутитесь на лоне смерти... Сегодня надо, сегодня. Есть такая очень короткая молитва, ее можно выучить наизусть, и мы, священники, вас очень об этом просим, мы хотим исправить ту нескончаемую халтуру, который ... предаемся, не подготавливая больных.

Я прошу вас сейчас сосредоточиться, вот так сложите руки, если хотите – закройте глаза и повторяйте за мной. Я скажу громко, а вы – тихо:

«Господи Боже, Создатель наш, я уже сейчас принимаю смерть, с ее агонией, с ее болями, из рук Твоих – за свои грехи и грехи всего мира».

Запомните. Я прошу вас почаше это произносить, даст Бог – привыкнете, в смертный час не растеряйтесь, повторите эти слова и сможете достойно выполнить самое важное дело – умереть. Ведь Господь говорит вам, что сотворил человека не рабом, а свободным, так и будьте свободными в смертный час.

Все вы, наверное, по воскресным дням поете в храме старинные песнопения. Помните: «И в смертный час нас ласково утешь». Конечно, тяжело это принять... Но все-таки мы верим, что к людям, которые молились, которые готовились, что к ним и святой Иосиф, и Матерь Божья приходят, и что час этот может стать радостным. Посмотрите у православных, они тоже об этом

в церкви молятся... Мы пятьдесят раз просим счастливой кончины, а они тоже просят – мирной, и еще интересней – чтоб не была постыдной. Это означает, что человек должен умереть чисто, мирно так, как заснуть. И они просят, и мы просим, неужели Матерь Божья не выслушает? (...)

Ну, хватит о смерти. Дорогие мои, не хотим мы о грустном говорить, но надо. Давайте молиться о добром, счастливом часе кончины. Я вам уже говорил в другой проповеди – когда просыпаетесь, повторяйте коротенькую молитву: «Сердце Иисусово, агонию пережившее, смилостивься над умирающими!» Иисус все принял, что положено человеку, и агонию принял, потому мы и просим, чтоб Он сжалился над ними. Молитесь за умирающих, помогайте им...

Ты говоришь: пусть настигнет меня внезапная смерть. Нет! Охрани нас от этого, Господи, смерть – это акт, смерть – это действие, не просто событие. В смертный час посети нас... Нам ведь только порог перешагнуть, никуда мы не уходим, живем и будем жить, не можем уже не жить. Но порог, порог... В смертный час навести нас, Мария!

ПРЕГРАДА У ДВЕРИ В ХРАМ

13 июня 1992 г.

Как прекрасны колокольни вильнюсских католических церквей – благородные, изящные, величественные! Они указывают ввысь, тянут нас вверх, приподнимают наши взоры и нашу душу. Увы, пока что они безмолвны:

мы еще не так богаты, чтоб одарить их колоколами. Да-вайте помечтаем о том, как они зазвучат через несколько лет. И как будет красиво, когда в полдень одновременно грянут колокола Всех Святых, Кафедрального собора и свв. Петра и Павла. Этот полуденный звон прекраснейших колоколен нам описал Чеслав Милош.

Церковные колокола зовут нас всех – приходите, со-средоточьтесь, успокойтесь. Даже если не будешь мо-литься, можешь получить мир и покой.

Но иногда, подойдя к дверям храма, нас останавливают некие преграды. Если бы мы захотели войти в чудесную вильнюсскую синагогу, мужчин попросили бы надеть головной убор. Если бы пытались войти в православную старообрядческую церковь, там не по-нравилось бы, что мужчины без бород, а женщины – без платков. Если бы мы захотели посетить мусульманскую мечеть, нас попросили бы снять обувь. А если бы мы путешествовали по России и пожелали войти в со-бор монастыря в джинсах, то нас, особенно женщин, не пустили бы туда. Даже маленьких девочек не пустили бы. Не любят эти храмы женщин в штанах.

Ну, а как же наши храмы? Когда-то, перед войной, были требования допуска в храмы Рима или на аудиен-цию к Папе: длинные рукава, темные платки. Сейчас, конечно, этих преград почти не осталось. Пускаем всех. Не укоряем за джинсы – о них в Библии не написано. Но, попуская в материальном, мы не должны быть та-кими же уступчивыми в духовном.

Представьте себе у дверей нашего храма такую пре-граду – к двери прикреплен отрывок из Евангелия от Матфея: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвен-нику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь

против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой»⁹.

Вот это да! Вы представляете, какая это была бы преграда? Как опустели бы наши храмы после некоторых пикетов, после некоторых митингов, после некоторых собраний. Да и кое-кому из священников не пришлось бы служить – ведь сначала надо помириться с братом...

Что это за преграда – ее, что, раньше не было?

Все вы знаете, сколько бед принесли немцы полякам после 1939 года. У каждого второго поляка в Освенциме сгорел отец или мать, брат или сестра, жена или муж, кто-нибудь из близких, а их пеплом удобрили поля Пруссии. И вот польские епископы – если не ошибаюсь, это было лет через десять после войны – первые протянули руку. Они заявили от имени своего народа – того самого, над которым измывались, который уничтожали – что прощают своих убийц, палачей и кочегаров Освенцима. Этот акт прощения должен был быть прочитан во всех костелах, и все входящие в храм должны были преодолеть в себе преграду – ненависть.

Правда, в это время в Польше как раз насаждался атеизм и поднялся шум. Все коммунистические газеты взорвались – как это епископы посмели прощать? Но епископы поступили по-евангельски: ведь если ты войдешь в храм и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя?..

Замечательно, что епископы не побоялись этого сказать.

Так что наша вера сурова. И тяжка. Это не «опий», не успокоение, не щекотка для мистических чувств,

⁹ Мф 5:23-24.

нет. «Оставь свой дар, и пойди прежде примирись с братом твоим». Трудная вера!

Вот почему мы уже давно не говорим о платках, руках и джинсах. Почти не замечаем, что женщины в наше время стали одеваться... слишком экономно. Но когда звонкие колокола созывают в храм, мы не можем не напомнить о примирении с братом, поскольку об этом ясно сказано в Евангелии.

«ВОЗЬМИ КРЕСТ СВОЙ...»¹⁰

17 декабря 1994 г.

Вроде бы все уже сказано о покаянии. Мы знаем, у каждого есть свой крест, который он несет ежедневно. Не полезней ли было бы поговорить об облегчении страданий?

Конечно, гораздо полезней! Вот и Церковь много говорит – или должна говорить – именно об этом, о любви к ближнему. Святые, горячо приветствовавшие покаяние, с таким же пылом напоминали нам о главном завете Христа: «Любите друг друга!»¹¹ и спешили спасти нас от страданий.

Но всех страданий с человечества нам не снять. Будет много событий, грубых и неприятных, от которых никуда не сбежишь, поэтому стоит человека страдающего сделать и человеком кающимся.

Чем отличается страдающий от кающегося?

¹⁰ Мф 16:24; Мк 8:34; Лк 9:23.

¹¹ Ин 15:12.

Первый несет крест, вернее – ему приходится нести, а второй – берет и несет. И в нас ровно столько покаяния, насколько мы можем признать, что крест приняли.

Кто берет крест, а не только несет, тот действует, и за это должно воздаться. Только такой человек может смело утверждать, что он совершают покаяние.

Но, все же, многие из нас не могут решиться на действие, поступок, мы просто склоняемся под гнетом суровых обстоятельств. Это чудовищно – где же тогда наша свобода? В чем мы тогда подобны Творцу?

Мрачно, бесчувственно, апатично склонившись под лапой судьбы, вы будете похожи на покорного вола, а не на Создателя. В первых Своих словах Господь велел человеку жить и всем управлять, вот и берите все! Скажите – я не буду злобно и уныло склоняться даже перед самым страшным, жутким крестом! Нет, я возьму его сам, потому что я так решил, потому что я всем управляю, а мной никто править не обязан. Я возьму этот крест сам, потому что ценные только те мои поступки, которые я совершил по свободной воле и по любви.

Возможно, я уже научился не переживать. Многое я умею вытерпеть, стиснув зубы. Этому меня научила жизнь, этому меня могли научить все языческие, римские и индийские мудрецы. Но Ты, мой распятый Спаситель, научил меня обнять крест, взять его в свои руки и в свое любящее сердце. Я сам положу его себе на плечи, он будет моим, потому что он – от Тебя.

Нет ли в словах «Возьми крест свой...» разгадки, как сделать его более легким?

Есть! Любые поступки, которые мы совершаем по свободной воле, принесут нам утешение и благодать.

ВСЕОБЩИЙ МОНАСТЫРЬ

21 января 1995 г.

Мы уже говорили о покаянии, вернемся к нему еще раз.

«Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осуждаются»¹². Это строгие слова Господа, их нельзя изменить, поэтому не пробуйте воровато прошмыгнуть мимо. Ведь самое главное, что должны были возвещать апостолы – это покаяние. Покаяться – отвратиться от греха, прервать сонное отупление, ускорить следование за Христом. Все это – основные черты христианства, а не случайная прибавка к молитве.

И все-таки эти слова пугают нас. Пока мы были молоды, вроде и времени у нас не было. Заквашивались, созревали... Казалось, что рано говорить о покаянии...

Потом, в середине жизни, каялись уже чаще, но тоже – спешка, борьба за кусок хлеба, на покаяние времени маловато...

Конечно, если бы мы каждое свое испытание, каждую преграду преодолевали в духе покаяния и терпения, то могли бы сейчас быть совершенно спокойны. Увы... Сходили с пути, мало старались улучшать и душу свою, и мир. Но покаяние – хотим мы того или нет – придет, уже идет. Господь в доброте Своей дал нам всем старость, и о ней мы можем многое (...) поведать.

Что же?

¹² Рим 2:12.

Старость – это прихожая перед тронным залом Господа. В прихожей мы успеваем почистить ботинки, отряхнуть одежду, сосредоточиться и найти слова, чтобы сказать их при входе. В чистый тронный зал не надо будет вбегать прямо из грязи и шума улиц. Но имейте в виду: время в прихожей надо использовать по назначению...

Напомню, но ты и сам знаешь: Господь позволяет каждому поступить в монастырь. Вот эта прихожая вечности – старость – и есть всеобщий монастырь всех людей.

Какие общие черты у всех монастырей?

Во-первых – одиночество... Старые люди сами по себе одиноки. Даже если у них несколько детей, дети – сами по себе, старики – тоже.

Потом – тишина... Это – обязательное условие. Тебя уже никто не слышит. Никому не интересно, что ты там плетешь, да и быстро разговаривать уже не можешь. Тяжело с тобой говорить, все надо по два раза повторять. Подумай, а не наболтался ли ты за всю жизнь? Хватит! Как грустно, когда люди до последнего вздоха тараторят и хлопочут...

Строгости монастыря... Пока мы молоды, мы от этих всех строгостей увертываемся. А вот в старости монастырь для всех одинаково строг. Все там носят власяницы – ревматизм, судороги. Все повязаны покаянным поясом – спину скрутило. Все отшельники – никто их уже не хочет, к себе не зовет. Они молчат. Они плохо слышат. Они слабо видят. Они много постятся, потому что зубов нет, да и здоровье плохое. Они молятся по ночам, потому что не могут заснуть...

Мы, старички – пустынники и отшельники. Пусть слезятся наши глаза, пусть прихватывает сердце за все наши грехи, духовные и телесные. Только надо спешить, а то монастырь иногда закрывается неожиданно...

Спасибо Тебе, Господи, что Ты дал мне время для покаяния.

Светлана Долгополова

Светлана Андреевна Долгополова (1947–2022) – литературовед, занималась русской литературой XIX века; по благословению отца Александра Менья в 1971 г. поступила работать в Музей-заповедник «Усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева»; сначала – в должности экскурсовода, затем в должности главного хранителя; ее служение музею продолжалось 51 год.

В БОЖЬЕМ МИРЕ

Митрополит Антоний Сурожский любил повторять слова Ириная Лионского: «Великолепие Божие – это полностью раскрывшийся человек». Мы могли его видеть – митрополита Антония, – и засвидетельствовать, что он тоже был таким великолепием Божиим. Такое великолепие Божие являли и отец Александр Мень, и патер Станислав Добровольских. Они все были представителями разных эпох, разных культур, разных исторических периодов, но их объединяло совершенно поразительное умение – раскрыть все свои человеческие черты и дарования перед Богом даже в безбожном мире, в котором жил отец Александр. Что касается нас, родившихся после Второй мировой войны, – мы были людьми, которые жили в безбожном мире, не зная Бога, и очень от этого страдали. И конечно, теперь люди делятся на тех, кто при социализме мог жить и не страдать, и на тех, которые страдали так, что не могли жить. Например, Наталья Леонидовна Трауберг страдала с такой силой. А некоторые

говорили, что достаточно было на собрании не произносить опасных слов, а в остальном ты можешь жить, как бы себя ничем не угнетая.

Я знаю о тех людях, которые были деформированы социализмом, изуродованы социализмом и не знали не только как жить, но и не знали, что такое человек.

И вот такие странные существа попадали к отцу Александру Меню уже во второй половине 60-х годов. И в какой-то момент отец Александр мог уже направлять этих изуродованных молодых людей к патеру Станиславу, чтобы он тоже помогал нам увидеть, что есть мир Божий и что в этом мире можно жить по-Божьи...

Я дружила с Натальей Леонидовной Трауберг, – мы познакомились в 1968 году, – и, наверно, в 70-м году впервые попала в Пабярже вместе с ней. Я была, честно говоря, протрясена, потому что я увидела человека, который точно знал о человеческой природе все, исполнял то, что нужно исполнять, чтобы оставаться человеком перед Богом, – этому он был научен, и его жизнь включала в себя культуру и образование, полученное из недр католической традиции, и опыт этой вековой традиции, давал понимание того, что здесь человек идет безопасным путем, потому что он перед Богом. И это потрясало!

Я тогда придумала слова «упругая слаженность католицизма», имея в виду, что здесь все было собрано так, чтобы человек мог в этом жить, ничего не теряя в себе и не уродуя себя. Мало того, что таков был патер Станислав, таков был и мир вокруг него. Мир Божий. Потому что тогда и социализм тоже воспринимался всеми по-разному. Некоторые, как и я воспринимали СССР как пустырь, на котором брошены заржавленные

консервные банки. Я встречала такой же образ, кажется, у Максима Кантора. Почему-то ситуация рождала такой образ. При этом мне хотелось, чтобы Россия была страной, свидетельствующей о том, что здесь была великая культура, потому что я сама работала в музее Ф. И. Тютчева в Мураново, и «Мураново» было доказательством того, что на этой земле была великая культура.

Патер Станислав в одиночку создавал то, что нам оставила столетняя жизнь в «Муранове». Вот этот удивительный материальный мир, в котором все нашло свое место, все ухожено, над всем присутствует, так сказать, улыбка хозяина и все это служит миру человека. Помню, когда я приезжала зимой, я замечала лунки в снегу, в которых можно было увидеть подснежник. То есть был какой-то совершенно необыкновенный мир, и патер Станислав, кроме того, что он был монах, у него было еще такое удивительное сказочное свойство – он был король этой страны. Вот этого Божьего уголка.

Надо сказать, что, конечно, о. Станислав был настоящим монахом, то есть он знал, как надо осуществлять этот свой монашеский долг. Но, поскольку, он был многолетним узником лагерей, то он еще набрал весь опыт жизни среди людей, в том числе, и неверующих. Поэтому он, с одной стороны, был, как бы, замкнут на то, что он должен сделать перед Богом и полностью открыт на то, что он должен что-то сделать для людей.

Он говорил, что между двумя фазами сна есть такой промежуток, в который можно проснуться и спокойно работать. И действительно, когда сейчас мы знаем все эти исследования о сне, так и получается, что монашескиеочные бдения – они приходятся как раз на этот

промежуток между первой и второй стадиями сна. Поэтому можно, не ломая себя, не угнетая себя очень много работать в это время, и он сказал, что богословие и религиозная философия – это все было им проработано вочные часы.

Я спрашивала, почему он читает протестантского богослова Бонхёффера, и он сказал, что читает представителей всех ветвей христианства, но что Бонхёффер – это особая статья, что его «Письма из тюрьмы» – это практическое богословие, которое должен усвоить каждый человек, живущий уже после Второй мировой войны. И эту книгу на немецком языке я у него видела много раз...

Что касается его прекрасного дома, какой-то абсолютной чистоты в нем, которую тоже хотелось поддерживать постоянно, и мы там что-то такое всегда убирали, чтобы все было чисто и блестело – это запоминалось и входило в твою жизнь навсегда. Ну, и, конечно, само путешествие из Москвы в Прибалтику, в Литву.

...Вдруг ты где-то там, в каком-то маленьком городке голосуешь на какой-то улице и надо точно эту улицу найти, и ты едешь автостопом куда-то в срединную Литву и уже под вечер оказываешься на какой-то за-снеженной проселочной дороге...

Помню, что я иду в одиночестве, по сторонам сосны, покрытые снегом и, такой вот, наезженный путь и вдруг меня окликает какая-то литовка, которая едет на санях. Она спрашивает: «Пани, куда вы идете?» – «В Пабярже», – отвечаю я, уверенная, что я туда дойду и дойду прямо по этой дороге... Она мне предлагает сесть в сани, и мы продолжаем с ней путь и даже едем без всяких разговоров, только время от времени улыбаясь

друг другу и, в общем, непонятно, в каком веке это происходит – в XIX, в XX, но явно, что происходит это в Божьем мире.

И, конечно, нам, изуродованным существам, искаженным жизнью в безбожной стране представлялось все это почти раем... И действительно, сейчас думаешь, как это возможно – жить без Бога?! Тогда оказывается, что нет вертикали, что все должно совершаться на плоскости горизонтальной. Что же тогда от тебя остается? Кто ты тогда?..

Но, оказывается, что все это может быть преодолено. И мы получали реальный образ этого преодоления. И, конечно, в ответ у нас рождалось такое желание оторваться от этой горизонтали и, несмотря на свою искаженность, вместе с ангелами куда-то подняться вверх. И может быть, мы были дороги патеру потому, что, несмотря ни на что, мы были вместе в этом желании пре-возмочь вот такое нулевое существование в безбожной стране.

Печатается по видеозаписи, сделанной Марией Чепайтите и оператором Никитой Котрелёвым в Москве 6 октября 2021 г. (Прим. ред.)

Священник Владимир Зелинский

ДВА ПАСТЫРЯ (В подражание Плутарху)

Был такой античный жанр: сравнительные жизнеописания. Плутарх рассказывает сначала историю прославленного грека, потом сопоставляет ее с биографией римлянина. Пусть греком будет у нас католик, а римлянином православный; должно быть, конечно, наоборот, но подобает начать со старшего, чтобы перейти к младшему, хотя старший в нашем случае намного пережил меньшего годами. Я был знаком с обоими, знал их достаточно долго: о. Станисловаса Добровольскихиса, с 1972 по 1988 год, и о. Александра Меня с 1968 по 1990, когда в последний раз мне довелось встретиться с ним в Брюсселе в издательстве «Жизнь с Богом». Она произошла случайно; о. Александр неожиданно и нелегально (у него не было бельгийской визы, а до Шенгена было еще далеко) заехал с другом-водителем в Брюссель, чтобы повидаться со своими издателями, где по стечению обстоятельств оказался и я; там кипела работа, к которой и я как-то подключился. Издательство располагалось в двух особняках; в Брюсселе дома особые, 3-4-этажные, узенькие, тесно примыкающие друг к другу, с виду очень уютные. Ранним утром, выходя из комнаты, я вижу о. Александра на пороге двух этих смежных особняков под номером 206 и 208 по улице Avenue de la Couronne, как бы гадающим, не знающим, куда теперь идти. Хозяева дома еще не вставали, гости прибыли ночью. Мы провели тогда с ним целый день,

бродили по городу, заходили в книжные магазины. В конце дня состоялось то, к чему подошло бы казенное название «рабочее совещание с редакцией» – Ириной Михайловной Посновой и ее сотрудниками о. Антонием Ильцем и о. Кириллом Козиной. Разговор шел о будущих изданиях, некоторые из них потом, по совету о. Александра, были осуществлены. В частности, книга Михаила Поснова о гностицизме II века. Встреча предполагалась быть первой в череде других, которые должны были затем последовать. Я уже рассказывал об этом на страницах «Христианоса», теперь захотелось вспомнить. Перестройка расцветала, как сто цветов, двери, закрытые на 7 десятилетий, с каждым днем распахивались все шире и шире, но было ощущение, что вот-вот их снова закроют, а дальше что будет – непонятно, и надо пользоваться всякой возможностью как подарком. Был май 1990 года.

Я не был постоянным прихожанином ни о. Александра, ни кого-либо другого, наверное, потому что не было у меня такого призыва чьим-то быть прихожанином, но гостем бывал регулярным. Общаясь, как с ним, так и с о. Станиславом, наблюдая их со стороны, отмечая тот глубокий след, который они оставили в моей жизни. Как его определить? Пожалуй, это был след удивления, длящегося во мне и по сей день. Идя по этому внутреннему следу, я написал о каждом из них: очерк о патере, который называется «Крест-солнышко, дом со сказкой внутри»¹, а о. Александру, которого знал немного лучше, посвятил 3 или 4 текста, если не больше, считая отклик на его трагическую

¹ Опубликован в книге *Чепайтите М. П. Патер*. – Москва: Изд-во Францисканцев, 2023. С. 353–359.

кончину. Один из них, для меня важнейший – «Открытое письмо отцу Александру Меню», опубликованное в 2000 году в Христианосе, 9-ом выпуске, а затем в книге «Наречение имени» (Киев: ДУХ I ЛИТЕРА, 2008; СПб: Алетейя, 2018). В этих текстах по замыслу – «не одни воспоминанья», но попытка словесного портрета каждого из этих поразительных людей.

Но что я мог бы добавить сегодня к этим попыткам? Все уже как будто сказано. Новым, пожалуй, могло бы быть сопоставление их общих черт, потому что вот это общее, объединяющее их, несет в себе – решусь сказать, – что-то профетическое, обещание встречи где-то вблизи обетованного Царства, за общим столом Тайной Вечери. Прежде всего они были людьми твердой, стоявшей, как скала, как основание Церкви, веры, – веры, полной надежды, хотя на здешние земные дела, что все, мол, будет хорошо, они особых чаяний не возлагали. Надежда их была знанием, что Христос с нами, с каждым из нас, и, чтобы ни случилось, никто не вправе теперь унывать. Надежда у них светилась радостью, какой они умели наполнить веру Христову, стоя на том, что именно радость – одна из главных вестей Благой Вести. Ее о. Александр Мень называл всегда Радостной. (Эта мысль, высказанная в то же время, постоянно встречается в «Дневниках» о. Александра Шмемана). Радость, надежда, но и неколебимая трезвость, присущая каждому из них, трезвость, не поддающаяся, я бы сказал, ни на какие «мистические», апокалиптические приманки о последних временах «завтра к вечеру». Вот это сочетание радости, надежды и трезвости, неизменно сдобренное благожелательным юмором, наполняло их служение, окрашивало их пастырство в

самом существенном, новозаветном смысле слова, собравшее вокруг себя, огромную, преданную им паству. Стоя перед концом, каждый из них мог бы повторить за Апостолом: «Подвигом добрым я подвигался, течение совершил, веру сохранил, теперь готовится мне венец правды, который дал мне Господь...» (2 Тим 4:7-8). Перед этими словами есть и другие слова: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало». Отец Александр времени своего ухода знать не мог, смерть рухнула на него внезапно, но он всю жизнь готовился ко внезапной встрече с «татем в нощи», говорил об этом и все свои рабочие широкие планы строил в перспективе этого дня. «Ну сколько живет человек? – помню точные его слова и отвечал, – лет 60, допустим». На большее, словно предчувствуя что-то, он не надеялся: «У меня до этого срока все дела распределены и спланированы».

Что касается о. Станислава, хоть он и прожил полный, по-бibleйски отмеренный век, но его жертва, включавшая восемь с половиной лет сталинского лагеря, а потом еще полтора года хрущевской «досидки», так чтобы была полновесная советская десятка, – была вписана в течение его жизни. И эта десятка, хотя он почти не говорил о ней, по-особому отложилась в нем, не давила, не хранилась на тайном пороховом складе, как у многих бывших и славных зэков, как, скажем, у Солженицына, но она вошла в его особый человеческий опыт, тот опыт, в котором, по слову Апостола, «изобразился Христос» (см. Гал 4:19). Он как бы все еще оставался зэком, зэком во Христе, просвещенным Им. Подобный свет я встречал до него лишь у о. Тавриона (Батозского), многолетнего лагерника, словно дышавшего благодатью.

Оба они, наши пастыри принадлежали разным церковным уделам, но нельзя назвать их просто доброжелательными соседями, они были со-братьями. Даже порой соработниками в общем винограднике Господнем, несмотря на церковный ров между ними, – сотрудниками; посылали друг ко другу своих духовных чад и как бы всегда общались на расстоянии, ощущали близкое присутствие друг друга. Они были вселенскими христианами, воспринимавшими свои уделы и границы как то, что дано лишь для здешней жизни, но уж никак в небе не укорененное и для вечности не предназначеннное. Что, кстати, даром им не давалось, оба они имели свои, мягко говоря, конфессиональные нарекания и подозрения. Отец Александр жил в эпоху, когда слово «экуменист» еще не приобрело свистящего звучания хлыста, но словесные нападения на него были уже в изобилии, особенно по части модернизма, уж не говорю о сионизме. «Модернизм» в его случае означал евангельскую человечность, соединенную с церковностью, а сионизм, не в пример средневековой ментальности, верность Писанию, в котором действительно трудно не углядеть совсем никакого, библейского «сионизма». Но многим ли дело до Писания? Подозрения умножаются, как рак пускают метастазы – уже и после его гибели, десятки лет после.

Что касается о. Станислава, то упреки ему я слышал не раз от вполне близких мне и единомысленных литовцев, и заключались они в прямо противоположном тому, в чем соотечественники могли упрекать о. Александра. Он, о. Станислав, в конце жизни, говорят, сильно повернул влево, чуть ли не связался с коммунистами. Проверить я такого навета, конечно, не мог,

но анализируя его облик, сложившийся в памяти и экспатриолируя его на реальность Литвы 90-х годов, внезапно освободившейся, законно возгордившейся, широкой метлой выметающей все, что осталось от советчины, в чем о. Станислав мог ощутить легкий запах отмщения и язычества, исходивший от победившего патриотизма, и, к недоумению многих, повернул в сторону того, что выметалось. Раньше для него литовская история, скульптура, знаменитые его медные солнышки, историческая память, сама земля, на которой он служил, освященная памятью о польско-литовском восстании 1863 года и последовавшим за ним мученичеством, были страной, в которой он служил миссионером. Литовцев, тоскующих по своей идентичности, все это могло привести тогда ко Христу, теперь же сама эта идентичность вышла на первый план, заслонив собой что-то существенно другое. Со стороны не могу об этом судить, а о. Станиславу, всегда избиравшему благую часть и в служении своем, и в общении с людьми, в самих фигурах, им вырезаемых, и в литовских солнышках было «одно только нужно».

Так и для о. Александра никакая особо помеченная идентичность не имела определяющего значения, кроме той идентичности Христовой, которую он открывал каждый день заново и славил своим служением. Поэтому что оба они были еще великими тружениками, никто не видел их праздными, и, хотя у о. Станислава было, наверное, больше времени, он заполнял его, когда оно было свободным, изготовлением тех самых крестов и солнышек, которые раздаривал буквально каждому постучавшемуся в его дом. И в этом была его Весть. У меня дома стоит, помимо солнышек, висящих

в коридоре еще и любимая мной статуя Христа скорбящего, вырезанная из дерева (также подаренная о. Станиславом).

К постоянному труду, даже и не только на пастырской ниве, следует прибавить еще и поразительную внутреннюю собранность, которой была схвачена не только их жизнь вообще, но и каждая минута их существования. Помню слова о. Станислава: «Читаю его (о. Александра), книги и все спрашиваю себя, да откуда у него нашлось столько времени, чтобы все это написать, а до того еще и прочесть такую гору всего?» На что вспоминаю его (о. Александра) слова, сказанные как-то Зое Александровне Крахмальниковой (она мне рассказывала): «Откуда у меня время? Знаете, Зоя, у человека, у которого нет времени, на самом деле очень много времени». Да и время самого о. Станислава было расписано с максимальной плотностью, предельной четкостью, он никогда не пропускал полунощницы, которую служил в два часа ночи, причем, не дома, а в храме, вообще в его жизни был тот негнущийся порядок, который не мог нарушить не только текущий поток гостей, которые останавливались и жили у него, но даже и сталинский лагерь. Это был порядок во всем, не только богослужебный, но и бытовой: в приеме гостей, в приготовлении пищи, и вплоть до расположения домашней утвари, кастрюль и чашек в его доме. Я бы сказал, что у него был незаметный кульп порядка, который ни на кого не давил, но неуклонно соблюдался. Оба они воспринимали отпущенное им время почти как физический дар, который можно потрогать, поставить на престол, наполнить доверху и принести Отцу.

Наконец, главное, у них обоих был природный или приобретенный, но поистине Божий талант общения с людьми. Он не ограничился их земным, им отмеченным существованием. Книги о них, память о них, конференции, сами споры, которые продолжаются вокруг их имен – все это зримые знаки того «сторичного плода», который остался от их жизни. Что сказать еще? Одно воспоминание тянется к другим, уже сложившимся, двумя отрывками из старых текстов я и закончу.

Сначала вспоминаю об о. Станиславе:

«В храме, скорее неказистом, напоминающем большой деревянный сарай, было три алтаря, и в будни мес-са служилась в одном из боковых. Образ его служения, если бы все воспоминания о патере нужно было сбрать в одно, ярче всего сохранился во мне в утреннем луче сентябрьского солнца, струившегося над Чашей, а вокруг – “ветхозаветный дым на сирых алтарях”, как у Мандельштама. Из этого луча был слышен страстный (страдальческий) шепот на латыни, не просто произносящий положенные слова, но и вправду умоляющий об освящении хлеба и вина. Со мной тогда был писатель Феликс Светов, к католичеству слабости не питавший, но оба мы ощущали, что словно присутствуем при таинстве пасхальной вечери перед Голгофой. *Hoc est enim Corpus Meum quod pro vobis tradetur...* Мы смотрели и внимали словам пресуществления с огромным сопререживанием и соучастием, но с отчетливым сознанием, что соучствуем в нем лишь со стороны, с другого берега. Мятущимся или критически настроенным православным, приезжавшим к нему с уже готовой одой католичеству на устах, он всегда повторял: зачем вам любить чужое, научитесь сначала любить свое. И добавлял,

улыбаясь, с ностальгическим “экуменическим” вздохом: “Сокровище Иоанново!”».

Напоследок отрывок из воображаемого письма о. Александру (2000 г.):

«Поразительная черта Вашего облика – его плотность и собранность воедино. Ученость и быт, богословие и острословие, молитва и шутка – все в Вас пребывало в некой слаженности и спаянности и в возникающей от этого легкости и простоте. Чувство тяжести от человека вытекает из какой-то нестыковки различных сторон его души, от незаживших обид, не преодоленных комплексов, неизгнанных фобий, до самой старости невысыхающих детских слез. Я вспоминаю, что никогда, ни при каких обстоятельствах Вы никого не осудили, гнилое слово не только не слетало с Ваших уст, но и не рождалось в душе, ибо не было в Вас той тайной гнили, откуда исходят “злые помыслы”. Душа Ваша, хоть и посаженная “при потоках вод”, была благородно суха. “Сухая душа – наилучшая”, – сказал Гераклит. Он имел в виду огненную подоснову ее, в которой сгорает шлак, испаряется душевная слякоть, та, где разливается тоска и обида, засасывает заунывность, буйно цветет разными диковинными цветами душевное болото. Влажная душа беспрерывно требует для себя новой влаги, и оттого “веселie Руси” всегда столь топко, надрывно, с музыкой и звоном кандалльным, так что и не выберешься из него...

Премудрость, та, что, говоря словами Писания, “веселилась” в вас, отметила Вас и гениальностью, той, которая приковывает к себе какой-то светлой, все более яснеющей прозрачностью. Гениальность в Вашем случае была синонимом гармонии. Во всем, что Вы

делали, в том, как Вы мыслили, верили, писали, исповедовали, шутили, ощущалось какое-то созвучие, “невозмутимый строй во всем”, чего касалась, в чем соучастовала Ваша личность. И этот строй определял и животворную, благодатную, веселую ясность ума Вашего, ясность, которая была с Вами везде, повсюду.

“Умнейшим мужем России”, назвала Цветаева Пушкина. Возвращаясь к российским 70–80 годам сего отходящего века, я мысленно примериваю это цветаевское определение к Вам. Ум ведь – не в том, чтобы “возлетать во области заочны”, и даже не всегда в том, чтобы заглядывать глубоко в сердце, как могут лишь старцы. Ум заключается скорее в инстинкте мысли, умеющей сделать прозрачным любое переплетение обстоятельств и расплетающей его всегда самым ясным, простым, неусильным способом, обращающей его из мглы к ясности, словно эта ясность обладает какой-то внутренней силой притяжения.

Эта светлая притягивающая прозрачность заключалась для Вас в имени и лице Христовом».

*Брешиа, Италия
Июнь 2023 г.*

Переработанный автором – для публикации в «Христианосе-XXXII» – текст выступления, зачитанный на конференции «Отец Александр Мень – свидетель современному миру о любви и единстве», проходившей в Литве (Каунас – Вильнюс) 20–22 января 2023 г., которая была посвящена памяти не только отца Александра Мения, но и памяти близкого ему священника-исповедника о. Станисловаса Добровольского.

**К 88-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ**

Протоиерей Александр Мень
(22.01.1935–09.09.1990)

Ирина Языкова

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ КАК ЕВРОПЕЕЦ

Многие уже при знакомстве с отцом Александром отмечали, что он отличался от всех, кого они встречали в нашей серой советской действительности. Первая встреча с ним уже производила неизгладимое впечатление. И дело даже не в физической красоте, которой он был наделен в полной мере, но в том свете, в той мощной духовной и интеллектуальной энергии, которую он излучал. И, конечно, в той невероятной степени свободы, которая не могла не поражать. Этим отец Александр отличался от многих наших соотечественников. Он не был советским. Он был европейцем.

Сегодня биография о. Александра Меня достаточно хорошо изучена. Вышло несколько книг о нем, начиная с книги Ива Амана «Отец Александр Мень. Христов свидетель в наше время» и кончая книгой Михаила Кунина, вышедшей в серии ЖЗЛ¹.

Симптоматично, что первую книгу написал француз, европейский интеллектуал, работавший культурным атташе в посольстве Франции в Советском Союзе в 1970–80-х гг. и много общавшийся с о. Александром. Ива Амана с ним познакомила Ася Дурова, дочь русских эмигрантов, работавшая во Французском посольстве. Ив Аман интересовался жизнью верующих в Советском Союзе, но в московских храмах он видел

¹ Кунин Михаил. Отец Александр Мень // Серия ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей). – Москва: Молодая гвардия, 2022 – 544 стр. (Прим. ред.)

старушек, в основном, довольно простых. Такими же, чаще всего, были и священники, нередко напуганные, не расположенные к общению с иностранцем. Но когда Аман познакомился с о. Александром, он был потрясен: «Такой молодой умный, обаятельный священник!». Он стал бывать в Новой Деревне, где служил о. Александр, и они подолгу беседовали, быстро нашли общий язык, потому что Ив Аман хорошо знал русскую культуру, а о. Александр – европейскую. Редкие священники тогда были так образованы. Конечно, оставались еще старые батюшки с дореволюционным образованием, учившиеся в гимназиях, но и среди них было мало таких, кто имел подобный кругозор и эрудицию, как о. Александр, не говоря уже о тех, кто получил образование в советское время.

Но откуда у «сельского священника», как называл себя о. Александр, столь обширные знания? Сам он признавался, что школа мало что дала ему, там было скучно. Пушной институт, где он учился на биофаке, дал знания по биологии, зоологии и естественным наукам, но, по отзывам сокурсников Александра, он приехал в Иркутск с несколькими чемоданами книг и все время читал, что, конечно, было явно сверх учебной программы.

Учеба в Духовной семинарии и в Академии были скорей нужны для соответствия требованиям церковного начальства. Сформировался о. Александр, в основном, благодаря огромной самостоятельной работе. С детства он сам определял круг своего чтения, искал книги на книжных развалих, с юности собирал свою библиотеку. И те незаурядные люди, которые окружали его с детства, также оказали на него большое влияние. Это была русская интеллигенция, сохранившая все лучшее от Серебряного века.

Бабушка и дедушка Александра – Цецилия и Соломон Цуперфейны – окончили университет в Берне, где родилась Елена (мама Александра); до Первой мировой войны семья жила в Париже, потом – в Харькове. В семье всегда было высокое отношение к образованию и культуре, и Елена от родителей унаследовала любовь к культуре, книгам, образованию, выучилась на педагога. Отец Александра – Владимир Григорьевич имел экономическое образование. Но удивительно, что, не будучи религиозным человеком, он глубоко впитал со временем гимназии еврейскую культуру и, по воспоминаниям о. Александра, мог цитировать на иврите целые куски из пророков и псалмов. Особенное влияние на Александра оказала его тетя, двоюродная сестра мамы, Вера Яковлевна Василевская, у нее не было своих детей, и всю свою любовь она вкладывала в племянников – Алика и Павлика, детей Леночки, как она называла свою сестру. Вера Яковлевна окончила Московский университет, психологическое отделение философского факультета, а также Институт иностранных языков. Позже она занялась дефектологией, переводила с немецкого и французского книги по педагогике и христианскую литературу, в частности, Франциска Сальского (Введение в благочестивую жизнь опубликовано в издательстве «Жизнь с Богом», Брюссель, 1967).

В круг этой семьи входило немало друзей, также образованных, безусловно, влиявших на формирование будущего пастыря. Это Мария Витальевна Тепнина, Вера Алексеевна Корнеева, семейство Куниных и др.

Алика Меня крестил в младенчестве архимандрит Серафим Батюков, который также был необыкновенным священником. Имел инженерное образование,

в молодости занимался литературным творчеством, печатался в журналах. Был связан с последними оптинскими старцами, которые, как известно, считались духовниками русской интеллигенции. Можно вспомнить и других духовных наставников о. Александра – священника Николая Голубцова, сына профессора МДА, много лет проработавшего в Тимирязевской академии, Бориса Васильева, историка, читавшего в МГУ лекции по Древнему миру, тайного священника и др.

Словом, семья и близкий круг с самого детства формировали будущего пастыря не по советским стандартам, а в духе дореволюционной культуры и образованности. Да и сам Александр, рано пристрастившийся к чтению, буквально поглощал книги по истории, философии, религии, в том числе и на других языках.

Соединив в своей личности интеллигента и священника, о. Александр всю жизнь стремился преодолеть трагический разрыв, укоренившийся в российской истории, между церковью и культурой. С одной стороны, начиная с XVIII века, с реформ Петра, Россия стремительно возвращалась в Европу (я подчеркиваю «возвращалась», потому что «судьбоносный» выбор Александра Невского в пользу Орды отдал Руслану от европейских народов), с другой стороны, церковь оказалась под пятой государства, что ее сильно ограничило в культурном развитии, и духовенство, не говоря уже о пастве, оставалось непросвещенным. Просветительство с его акцентом на разум, науку, социальные проекты, дало огромные плоды в Европе в XVIII веке, но в России идеи Просвещения затронули лишь узкий слой людей, да и то не слишком глубоко. Образование и культура ценились в дворянской среде, просвещением

народа никто не занимался. Все это приводило к глубокому расколу нации.

Этому есть немало причин. Но корневая мне видится в том, что в России не было гуманизма. В XVIII веке Россия скакнула из средневековья сразу в Новое время, минуя переходную стадию, которой была эпоха Возрождения, поставившая в центр внимания человека и его достоинство, права и свободы, – то, без чего невозможна нормальная разумная и созидательная деятельность. Об этом писали многие историки и философы.

В XIX веке в российском обществе шли ожесточенные споры о путях развития России – европейском или самобытном. Чаадаев и западники, с одной стороны, славянофилы и Достоевский – с другой стороны. Правда, при этом, основная масса страны жила вне этих споров, по старинке, очень медленно выбирайся из пут крепостничества, даже после его официальной отмены.

Как ни странно, европейцами в XIX – начале XX века становились потомки старообрядцев, которые в большинстве своем не знали крепостного права. В старообрядческой среде образование ценилось, но не европейское, а религиозное, число грамотных людей в старообрядческих общинах было гораздо выше, чем в приходах государственной церкви. В свое время староверы не приняли никоновских и петровских реформ, и всячески дистанцировались от государства, стараясь выживать самостоятельно. И когда они поняли, что для развития своего дела нужно хорошее европейское образование, они стали отправлять своих детей учиться за границу, так сформировались династии Морозовых, Рябушинских, Мамонтовых и др. По своему складу русские старообрядцы напоминали европейских протестантов с их стойкостью в вере, предельной честностью,

трудолюбием и бытовым аскетизмом. Недаром, о. Александр называл старообрядчество «реформацией справа». Он очень много размышлял о феномене старообрядчества, которое началось с отрицания европейских форм, а пришло к тому, что потомки старообрядцев, получив европейское образование, строили в России железные дороги, первые автомобильные заводы, развивали промышленность, покровительствовали искусству, образованию, занимались благотворительностью.

В начале XX века Россия не без помощи образованных старообрядцев, наконец, почувствовала себя европейской страной. И Европа признала Россию своей, во многом благодаря культуре – Толстому, Чехову, Дягилевским сезонам, Кандинскому и другим. Но Серебряный век длился недолго. Та самая глубинная Россия, незатронутая европейской культурой, опрокинула все попытки страны встать вровень с Европой и, «благодаря» перевороту 1917 года погрузила ее снова во мрак азиатчины. И хотя революцию делала интеллигенция, получившая европейское образование, и из Европы принесшая «левые» идеи, воспользовались плодами революции люди далекие и от культуры, и от образования, и от Европы, такие как Сталин и его приспешники. До сих пор раскачивается этот маятник в России.

Но вернемся к о. Александру. Размышляя о судьбах страны и Церкви, он хорошо понимал, что народ нужно просвещать, образовывать, что недостаточно привести человека к вере, непросвещенная вера бывает хуже атеизма, потому что строится на невежестве. И батюшка старался дать своим духовным чадам (и не только им) подлинную духовную и интеллектуальную пищу. Вся его деятельность, его интерес к истории и философии, и, прежде всего, его книги и лекции – свидетельствуют

о том, что он ощущал себя просветителем европейского типа. А по своему кругозору и многим талантам, большинство из которых он смог реализовать, он был человеком Возрождения.

С 15 лет Александр писал свою главную книгу «Сын Человеческий», чтобы не только облегчить понимание Евангелия (многие свидетельствуют, что только после этой книги смогли читать Писание), но и чтобы дать полное представление о личности Христа и той эпохе, в которую Он пришел, о ее культуре, обычаях. Исторический контекст чрезвычайно важен для понимания Христа и Его проповеди. Но, как правило, священники в церкви об этом мало говорили, ограничиваясь нравственным выводом из прочитанного на богослужении евангельского отрывка, да и проповедовать с амвона в советское время было запрещено, и решались на это немногие. Отец Александр очень любил Священное Писание и хотел знать о нем как можно больше, чтобы лучше понимать Христа. Он очень рано заинтересовался библейскими исследованиями, археологией, текстологией. Но надо напомнить, что в Советском Союзе библеистики не существовало, она и в дореволюционной России только начала формироваться, а после революции была уничтожена на корню, в то время как на Западе библейская наука успешно развивалась. И, конечно, о. Александр стремился быть в курсе европейской библеистики, читал и переводил исследования западных авторов. Он многое сделал для возрождения библеистики в России, воспитывал переводчиков Писания, экзегетов, возродил Российское Библейское общество, закрытое в 1826 г. Безусловно, он понимал, что работает для будущего. Церковным сообществом, к сожалению, его усилия не были приняты. Немногие могли оценить

уровень и масштаб его работы. Попытки сделать учебным пособием для духовной семинарии написанный им учебник по Исагогике, были отвергнуты. Его 3-х томный Библеологический словарь был издан только через 20 лет после его смерти. Тем не менее, благодаря трудам о. Александра, библеистика в России существует и развивается.

Образованность о. Александра удивляла современников, потому что советское образование, даже в позднесоветский период, сравнительно «вегетарианский», было пронизано идеологией и имело массу ограничений. А отец Александр, свободный от идеологических шор, стремился вобрать в себя все лучшее, что было создано европейской и мировой культурой и наукой, его интересовала не только библеистика, но и биология, особенно эволюционные теории, космология, физика, история, богословие, антропология, кинематограф и т. д. Безусловно, он хорошо знал европейскую литературу, некоторые произведения даже переводил («Сила и Слава» Грэма Грина, «Ключи царства» А. Кронина) и стимулировал других переводить, в частности, Наталью Трауберг, которая переводила английскую литературу, Виктора Хинкиса, который переводил американскую литературу и других.

Отец Александр не ограничивался только европейским контекстом, следуя за интуицией Владимира Соловьева, последователем которого себя считал, он написал шеститомную историю религий, описывающую мировой опыт поисков Бога. Будучи хорошо знакомым с трудами Дж. Фрейзера, Э. Тейлора, Г. Спенсера, Л. Леви-Брюля и других европейских ученых, о. Александр создал свою оригинальную теорию религиозного развития человечества, которое постепенно готовило человека к пришествию Спасителя.

При этом о. Александр имел и свой оригинальный взгляд на развитие христианства. Прекрасно зная его историю, он никогда не считал, что «золотой век» христианства позади, например, в святоотеческом периоде, как считают до сих пор многие. Он же смотрел в будущее, отсюда его максима «христианство только начинается». Этот эсхатологический взгляд был, конечно, устремлен ко Христу, Воскресшему и Грядущему. Нет, он не был прекраснодушным мечтателем, он имел очень трезвый взгляд на состояние церкви и общества, человека и человечества. Он часто повторял слова Альберта Швейцера: «Знание мое пессимистично, вера моя – оптимистична».

Будучи глубоко преданным православию и Православной Церкви, о. Александр никогда не только не отрицал ценность других конфессий, но и высоко ставил их духовный опыт и стремился знакомить с ним своих духовных чад. Он охотно давал книги из своей библиотеки о св. Франциске, св. Терезе Малой, труды Августина и Дитриха Бонхёффера и др. В те времена такая литература была мало доступна для обычного человека. Среди друзей о. Александра были люди всех конфессий: католики, протестанты, старообрядцы. В свою очередь они через него знакомились с православием в его подлинной сути, а не с суеверным суррогатом, который был распространен в непросвещенном народе, и не с тем стилизованным книжным вариантом, который бытовал в интеллигентной среде или идеологизированным советским симулякром, насаждаемым сверху. «Быть православным, – говорил он, – это значит знать и любить свое вероисповедание, и при этом уважать вероисповедание другого. Церковь едина, потому что

Христос один, а наши перегородки до неба не доходят». Эти слова Платона (Городецкого) я услышала впервые именно от о. Александра.

И, что очень важно, о. Александр хотел, чтобы его духовные чада были практикующими христианами, живыми, современными, не прячущимися от проблем мира «в келье под елью», как он любил говорить. И поэтому он знакомил своих чад с актуальным опытом христианства, прежде всего европейского, которое во-преки советской пропаганде не исчезло, а напротив, очень активно развивалось в XX веке.

Можно только удивляться, как удавалось о. Александру охватить такой объем информации не только о прошлом, с этим справляются многие ученые, но и о современности, о жизни мира, и, прежде всего, Европы. При этом нужно напомнить, что батюшка был не-выездным, не мог бывать за границей, только в последние два года его жизни ему удалось пару раз выехать в Италию и в Германию.

Помню, когда в конце 1970-х годов мне в руки попали книги о. Александра, изданные в Брюсселе под псевдонимами, я была уверена, что автор живет в Европе, возможно, преподает в каком-нибудь университете. Мне и в голову не приходило, что их написал человек, живущий в Советском Союзе, да еще и священник подмосковного храма.

Манера общаться у о. Александра тоже была европейской. Он всегда был внимателен к собеседнику, тактичен, приветлив, общителен и при этом в меру открыт. У него не было ни покровительственного, ни панибратского тона в общении с собеседником. К своим духовным чадам о. Александр обращался на «вы»,

с уважением, на «ты» позволял себе обращаться только к очень давним знакомым, друзьям молодости или родственникам. Он встречал каждого как самого дорого и долгожданного человека. Его манера общения – с улыбкой, с юмором и при этом с уважением – поднимала собеседника в собственных глазах. И даже на исповеди акцент батюшка делал не на грехе, который совершил кающийся, а на том, что у него есть возможность подняться и идти дальше, идти вверх, ко Христу. После беседы с о. Александром человек как бы получал крылья, хотел становиться лучше, в нем загорался свет.

Владимир Соловьев писал: «Для меня в христианстве самое главное – Христос». Отец Александр мог бы сказать о себе так же, но, возможно, еще и добавил бы: и человек, ради которого Христос пришел в этот мир. Есть священники, для которых главное – богослужение, для кого-то главное – проповедь, для кого-то – исповедь. Отец Александр соединял в себе все эти качества, он был и ярким проповедником, и опытным духовником, но он был больше своего священства, для него важны были не только его чада, но – люди, человек как таковой. В этом смысле он был, конечно, подлинный гуманист, ценивший в человеке его уникальную личность и человеческое достоинство. Помню, одному прихожанину, который, совершив грех, долго не приезжал в Новую Деревню, боясь показаться на глаза батюшке, о. Александр передал записку: «Дорогой А., если вы в ближайшие дни не приедете, я не смогу быть вашим духовником, но я остаюсь вашим другом». Я не знаю, кто бы еще из священников мог так написать.

Человек для о. Александра был венцом творения. Ради человека Бог пришел на землю. И в каждом человеке

есть вся вселенная, поэтому он бесконечно дорог и ценен для Творца. Отца Александра очень интересовала эволюция – и мира, и человека. Он был сторонником Тейяра де Шардена, который рассматривал творение как этапы эволюции: космогенез, биогенез, антропогенез, христогенез. Видя такую космическую перспективу, о. Александр старался для каждого человека раздвинуть рамки того мира, в котором он живет. Ведь наше «я» не ограничивается только телом и душой, вокруг нас есть близкие и дальние, город, страна, мир, вселенная. Этот вселенский масштаб бытия не подавлял, а окрылял, давал воздух свободы. И взаимоотношения с самим собой, близкими, всем творением выстраивались в единую красивую гармоничную картину, в которой каждый находил свое место и свое призвание.

Подмосковное село под названием Новая Деревня, где служил о. Александр, несмотря на захолустность места, можно сказать, было, благодаря ему, одним из европейских центров, потому что сюда приезжали люди не только из балтийских республик, но со всего мира: из Франции, Бельгии, Италии и других стран, даже из Америки. Отец Александр вел переписку с людьми со всего мира. Сейчас трудно представить, что в советское время при железном занавесе такое было возможно. Конечно, это не нравилось властям, такая степень свободы была вызовом для них. За отцом Александром была постоянная слежка, прихожанам Новодеревенской Сретенской церкви нужно было соблюдать строжайшую конспирацию: лишнего не болтать, толпами не ходить, книги открыто не передавать и т.п. И, тем не менее, при всем этом Новая Деревня была островком Европы, островком мира, – вопреки всему, потому что здесь служил о. Александр.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

Так писал Борис Пастернак, и это в полной мере относится к о. Александру.

Мераб Мамардашвили в статье «Проблема человека в философии» утверждает, что связка истории и человека определяет нашу современность, то есть определяет нас как принадлежащих к христианской культуре и христианской традиции... «Вам прекрасно знакомо ощущение истории как сцены, драмы человеческого существования, моментами которой является апокалипсис, моментами которой является эсхатологическая нота, то есть нота исполнения того, что должно исполниться, исполниться до конца, нота “пребыть до конца”. Это есть основное ощущение европейского человека в той мере, в какой европейская культура не является одной из культур над другими, а является каким-то другим срезом человеческого бытия, в том смысле, что Европа не есть географическое понятие, Европа может быть в Гонконге и может не быть в Москве»².

Сегодня, когда говорят, что Россия не Европа, и мы видим, что страна и впрямь погружается во тьму ордынского ига, я вспоминаю о. Александра, который был европейцем в самом глубоком смысле этого слова. Возможно, одним из немногих, но он и эти немногие сделали очень много для того, чтобы Россия вернулась в Европу, и нам нужно следовать им.

Москва, январь 2023 г.

² Мамардашвили Мераб. Проблема человека в философии // Мамардашвили М. Необходимость себя. – Москва: «Лабиринт», 1996. С. 358.

Адриано дель Аста

Адриано дель Аста родился в Кремоне (Италия) в 1952 г. Философ по образованию, он изучал, в частности, религиозную философию и русскую литературу XIX и XX веков; специализировался на Достоевском, Соловьеве, Бердяеве, М. Булгакове, И. Бабеле и А. Солженицыне. Член класса славистики в Амвросианской академии в Милане, с 2010 по 2014 год работал в Москве директором Итальянского института культуры. В настоящее время он является профессором русской литературы и культуры в Католическом университете г. Брешии. Он написал более 200 научных статей. На русском языке он опубликовал, в частности, книгу «В борьбе за реальность», Киев 2012 г.

ЕДИНСТВО ВЕРЫ И РАЗУМА

Видение отца Александра Меня

Позвольте мне начать с личного воспоминания. Это все еще был Советский Союз, было яркое, но морозное зимнее утро, снег блестел; я нес тяжелый рюкзак, полный книг, все – более или менее запрещенные, классический «тамиздат» для многочисленных русских друзей, ожидавших меня. Я был молод, но путь был утомительным. В конце концов, совершенно измученный, я добрался до церкви, в которой служил отец Александр Мень, вошел внутрь, и тут же мои очки запотели: я уже ничего не видел, я потерялся; в этот момент кто-то взял меня за руку, и я услышал голос (голос старой подруги, ныне покойной), который сказал: «Не волнуйся, Адриано, ты дома».

В церкви у отца Александра вы всегда были как дома: вы приезжали к нему, и он встречал вас так, как будто только вас и ждал, а потом, когда к нему выстраивалась очередь людей, ожидающих встречи, он уделял вам такое внимание, что вы чувствовали себя в центре мира: вы больше не были одиноки и понимали, что, то, что вы делаете (пусть немногое), это важно, и сама ваша жизнь – важна.

Я думаю, это первое, о чем нужно помнить сегодня, когда жизнь человека, кажется, больше ничего не стоит, и когда этот нигилизм оправдывается на религиозной почве, а вера используется для утверждения чего-то совершенно неразумного: Для отца Александра, напротив, каждый человек был носителем «непреходящего смысла жизни», потому что он был связан «с высшим Началом»; все в нем определялось этим тесным союзом между «непреходящей» вечностью и миром смыслов, между миром Начал и жизнью, которая не умирает; Его личный религиозный опыт характеризовался этим единством, которое породило образ мыслей и действий и которое, вокруг этой жизни, породило «дом», где каждый чувствовал себя желанным гостем, «дом», где меня радушно приняли и где, по словам поэта, проходя «по февральскому снегу», ты попадаешь «в тот единственный дом, где с куполом синим не властно соперничать небо» и понимаешь, как сказал отец Александр, что «религиозная жизнь выходит за пределы индивидуального опыта и требует Общины, в недрах которой совершается встреча с Богом, встреча со Христом».

Вот и все: вера – это встреча человека «с Богом, встреча со Христом», и в этой встрече человек обретает единство со своими братьями, единство, которое не

могут аннулировать никакие политические, религиозные или культурные соображения.

Чтобы поговорить с вами о единстве веры и разума, о том, как отец Александр понимал это, и о том, что это понимание отношений между верой и разумом делало его особенно близким к Западу, я начал с очень небольшого его текста: это было *У порога храма* – введение к первому русскому переводу (под редакцией «Христианской России») книги отца Луиджи Джуссани, основателя одного из самых известных современных католических движений – «Общение и освобождение»; на итальянском языке книга называлась *Il senso religioso* (буквально Религиозное чувство). Мы дали отцу Александру прочитать этот перевод и спросили, не согласится ли он написать введение, и он сразу же с энтузиазмом отнесся к нашему предложению: для него тоже эта была привилегированная и центральная тема, о чем он ясно говорит с первых строк своего введения: «Хотя книга посвящена религии, читатель не найдет в ней попыток передать мистический опыт или размышления об этом опыте [...]. Задача Л. Джуссани иная. Скорее, философская, чем богословская. Медленно и бережно ведет он нас по ступеням к преддверию Храма и лишь в конце переступает его порог. Ведет, вооружившись рациональным методом. Призывает не отрекаться от разума – великого дара Божия, – а употребить все его силы для приближения к последней Реальности».

Первое русское издание вышло, однако, в 1991 году под другим названием, возможно, несколько вольным, но, тем не менее, имеющим то достоинство, что оно сразу же давало понять, каково одно из центральных

содержаний книги: Реальность, разум и религия; как раз разум и религия: то есть, наша тема.

Именно этот метод, характеризующийся единством веры и разума, покорил меня много лет назад (в начале 1970-х годов), когда я тоже прочитал книгу отца Джуссани и благодаря ей вернулся к вере; и именно этот метод я заново открыл для себя как характерный для русской культуры, которая вместе с Соловьевым научила меня тому, что «Если задача философии заключается в том, чтобы установить общую связь всего существующего, и если все существующее сводится к божественному и материальному (природному) началу, то задача философии определяется ближайшим образом так: установить внутреннюю связь между началом божественным и началом материальным»¹: то есть восстановить во всей силе единство веры и разума; это существенное единство для человечества, даже если оно часто забывается.

Это было открытие заново отношения между разумом и верой, которое, вместо того чтобы противопоставлять их друг другу (как это часто случалось на Западе), заставило их взаимодействовать; а затем, благодаря этому сотрудничеству, сделало возможным преодоление двух пороков, в которые впадает современная культура, когда пытается ответить на проблему смысла жизни, отвергая это единство веры и разума. Эти два порока - то, что мы можем назвать скептицизмом

¹ Соловьев В. С. Письма к А. А. Кирееву // Собр. соч. в 12 тт. (в шести книгах) и Письма и Приложение в 4 тт. (в одной книге). Фототипическое издание, 1966–1970 гг. – Брюссель: Жизнь с Богом / Письма и Приложение, т. II – Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 98.

и нигилизмом, и о чем отец Александр говорит в своем введении: «Есть лишь три основных ответа на вопрос о смысле бытия. Первый – сводится к скепсису, к отказу от возможности разгадать загадку жизни, постичь Истину.

Второй [то, что я назвал нигилизмом] – утверждает, что бытие – это слепой, абсурдный, по сути дела, бессмысленный процесс.

Третий ответ [как мы уже слышали] дает религия. Она утверждает реальность непреходящего смысла жизни, связывая человека и мир с высшим Началом».

Есть еще два очень важных момента, которые отец Александр подчеркивает в этом коротком введении.

Во-первых, говоря об этом единстве, он напоминает нам, что оно является плодом общей традиции, которая является христианской и которая, несмотря на все наши разделения, является общей как для Востока, так и для Запада. Что касается присутствия у о. Джуссани метода св. Фомы Аквинского (который часто представляется как одна из точек разделения и отчуждения между западным католическим менталитетом и менталитетом, характерным для православия), отец Александр предостерегает нас от такого подхода, говоря, что «нам, православным, не следует забывать, что богословский интеллектуализм Аквината коренится не только в Аристотеле, но и в учении преподобного Иоанна Дамаскина». Знание истории без предрассудков должно было бы заставить нас пересмотреть многие реконструкции, которые долгое время считались неоспоримыми и которые на самом деле являются лишь результатом предубеждений. Достаточно вспомнить, например, что, конечно, существует традиция (восточная), которая учит

нас, что Христос есть «свет разума», а Запад не реагирует на эту традицию отрицанием ценности Христа, но идентичным возвеличиванием единства между верой и разумом, согласно формулировке, найденной в *Summa Theologiae* (I,1,8 ad 2) св. Фомы, согласно которой: «благодать не разрушает природу, но приводит ее возможности в исполнение: “*gratia non tollit naturam, sed perficit*”».

Второе, о чем напоминает нам отец Александр, говоря о единстве веры и разума, заключается в том, что это не абстрактное, чисто концептуальное единство, а нечто живое, предельно конкретное: это просто, по словам отца Александра, «встреча со Христом», с Его реальной личностью, а не с рядом доктрин, наставлений, канонов или идей (как часто можно поддаться искушению верить). Не случайно поэтому, желая передать то, что казалось ему, возможно, главным, в книге Джуссани, отец Александр сам предложил название, в котором на первый план выдвинуто само понятие реальности: «Реальность, разум и религия».

И здесь единство между двумя традициями, между верой и разумом становится еще более очевидным и плодотворным, потому что Христос, если Он не сводится к идее или законам (то есть к многими критикуемому католическому легализму), должен быть конкретным и реальным присутствием, и это условие реализуется только в Церкви, потому что, как сказал Соловьев (в книге *Духовные основы жизни*), «Бог не имеет для нас реальности без Христа Богочеловека; но и Христос не может быть для нас реальным, если он остается только историческим воспоминанием: Он должен открыть нам Себя не только в прошлом, но и в настоящем; и это

настоящее откровение должно быть независимым от нашей индивидуальной ограниченности. Эта реальность Христа и Его жизни, не зависящая от наших личных ограничений, дана нам в Церкви»².

Почти те же слова мы находим в другом тексте отца Джуссани, где, чтобы прояснить, каковы для него причины подлинного сближения между двумя традициями, он определил их именно «в одной и той же концепции Церкви. Церковь как присутствие Христа в Его Мистическом Теле. Поэтому как присутствие, уже действующее в мире, спасение мира. Эта концепция четко прослеживается у Соловьева. Церковь как Мистическое Тело является первой формой нового человечества, рожденного в результате искупления Христа. Церковь не тождественна Раю. Но это, конечно, таинственное, а потому сумеречное предвкушение его: как рассвет, который предшествует дню. Церковь – как инструмент нового благосостояния мира. На самом деле, Мистическое Тело не является ни чисто эсхатологической реальностью, ни лишней и абстрактной по отношению к истории. Вместо этого она является новым фактором, действующим лицом новой истории, в которой человечество обретает себя более полно. Мне казалось, что в Соловьеве я нашел подтверждение всему этому».

Конечно, все это может показаться нам очень далеким и абстрактным сегодня, когда Запад и Россия снова кажутся такими далекими друг от друга, когда разум кажется неспособным представить пути выхода

² Соловьев В. С. Духовные основы жизни (1882–1884) // Собр. соч. в 12 тт. (в шести книгах) и Письма и Приложение в 4 тт. (в одной книге). Фототипическое издание, 1966–1970 гг. – Брюссель: Жизнь с Богом / Собр. соч., т. III, 1966. С. 302–303.

из трагедии, свидетелями которой мы являемся, и когда вера даже используется для ее оправдания. Однако, если мы читаем еще раз Соловьева (*Краткая повесть об Антихристе*), у нас снова будет выход из скептических абстракций или нигилистического отчаяния, нам нужно только ответить на его провокацию: «“Странные люди! Чего вы от меня хотите? Я не знаю. Скажите же мне сами, вы, христиане, покинутые большинством своих братьев и вождей, осужденные народным чувством: что всего дороже для вас в христианстве?” Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: “Великий государь! Всего дороже для нас в христианстве сам Христос – Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно”»³.

Ответ на эту провокацию, очевидно, не предлагает нам автоматического или механического решения современной трагедии: по сути, это вызов нашей свободе. Как и в случае с Соловьевым, здесь вступает в действие то, что отец Александр считал одним из главных достоинств книги Джуссани: «Он уважает читателя-собеседника, доверительно впускает его в лабораторию своих идей. Делает соучастником напряженной и в то же время радостной и прекрасной работы мысли, – мысли, взыскующей Духа».

С полным осознанием своей ограниченности, но без отчаяния перед лицом зла истории, мы тоже должны включиться в эту работу мысли (разума), ищущей

³ Соловьев В. С. Краткая повесть об Антихристе // Собр. соч. в 12 тт. (в шести книгах) и Письма и Приложение в 4 тт. (в одной книге). Фототипическое издание, 1966–1970 гг. – Брюссель: Жизнь с Богом / Собр. соч., т. X, 1966. С. 212–213.

Духа (и плодов веры); остальное будет дано нам свыше. Как сказал недавно отец Алексей Уминский: «Христос не просто говорит “Ищите правду, – но говорит, – ищите Царства Божьего и правды его”. И когда мы говорим: “Блаженны алчущие и жаждущие правды”, – мы говорим не о земной праведности, не о разделениях между людьми, а о Божьей правде, которая в первую очередь является правдой Царства Божьего. Мы должны понять все это, молиться об этом и просить Бога послать нам свет, просвещдающий сердце, свет разума, дающий слова, – не слово убивающее, но слово исцеляющее»⁴.

*г. Сериате, Италия
Январь 2023 г.*

⁴ Цитата Алексея Уминского взята из его интервью, опубликованного только на итальянском языке. (Прим. авт.)

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник Владимир Лапшин

ПРОПОВЕДИ

26.09.2021. Литургия.

Ин 3:13–17

Гал 6:11–18

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня, в Неделю пред Воздвижением, в последнее воскресенье перед праздником Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня через литургические чтения Церковь напоминает нам нечто очень-очень важное для понимания христианства, для понимания самой сути его, самой глубины его – того, без чего христианства нет, и быть не может.

Ну, прежде всего, речь идет о том, что в центре христианства, в центре наших отношений с Богом стоит Христос. И никто другой стоять не может! Сам Господь говорит: «Никто не восходил на небо, как только Сын Человеческий, сшедший с небес». И никто не может взойти туда. Только Он. И тот, кого Он возьмет с Собой, кто будет рядом с Ним в этой жизни, в этом мире. Только в единении с Ним, в Теле Его, Церкви Христовой, мы можем взойти на небо. Только в Нем, только в Теле Его, только в Церкви Христовой мы можем молиться «Отче Наш». Только в Нем, в Сыне Божьем, и мы становимся детьми Божьими. Это первое.

Второе. Чтобы это было в нашей жизни, мы должны быть рядом с Ним. Как можно ближе. Еще лучше – просто в Нем. Сегодня мы уже вспоминали подвижницу ХХ века Екатерину Колышкину де Гук Дохерти,

которая говорила о Кресте, о Распятии, что эта сторона, лицевая занята, но сзади свободно. И там сзади место для каждого из нас. Ближе ко Христу уже быть просто невозможно. То есть без креста, без распятия этому миру христианство невозможно. И это очень важно понять. Мы очень часто даже в Церкви ищем чего-то. А Церковь существует для того, чтобы мы нашли не чего-то, а Кого-то. Чтобы мы нашли Христа. И чтобы мы смогли быть рядом с Ним. И вот это главное: поиск Христа, стремление быть рядом с Ним и память о том, что рядом с Ним – это значит быть распятым, рядом с Ним – это значит быть готовым жертвовать собой, своими интересами. Это то, о чем Господь говорит: «Отвергнись себя. Кто хочет следовать за Мной, – то есть „кто хочет быть со Мной, кто хочет быть рядом со Мной“ – отвергнись себя, забудь о себе, каждый день бери свой крест, возьми свой крест и следуй за Мной».

Вот это – христианство. Всё остальное – это подмена, всё остальное – это некий суррогат, это некие эрзацы. Христианство именно в этом – быть со Христом и вместе с Ним взойти на небо. В Нем, с Ним, рядом. Давайте задумаемся об этом. Потому что это самое главное. Именно поэтому и Павел пишет вот в том отрывке из Послания к галатам, который мы сегодня слышали, что «я не хочу хвалиться». В этом мире всё, даже религию, хотят использовать для побед, для того, чтобы было чем хвалиться. Кто-то хвалится победами, кто-то хвалится богатством, кто-то хвалится какими-то своими достижениями… А Павел говорит: «А я ничем не хочу хвалиться, если только крестом Господним, которым мир для меня распят, и я для мира». Вот это – христианство.

Давайте задумаемся об этом. Потому что мы очень легко называем себя верующими, мы очень легко

называем себя христианами, но есть ли это в нашей жизни? Так ли это на самом деле?

Да хранит вас Господь!

Воздвижение Креста Господня.

27.09.2021. Литургия.

1 Кор 1:18–24

Ин 19:6–11; 13–20; 25–28; 30–35

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами празднуем Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Праздник не просто великий – праздник, стоящий в одном ряду с такими праздниками, как Преображение, Вознесение, Рождество, Сретение... Это двунадесятый праздник. Но праздник этот, что называется, со слезами на глазах. Иисус Христос – Сын Божий, свидетельство любви Божией. Боговоплощение – это свидетельство любви Божией. Иисус Христос – это сама любовь Божия, явленная к этому миру, человеку. И вот этим праздником Церковь напоминает нам о том, что мы, люди, сделали с этой любовью: как мы над ней издевались и убили её, распяли.

В христианстве есть такое понятие как «искупительная жертва». Иисус Христос – это жертва, это искупительная жертва. Часто люди спрашивают, а кому эта жертва, кто кому что жертвует? Неужели Бог нуждается в этой страшной кровавой жертве? А если не Бог, то кто? Неужели Бог, Иисус Христос приносит эту жертву дьяволу, чтобы выкупить нас у него? Нет, родные мои, это другое. Как бывает в любви? Когда мы здесь, на земле, кого-то любим, когда мы любим друг друга,

мы всегда готовы жертвовать, мы всегда чем-то жертвуем – чтобы тому, кого мы любим, не помешать, чтобы тому, кого мы любим, было хорошо. Любовь – это всегда жертва. И Бог именно так любит человека! «Бог так возлюбил этот мир, что отдал Сына Своего», – читали мы буквально вчера эти слова Евангелия. То есть это жертва Бога человеку. Это свидетельство, доказательство Его любви к нам.

И вот встает вопрос: а чем мы отвечаем на эту любовь, что мы с ней делаем? Да, может быть, мы не так жестоки, как те, кто когда-то, две тысячи лет назад, реально распяли Иисуса Христа. Но ведь мы, в общем-то, делаем почти то же самое. Чем мы отвечаем на эту любовь? Чем мы готовы жертвовать в ответ на Его жертву? А если ничем? Если мы ничем не жертвуем, если мы ничего не делаем, чтобы на любовь ответить любовью, – то не убиваем ли мы эту любовь, не распинаем ли мы ее вновь и вновь? Вот в чем вопрос.

Вот, что это за праздник, дорогие мои.

Давайте задумаемся об этом.

И да хранит вас Господь!

Собор Архистратига Михаила.

21.11.2021. Литургия.

Гал 6:11-18.

Лк 8:41-56

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Обычно, когда мы читаем евангельский рассказ об исцелении кровоточивой женщины и о воскрешении дочери Иаира, мы говорим именно об этом –

о безграничной любви Господа Иисуса. Но сегодня я хочу связать евангельское чтение с апостольским зачалом. Хотя кому-то на первый взгляд может показаться, что ничего общего между ними нет. Апостол Павел пишет галатам, что может и готов хвалиться только Крестом Иисуса, Крестом Господа, которым мир для него распят. «И я для мира». Мы знаем, эта тема присутствует в разных посланиях у Павла, разными словами он говорит: «Я сораспялся Христу, я умер для мира», «Я умер для Закона и сораспялся Христу, чтобы жить для Бога» и так далее. Он очень часто говорит об этом «сораспятии Христу». Но что это значит? Что это значит в жизни самого Павла? Он ищет славы только для Господа. Ничего для себя, все для Бога в служении людям. Мы можем вспомнить его слова, когда он призывает своих учеников: «Подражайте мне, как я Христу». В другом месте он призывает плакать с плачущими, радоваться с радующимися. О себе он говорит: «Я был всем для всех, чтобы спасти хоть некоторых». Вот это – отречение от себя. И мы можем вспомнить сразу слова Иисуса: «Кто хочет следовать за Мной, отвергни себя». Отвержение себя! «Бери свой крест и иди за Мной».

Вот суть христианства – сораспяться Христу, быть Его свидетелем здесь, в этом мире, жить так, чтобы ничего для себя, но все для Бога. Это не значит, как мы уже говорили сегодня перед литургией, что мы должны полностью отказаться от личной жизни, что у нас не должно быть семьи, работы, карьеры или материально-го благополучия. Нет, речь не об этом. Но жить надо ради служения Богу, ради славы Божией в этом мире. А все остальное приложится. И мы видим, что Иисус дает нам пример такого самоотвержения, самоотречения.

То есть, Он жертвует Своим имиджем, Он жертвует Своим положением в обществе.

Ну да, эта женщина прикоснулась к Нему без Его ведома, но Он ее не ругает. Он ее не обличает, Он говорит ей: «Дерзай, дщерь, вера твоя спасла тебя». Мы много раз говорили о том, что это значило в то время. Она должна была быть побита за нарушение Закона, Он должен был ей об этом сказать. Но Он ничего такого не говорит ей. Его Самого могут обвинить в отсутствии благочестия, в нарушении Закона.

Он идет к начальнику синагоги Иаибу, – очевидно, книжнику или фарисею, хотя и те, и другие уже преследуют Иисуса, уже они думают о том, как избавиться от Него, от этого конкурента в проповеди. Но для Него это ничего не значит, Он ничего для Себя не хочет. Он готов пожертвовать всем Своим ради того, чтобы нести любовь – во имя любви Божьей к человеку, во имя любви Его Собственной ко всему творению. И мы знаем о том, что в конце концов Он пожертвует не только Своим имиджем, не только Своим положением, Он пожертвует Собой, Своей жизнью человеческой. Он отдаст ее на Кресте для того, чтобы Бог прославился в этом мире, для того, чтобы мы могли жить славой Божией, любовью Божией. Но и мы тоже к этому призваны!

Сегодня мы совершаем праздник в честь Архистратига Михаила и всех небесных сил бесплотных. Вот подлинно те, кто – ничего для себя и все для Бога! Они настолько прозрачны, они настолько отвергли себя, что у них не осталось ничего, все только Божие, все только ради Бога. И в этом они тоже для нас пример. А тот ангел Божий, который захотел что-то для себя, чего-то своего, – мы знаем, что он стал падшим ангелом, он

стал противником Божиим, он стал тем, кого мы называем сатаной. И в нашей жизни так тоже может быть. Когда мы живем для Бога, когда мы живем для других, мы становимся ангелами, вестниками Божиими здесь, в этом мире. Когда мы живем для себя, только все под себя – мы становимся противниками Божиими. Мы не называем обычно так людей, мы не говорим, вот, сатана... Но по сути – это тоже самое.

Давайте задумаемся об этом. Потому что мы очень легко называем себя христианами, мы очень легко называем себя верующими. Но являемся ли мы таковыми на самом деле? Хорошо, если мы хотя бы сознаем, что у нас этого еще нет, но мы очень хотим и стремимся к этому, и молимся об этом, и просим об этом. Тогда, может быть, что-то действительно изменится и произойдет в нашей жизни. Хотя бы, может быть, в самом конце ее. Но если этого нет вообще, если мы этого даже не видим, не осознаем и не понимаем, и в церковь ходим для себя, чтобы нам было хорошо, тогда это против Бога.

Да хранит вас Господь!

28.11.2021. Литургия.

Еф 2:4–10

Лк 10:25–37

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Каждый раз, читая притчу о милосердном самарянине, этот евангельский рассказ, я испытывал чувство смущения. Какое-то внутреннее противоречие, как мне казалось, здесь есть. Но я как-то до конца это не додумывал. А сегодня решил все-таки разобраться. Ведь

смотрите, действительно, получается – этот человек, законник, спрашивает: «А кто мой ближний?» – то есть, – кто мой ближний, кого я должен любить, кому я должен делать добрые дела? К кому я должен быть, так сказать, милостивым, добрым, любящим и так далее? А в конце притчи мы получаем такой ответ: «Как ты думаешь, кто был ближним попавшему в руки разбойников?» – «Тот, кто сотворил ему милость». То есть ближний тот, кто делает мне хорошо, кто милостив ко мне, кто любит меня. И любить ближнего – это значит любить того, кто тебя любит, кто тебе делает добро, быть милостивым к тому, кто к тебе милостив, и так далее. Вот каков прямой, буквальный смысл этой притчи получается. «Иди и делай так».

Ну, а как же тогда Нагорная проповедь? «Что вам пользы, если вы любите любящих вас и творите добро творящим добро вам? А Я говорю вам: «Любите врагов ваших и добро творите тем, кто делает вам гадости», – и так далее. Значит, смысл притчи не в том, чтобы как-то подтвердить понимание ближнего этим законником – он занимается тем, что постоянно просеивает окружение, выискивая, «кого я должен любить, кто мой ближний». А смысл притчи в том, что «ты не выискивай, кого ты должен любить, не выискивай, кто твой ближний – ты сам стань ближним тем, кто нуждается в твоей помощи, кто нуждается в твоем доброе».

Мы тоже постоянно просеиваем: вот этот мне ближний – а этот дальний, мы делим людей: вот этот хороший – этот плохой. Хорошего – его можно как-то и ближним считать, а эти – нет, эти – дальние... Вот ты сам стань ближним. Не выискивай, кто тебе ближний, – ты сам стань ближним ко всем, кто нуждается в твоей помощи, в твоей доброте, кто нуждается в твоей любви.

Собственно, об этом же говорит и апостол Павел в Послании к эфесянам – что в Иисусе Христе мы созданы Богом на добрые дела. Это наше призвание, это наше предназначение здесь, в этом мире.

Давайте задумаемся, и да хранит вас всех Господь!

08.12.2021. Литургия.

2 Фес 2:1–12

Лк 18:15–17; 26–30

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Я понимаю, что вам, конечно, больше хотелось бы поговорить об апостольском отрывке, из Послания апостола Павла к фессалоникийцам, – о человеке греха, о сыне погибели, о беззаконнике, который должен восстать и соблазнить всех людей, повести за собой. Но, мы об этом уже как-то говорили и на самом деле и к этой теме нужно относиться осторожно. Послание к фессалоникийцам многие библеисты, многие ученые считают одним из первых христианских писаний. Еще не были написаны Евангелия, еще, возможно, не было Дидахе, учения апостолов, еще не было всех остальных посланий. Еще не разработано христианское богословие. И все темы, которые здесь затрагивает Павел, – они достаточно проблемные, скажем так, даже – скользкие. И время тогда было апокалиптическое. Ждали, что вот со дня на день – конец света, со дня на день второе пришествие Христа. Но ведь Господь предупреждал, что должны быть знамения с небес и вообще какие-то возмущения, и глады, и моры. Значит, кто-то должен был все это устроить!

И вот эти мысли, они держали людей, и многие считали, что уже наступило это время. И Павел предупреждает фессалоникийцев, чтобы они не впадали в эти настроения, чтобы они осторожно принимали такого рода известия, не поддавались панике. В том же Первом послании к фессалоникийцам, Павел пишет: «Я хочу, чтобы вы жили тихо, работая своими руками». Почему? Да потому что многие просто носились по домам, из дома в дом и только кричали об этом конце света, ждали всех этих знамений. Ну вот как у нас сейчас в связи с пандемией. И спорят, ругаются. Весь фейсбук переполнен этим. Такое ощущение, что больше по-говорить не о чем. И вот тогда примерно то же самое было. Почему Павел говорит: «Я хочу, чтобы вы тихо, спокойно жили. Не дергайтесь, не слушайте вообще всё это. Не поддавайтесь»?

Ну что можно сказать о человеке греха, о сыне погибели? В то время под этим «противником» можно было понимать любого римского императора. На протяжении истории – любого тирана, любого диктатора. Тайна беззакония – она на самом деле уже в действии, она две тысячи лет действует, она и сегодня действует. И неважно, как выглядит этот сын погибели, человек греха и беззакония – мы видим, что это беззаконие творится. Страшно другое: как выглядят те, кто принимает всё это. И вот тут стоит посмотреть вокруг себя. А может быть, и на себя тоже. Ведь как легко мы верим всякой лжи, как легко мы верим всякой пропаганде! Тому, что исходит из телевизора, из интернета. И люди ведь всё это проглатывают, всё это принимают. И начинают поддерживать. Потому что, как правило, всё это отвечает каким-то человеческим настроениям. Если мы

сами постоянно выкручиваемся, обманываем, то и ложь других мы тоже принимаем. И мы можем даже понимать, что это неправда. Но мы ее всё равно принимаем. Мы все понимаем – но принимаем.

Но давайте об Евангельском отрывке поговорим. Мы много раз в году читаем о том, что «если не станете как дети, если не примете как дети Царство Божие, не войдете в него». И мы каждый раз задаемся вопросом, что же в детях такого, чего нет в нас. Здесь очень много всяких мыслей и рассуждений, например, часто говорят о детской невинности, о детской чистоте... Но на самом деле этого нет, нет какой-то особой детской невинности. Мы знаем, как дети дерутся, как дети отнимают друг у друга игрушки – какая уж тут невинность или чистота?! Как ребенок, младенец, он еще, может быть, не понимает ничего – ну да, в каком-то смысле он невинен, потому что у него еще и совести-то нет никакой, одни только животные инстинкты, – как он мать кусает, делает больно еще кому-то. Он невинен, потому что он не понимает.

Но не это же, наверное, Господь имел в виду? Что мы, взрослые, должны стать такими – кусаться, царапаться, и при этом чтобы совесть не мучила. Речь-то, наверное, не об этом. Что же в детях такого, чего нет у нас? А вот эта беззащитность. У них, в общем-то, нет ничего своего. Им нечем защититься, они полностью зависят от кого-то. И Господь имеет в виду именно это. И, еще в этом же отрывке мы читаем: «Кто не оставит дом, или отца, или мать, или братьев, сестер и не последует за Мной, тот <...> недостоин Царства». Многие часто говорят: «Ну как, неужели Иисус проповедовал бросить семью, жену, детей?» Да не об этом речь идет.

Семья, дом, родство, земля – это всё средства защиты, это всё средства того, на что я мог бы положиться, чем загородиться, защититься. А Иисус призывает к тому, чтобы быть готовым отдаваться в руки Божии, не надеяться ни на что. Как вы помните, заповедь Авраама, первую заповедь, где Господь говорит: «Выходи из дома отца твоего, и из родства твоего, и из земли твоей и иди в землю, в которую Я тебе укажу». И он оставляет всё и идёт «поди туда – не знаю куда», что называется, как у нас в сказках русских, «принеси то – не знаю что».

Вот чего Господь от нас ждет – полного доверия к Нему, чтобы мы могли абсолютно довериться Ему. А мы всё время хотим отгородиться, мы всё время хотим какую-то ограду, броню вокруг себя поставить. Вспомним, кто первый строитель городов? Каин. Он первый строит город. Это, с одной стороны, попытка обезопасить себя от людей – но, с другой стороны, это и желание закрыться от Бога тоже. То есть когда мы воздвигаем вокруг себя какие-то ограды, когда мы воздвигаем вокруг себя эту броню, защиту, казалось бы, с точки зрения этого мира – так. Но с точки зрения правды Божьей – совсем по-другому. Мы помним, что именно Каин – первый строитель города. А первые праведники, все, кого мы называем, тот же Авель, потом и Авраам, которого мы сегодня уже упоминали, и многие-многие другие... и Давид-пророк и многие-многие – они не строят городов, они не живут в городе. Они живут в чистом поле, как пастухи. Они спят под звездным шатром и отдают себя в руки Божии. Они полностью предают себя в руки Божии.

Вот чего Господь ждет от нас: доверия. И этот человек греха, сын погибели, беззаконник, о котором мы читали сегодня в Послании к фессалоникийцам, – он

как раз и будет это предлагать... Чем соблазнять будет людей? Чем соблазнял, соблазняет, и будет соблазнять? Стабильностью, материальным благополучием, победой в войне и так далее. Защитой от всех врагов, и внешних, и внутренних. Как раз вот это и есть ложь, которую люди с радостью принимают. Давайте задумаемся об этом.

И да хранит вас Господь!

Богоявление.

19.01.2022. Литургия.

Тит 2:11–14; 3:4–7

Мф 3:13–17

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Уже в Неделю пред Богоявлением, в преддверии праздника, мы с вами говорили о том, что, к сожалению, в народном церковном сознании утратилось понимание значения этого праздника, смысл этого праздника. Когда-то праздновалось именно Богоявление. Сегодня мы вспоминаем в основном лишь о Крещении: Крещение Господне. Для многих это воспоминание проявляется в том, чтобы бухнуться в какую-нибудь ледяную купель; многих привлекают эти массовые экстремальные купания; для кого-то самое главное – освящение воды, «взять воду». Сейчас стало поменьше народу в храмах, а когда только начиналось мое церковное служение – еще в качестве алтарника, чтеца, дьякона, – храмов было мало в Москве, и я помню: длинную очередь в храм Знамения у метро «Речной вокзал». Где-то около километра тянулась эта очередь людей за водой.

В храме специально нужно было протягивать канаты, устраивать дорожки, чтобы люди не подрались из-за этой воды. Конечно, мы и сегодня в Евангелии читаем о крещении Иисуса Христа и размышляем о том, что там произошло, на Иордане. Но важно даже не то, произошло – важно не забывать, зачем это произошло. Ведь в отпусте всех Господских праздников мы говорим «нашего ради спасения», и сегодня мы в конце литургии будем произносить: «Иже во Иордане крестившися изволивший от Иоанна нашего ради спасения...» То есть всё это нашего ради спасения. А что такое спасение? Что произошло? Господь Бог являет Себя миру, это именно Богоявление. Не просто Крещение. Крещение – это одно из событий евангельской истории. Бог являет Себя миру, Он входит в этот мир, Он освящает человеческую природу. В день Богоявления Он сходит в воды Иордана и освящает водную стихию, которая является источником жизни. Мы знаем, что без воды ничего живое существовать не может. И вот Он освящает этот источник жизни, тем самым освящая само бытие, саму жизнь освящая. Он – свет, который приходит в этот мир. Но Он и освещает, и освящает.

Но сегодня мы – Его Тело. Мы только что пели: «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». Мы облеклись во Христа, Христос облекся в нас. И сегодня мы должны быть освящением этого мира. Часто спросишь у людей, зачем эта вода? «Ну, чтобы быть здоровыми». «Ну, чтобы освятить дом». А зачем освятить дом? Мы сами должны были бы быть освящением и дома, и этого мира. Мы должны нести свет людям, мы должны быть присутствием живого Бога в мире. Мы всё это забыли. В нас осталось чисто потребительское

отношение к Церкви, чисто потребительское отношение к Таинствам. Ведь вот только что молились: «Освяти наши души и телеса». И Он освящает. Каждый раз, совершая Евхаристию и причащаясь Святых Христовых Таин, мы освящаемся, мы обоживаемся. И мы должны нести этот божественный свет, эту благодать, эту радость бытия в мир. Мы должны давать, отдавать, мы должны быть проводниками этой Божьей славы, Божьей силы, Божьей любви, Божьей радости. А нам самим всего этого не хватает. Почему? Да потому что мы всё забыли. Всё забыли и вспоминать не хотим. Нам не хочется принимать на себя ответственность, нам не хочется быть этими проводниками – нам хочется быть потребителями. Сейчас иногда говорят о «критике современного образа жизни», о том, что мы живем в эпоху потребления, что мы только потребляем. И в духовном смысле эта эпоха потребления наступила уже давно. Мы, вместо того чтобы производить что-то, вместо того чтобы передавать что-то в мир, нести, освящать этот мир, – мы ищем, что бы самим потребить. Мы должны были бы превращать этот мир в Царство Божие. Помните, Господь говорит: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них»? А где Господь, там и царство Божие. Сегодня мы – представители Господа в этом мире. Сегодня мы – Господь. Сегодня мы – Тело Христово. И где мы, должно быть явлено Царство Божие. А мы всё смотрим по сторонам: где же оно, где же?.. Вот такие мы христиане...

И главный смысл этого праздника – напомнить нам об этой благодати, которую мы приняли в Церкви, которую мы приняли в христианстве, которую мы приняли в своем крещении. Напомнить о той силе, о той

славе, о той благодати, которая даруется через Богоявление нам. Вспомнить об этом: кто мы, зачем мы на земле, чего Господь ждет от нас, для чего мы стали христианами. Вот смысл праздника. А не просто – чтобы окропиться водой и продолжать жить дальше также, как мы жили до сих пор. Новая жизнь, освященная жизнь. Жизнь в Боге, с Богом, для Бога.

Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

Неделя о Закхее.

06.02.2022. Литургия.

1 Тим 4:9–15

Лк 19:1–10

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Уже неделю назад, в прошлое воскресенье, мы с вами говорили, что теперь каждый воскресный день, каждое литургическое чтение воскресного дня, а прежде всего евангельские, будут нам напоминать о приближении Великого поста. Начались так называемые подготовительные недели – к Великому посту. О Великом посте, о посте вообще мы с вами не раз, опять же, говорили, что пост – это школа христианской жизни. Жизни, которая начинается с покаяния. Это школа подлинно той жизни, к которой призывает нас Господь. К жизни в любви, в радости, в братском общении. И Великим постом мы именно этому и будем учиться. Но начинается жизнь эта с покаяния.

Сегодня слово «покаяние» в нашем языке настолько затаскано, настолько затерто, что многие просто

перестали понимать, что это такое. В худшем случае, когда люди приступают к Таинству Покаяния, рассказывают о том, какие гады – соседи, о том, какие плохие дети, неблагодарные. Или о своих болезнях, о том, как плохо спали, о том, как тяжело жить на этом свете и так далее. В лучшем случае – люди рассказывают о том, какие они нехорошие, признают свои ошибки. Но это не покаяние. Да, покаяние может начинаться с этого – с осознания своего недостоинства, с осознания своей какой-то несостоительности в этом мире, в этой жизни. Но это еще не покаяние. Покаяние – это обращение, это поворот на сто восемьдесят градусов, это изменение всей своей жизни. Изменение сознания, менталитета. Мне не раз приходилось говорить о том, что, для того, чтобы покаяться, подлинно покаяться, нужно, «мозги перевернуть». Слово «покаяться» означает «свихнуться». Нормальный, с точки зрения этого мира, человек покаяться не может... Покаяние подразумевает некое сумасшествие. Это полный переворот. В прошлый раз, неделю назад, мы с вами говорили о том, что покаяние, подлинное покаяние требует огромного мужества начать новую жизнь. И ответственность, принятие на себя ответственности. Обычно человек живет, стараясь переложить ответственность на других, стараясь как можно меньше себя обременять какими-то... ответственностями, скажем так. А покаяние подразумевает принятие на себя ответственности – за свою жизнь, за свои поступки... за всё то, что стоит перед нами впереди. Это очень важно.

Сегодняшний евангельский рассказ, – рассказ о Закхее, показывает нам, что такое истинное покаяние. Вот этот человек жил для себя, когда всё – только вокруг себя. И тут он впервые, может быть, в жизни вспомнил

о людях. О тех, кого он обидел, кого он обобрал и так далее. То есть, он обернулся, произошло именно обращение, поворот на сто восемьдесят градусов. Раньше он был обращен весь на себя, а теперь он посмотрел на Бога, Который вошел в его дом, в его жизнь, и на людей. Вот это – покаяние.

В принципе, все люди живут ради любви. Жизнь, к которой мы призваны, – это жизнь в любви. Все хотят любви. Но как правило, человек хочет любви для себя, любви к себе. И даже когда он любит кого-то рядом с ним – он любит, в конечном счете, себя, он любит этого человека, потому что «это мой человек». «Я люблю своих детей, потому что это мои дети. Я люблю свою жену, потому что это моя жена. Я люблю, своих родителей, потому что это мои родители... Это моё, моё, моё!» А полюбить «чужое», полюбить не потому, что это моё, а потому, что это Божие, – вот этому надо учиться. Именно к этому нас и призывает Господь.

Кто-то может сказать: «Ну а зачем? А почему?» Ведь это так естественно, так понятно – зачем ломать природу? Естественно, что человек любит то, что близко, то, что ему дорого.

Но Бог любит всех, Бог посыпает солнце и дождь на праведных и неправедных. И, как мы сегодня слышали в отрывке из Послания апостола Павла к Тимофею, Бог спаситель всех людей. В другом месте сказано: «Бог хочет, чтобы все спаслись». Он заповедал «любите врагов ваших». Вот именно этому мы и должны учиться, именно в этом и состоит суть христианской жизни. А начинается это именно с обращения, с поворота. С поворота сознания, с этой обращенности – от себя к Богу и к людям. Давайте задумаемся.

Да хранит вас Господь!

Сретение Господне.

15.02.2022. Литургия.

Евр 7:7–17

Лк 2:22–40

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В связи с сегодняшним праздником Сретения Господня я хочу обратить ваше внимание буквально на один момент. Старец Симеон узнаёт в Младенце, принесённом Матерью и Иосифом в храм, в этом Младенце совсем не богатых, можно сказать, даже очень бедных родителей, он узнаёт Мессию Божьего. Узнаёт в Нём Спасителя мира. В это время в храме, наверно, было много других людей. Вполне возможно, что и младенцев там тоже было много. Но вот Симеон именно в этом Младенце узнаёт Спасителя. Почему только он? Кто-то может сказать: ну да, и пророчица Анна ещё, дочь Фануилова. Ну, хорошо, почему она узнаёт, а другие нет? Она об этом возвещает, а другие дивятся, удивляются, думают: вряд ли... мало ли, что она там говорит, восемьдесят четыре года старушке. И прошли мимо.

Мы знаем, что и позже, когда Иисус выйдет на проповедь, кто-то будет в Нём узнавать Христа Спасителя, а кто-то будет проходить мимо. Кто-то будет просто равнодушен, а кто-то будет даже ещё заявлять, что Он совершает чудеса силой Вельзевула. Но то, что в Нём будут узнавать Христа, это объяснимо – Он совершает чудеса, Он совершает какие-то знамения. Там можно предположить что-то очень важное. А здесь – ничего, здесь просто младенец, завёрнутый в какие-то бедные тряпочки. Как увидеть в Нём Спасителя мира? И можно подумать, что это объясняется только одним: Симеон

жаждал этой встречи, он молил о ней Бога, он каждый день ради этой встречи приходил в храм. И он получил эту встречу! И дочь Фануилова Анна тоже ведь много десятков лет каждый день была в храме. И она, наверное, тоже ждала этой встречи, и поэтому узнала Его. А другие приходили в храм по каким-то своим нуждам. Кто-то приходил попросить здоровья, кто-то, может быть, приходил поблагодарить Бога за удачную торговлю, за большой, богатый урожай. Но приходили не ради встречи с Богом, а ради того, чтобы уладить какие-то свои дела. И поэтому просто они не видели, Кто это. Помните, сказано: ищите и найдёте – все чего-то ищут и, кажется, все чего-то находят. Но каждый находит то, что он ищет. Симеон искал встречи с Богом, Симеон искал, жаждал видеть Христа Господня, и он увидел Его. Другие искали что-то своё и, наверное, тоже получали. Получали удовлетворение каких-то своих религиозных потребностей, получали удовлетворение, осознание своей какой-то значимости, своего благочестия, ещё чего-то. Но они не искали встречи с Богом и потому не узнали Его, не увидели в младенце Спасителя.

Это, знаете, как весной бывает: кто-то смотрит на небо и видит, какое оно голубое, видит солнце, видит грядущую весну, а кто-то смотрит вниз и в подтаявшем снеге видит прошлогодние окурки, собачьи экскременты, вздувшуюся плитку. Тот, кто смотрит в небо, радуется встрече с небом, с солнцем, с весной, а тот, кто смотрит вниз, ворчит себе под нос, а может и не под нос, а громко и вслух по поводу того, что кругом грязь, кругом свинство, и что за люди вообще. Кто что ищет, тот это и находит. Здесь очень важное напоминание для каждого. Сегодняшний праздник – важное

напоминание для каждого: что мы ищем в христианстве? Что мы ищем в Церкви? Что мы ищем у Бога? А Бог, если мы ищем встречи с Ним, если мы ищем этой, действительно, Божьей радости, Божьего благоволения, Царства Небесного, обязательно дарует нам это. Да, Симеону пришлось очень долго ждать этого момента, ему пришлось очень много молиться. Но он получил желаемое. И мы получим, не знаем когда, но обязательно это будет. А если мы будем в церковь приходить только по своим каким-то делам, ради удовлетворения каких-то своих религиозных потребностей, то, в конечном счёте, всё главное может пройти мимо нас.

Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

Неделя о блудном сыне.

20.02.2022. Литургия.

1 Кор 6:12-20

Лк 15:11-32

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня Неделя о блудном сыне – ещё одна подготовительная к Великому посту неделя. Много лет, каждый год в этот день мы читаем с вами эту удивительную притчу из Евангелия от Луки, эту жемчужину Нового Завета. В ней – всё. В ней всё Евангелие, в ней весь Новый Завет – в этой притче. Здесь и богословие. Здесь и философия. Здесь и простая житейская мудрость. Здесь обо всем. Здесь о Боге. Здесь о человеческой неблагодарности, о человеческой гнили, скажем так. О прощении. О непримиримости. И о покаянии.

Удивительный образ покаяния. Мы много раз с вами говорили о том, что сегодня слово «покаяние» для нас почти ничего не значит – мы его не понимаем. Оно у нас затаскано, замылено, как и многие другие слова. И вот, чтобы немножко приблизиться к пониманию этого слова, я хочу обратить ваше внимание буквально на один момент. В притче Господь говорит, что младший сын «пришёл в себя». Будучи на чужбине, он «пришёл в себя». То есть, чтобы совершилось покаяние, нужно прийти в себя. Мы сегодня, современным языком сказали бы «опомниться». Этот сын опомнился вдруг. Он понял, что он потерял, чего он лишил себя, кем он мог бы быть – и кто он есть на самом деле. Он опомнился – и вот с этого начинается покаяние. Если мы хотим, чтобы в нашей жизни свершился этот акт, мы должны опомниться, прежде всего опомниться. А процесс покаяния – это возвращение. Возвращение к первозданному образу. Это возвращение в Отчий дом. Вот он – возвращается. Он идёт в дом к отцу. Он подготовил речь: «Отче, я согрешил пред небом и тобою. Я недостоин называться сыном твоим...». Но отец не хочет его слушать. Сын, младший сын хочет хотя бы рабом стать, хотя бы наёмником в доме своего отца. Но отцу наёмник не нужен, сын-наёмник не нужен. У него есть слуги. И это замечательный образ: Бог хочет каждого из нас видеть сыном Своим, Своим чадом. Слуги у Него есть, служители у Него есть: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы, престолы, начала, власти – там много служителей. А нас он хочет видеть Своими детьми. Сегодня, кстати, думая об этом, я поймал себя на том, как много раз я говорил неправильно: в нашей покаянной молитве, знаете, часто мне приходилось говорить

о том, что мы должны быть служителями Божиими. Да нет, нет, это неправильно. Служители у Него есть. Мы должны быть детьми Его. У нас должны быть семейные отношения. А мы именно хотим построить с Ним какие-то «деловые» отношения.

Кто-то пытается стать Его рабом, кто-то пытается стать Его наёмником, кто-то пытается выстроить с Ним партнёрские отношения: «ты – мне, я – тебе». Это всё не то. Если мы действительно хотим быть христианами, мы должны опомниться, мы должны понять, что мы созданы для того, чтобы быть детьми Божиими, и нам всё для этого дано. И если мы не становимся детьми Божиими, а становимся кем-то иным, но только не чадом Божиим, – это не христианство. Это самая страшная измена, подмена в нашей жизни. И необходимо осознать это, опомниться и вернуться. Вернуться к Отцу. Принять Его как Отца, чтобы Он смог принять нас – Своих детей. Чтобы Он смог возложить на нас ту лучшую, первую одежду, которая была когда-то у нас. Чтобы Он смог надеть каждому из нас на палец перстень в знак того, что мы разделяем с Ним власть. Если этого нет, если мы этого не поняли, если мы к этому не стремимся и ничего для этого не делаем, то наше христианство не начиналось ещё. Именно этому мы должны учиться Великим постом. Но быть Его детьми – это значит жить любовью. Это значит жить доверием. Вот как ребёнок живёт – он любит... в нормальной семье, я имею в виду. Да, конечно, бывают извращения и в семейной жизни. Но в нормальной семье ребёнок любит родителей, ребёнок любит отца, доверяет отцу. Вот именно этого ждёт от нас Господь. Но быть Его детьми – это значит быть братьями и сестрами друг

другу. Это значит любить и доверять друг другу, как тоже бывает в нормальной семье, когда сёстры, братья заботятся друг о друге, когда они доверяют друг другу, когда они принимают друг друга. Конечно, опять нужно оговориться, что бывают исключения. В этом падшем мире бывает всё, что угодно. Но Господь призывает нас быть действительно Его семьёй, Его домом. Мы можем вспомнить послания апостола Павла. Мы можем вспомнить послания других апостолов. Мы можем даже обратиться к Ветхому Завету: везде народ Божий – это Его дом, это Его семья. Стать Его семьёй. Стремиться к тому, чтобы быть достойными её. Стремиться к тому, чтобы открыться, довериться, чтобы это действительно стало Божией семьёй – и мы друг для друга должны быть семьёй. Только тогда это станет семьёй Божией, когда мы действительно будем братьями и сёстрами. Именно об этом сегодня нам напоминает Церковь через евангельский отрывок, через эту притчу.

Давайте задумается.

Да хранит вас Господь!

Неделя о Страшном суде.

27.02.2022. Литургия.

1 Кор 8:8–9:2

Мф 25:31–46

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня у нас по календарю – Неделя о Страшном суде. Это воскресенье называется так, потому что в этот день всегда читается тот Евангельский отрывок, который мы только что слышали и который многие

называют «Притчей о Страшном суде». Ну, во-первых, это вовсе не притча. Притча всегда некое иносказание. А здесь Господь говорит прямым текстом. Здесь использован всего лишь некий образ разделения, как пастырь разделяет овец и козлов, так разделяются люди по принципу того, как они жили. И речь идёт собственно не столько о суде, сколько о встрече с Богом. И вот какой может быть эта встреча, во многом зависит от нас. Да, это в какой-то степени суд. Да, это в какой-то степени «страшный» суд. И страшен он своей неотвратимостью – хотелось бы на это обратить особое внимание. Многие люди считают... многие люди неверующие считают, что физическая жизнь кончилась – и всё. А дальше ничего нет. Поэтому старайся, ищи удовольствие здесь, в этой жизни. Постарайся урвать от неё как можно больше, схватить всё – потому что там ничего не будет. Кто-то, порой даже люди, считающие себя верующими, считают: ну, кто жил праведно, тот получит вечную жизнь, а кто жил грешно – тот умрёт и все, помер и помер. Нет, родные. Всем придётся встретиться с Господом. И всем придётся отвечать за свою жизнь. Именно поэтому и страшен этот суд: своей неизбежностью, неотвратимостью. Но не теми критериями, не тем кодексом, по которому он будет совершаться. Многие считают, что самое главное, чтобы обрести жизнь вечную, это сохранить верность, сохранить веру в Бога, сохранить веру во Христа. Но при этом под верой, под верностью Богу они понимают верность обрядам или, что ещё печальнее, каким-то обычаям старины. И в Евангелии мы читаем, постоянно сталкиваемся с тем, что Господь осуждает это, осуждает обрядоверие, осуждает эту верность «преданиям старцев» и так далее,

и тому подобное. Другие считают, что верность Богу – это верность каким-то догматическим формулировкам, формулам, это верность некоему учению, такому схоластическому учению, понятиям о Боге, каким-то представлениям и так далее. Но сегодняшний Евангельский отрывок говорит нам совсем о другом. Верность Богу – это верность Его любви. Бог есть Любовь. Бог хочет, чтобы все спаслись. Бог – Спаситель всех человеков. И быть верным Богу – это значит быть верным этому желанию, чтобы все спаслись. Верить в то, что Бог есть Спаситель всех человеков. Верить в то, что Бог есть Любовь. И судить нас будут не по тому, в какую церковь мы ходили, на каком языке мы разговаривали, какие молитвы мы читали, а по тому, как мы любили. И любили ли мы вообще. Это очень важно понять. Особенно, может быть, сейчас, в это время, когда все вдруг рухнуло, всё вдруг перевернулось, – как бы по щелчку тумблера. И многие спрашивают: ну где же Бог? Где Господь?

Он сейчас с теми, кто голоден, кто раздет, кто болен, кто страждет, кто в плену, кто умирает от ран... Он сейчас с теми, кому плохо. И Он хочет, чтобы мы были вместе с ними. Но мы можем быть с теми, с кем Он. С теми, кому плохо. С теми, кто страждет. Именно по этому критерию нас будут судить на встрече с Богом. Мы сами себя будем судить там. Своей жизнью. Давайте задумаемся. Церковь в последнее, предпоследнее воскресенье перед Великим постом старается говорить с нами о самом главном через Евангельские тексты. Важно понять, что это действительно главное. Всё остальное вторично.

Да хранит вас Господь!

IN MEMORIAM

Жанна Мария Гийом
(Jeanne Guillaume, 1932–2023)

Алла Калмыкова

ПРОЛАГАВШАЯ ПУТЬ ХРИСТУ

27 января 2023 года отошла ко Господу Жанна Мария Гийом чьи жизнь и христианское служение были особым образом связаны с Россией.

У большинства людей выбор жизненного пути проходит в юности, и решающую роль в этом выборе играют учителя, наставники, близкие друзья. «Он создал нас, он воспитал наш пламень, / Поставлен им краеугольный камень, / Им чистая лампада возжена», – писал Пушкин об одном из своих лицейских учителей. Жанне Гийом тоже посчастливилось встретить людей незаурядных, ставших для неё ориентирами, наставниками, единомышленниками.

А началось всё с летних каникул, когда юная студентка физмата решила поработать в лагере, где отдыхали девочки из семей русских эмигрантов. В Медоне близ Парижа находился всемирно известный теперь Русский центр; в двух действовавших при нём интернатах – св. Георгия и св. Ольги – обучались раздельно мальчики и девочки. Так Жанна впервые окунулась в русскую среду, познакомилась с православным богослужением – оно и прежде привлекало её. Быть может, живые свидетели русской катастрофы, а ещё – страшный опыт фашизма, через который прошла Европа, и в частности – пережившая гитлеровскую оккупацию Франция, отвратили её от искушения руководствоваться любыми идеологическими доктринами, от соблазна

радикального переустройства мира принудительным путём. Жанна искала иного – жизни на глубине, жизни с Богом, и именно потому, что искала, Господь послал ей удивительного «проводника» – отца Рене Вуайома.

Священник и богослов, последователь св. Шарля де Фуко, основатель общины Малых братьев Иисуса и других христианских объединений, о. Рене в 50-х–60-х годах прошлого века часто встречался со студентами и рабочими, беседовал с ними о том, как строить жизнь в согласии с Богом, как в гуще повседневности помогать другим людям приблизиться ко Христу и следовать за Ним. Идею общинной, братской жизни в миру, проповеди не словом, но смиренным служением людям Жанна восприняла от о. Рене Вуайома, Мадлен Дельбрель и других лидеров христианских групп.

Через некоторое время Жанна стала членом общины св. Иоанна Крестителя. Отец Жан Даниелу – ещё одна яркая личность, чьё влияние на Жанну Гийом стало определяющим для её будущего пути. Блестяще образованный иезуит, во время Второй мировой войны служивший в BBC, дважды доктор теологии, специалист по патристике (его диссертация была посвящена св. Григорию Нисскому), профессор, преподаватель раннехристианской литературы и истории, о. Жан в 1943 году основал Кружок св. Иоанна Крестителя, основной целью которого была подготовка к миссионерскому служению. В этой общине серьёзное внимание уделяли религиозному образованию: изучали основные богословские дисциплины, библеистику, наследие отцов Церкви и др. Много говорилось и о необходимости вести межконфессиональный диалог, о поисках путей христианского единства в разобщённом мире. Образ

Иоанна Предтечи, чьё имя носила община, стал для Жанны примером самоотречения и подвижничества во имя Господа, Которому каждый верующий христианин должен пролагать путь в этом мире. Миссионерство она осознала как личное призвание и стала изучать язык, культуру, историю России, которую уже приняла в своё сердце, а теперь избрала как страну, где ей хотелось бы нести своё служение.

Своего рода связующим звеном между молодой французской христианкой и советской Россией, отделённой от мира непреодолимым железным занавесом, стал отец Пётр (Бернар) Дюпир – выпускник Руссикума, католический священник, служивший в Свято-Троицкой церкви византийского обряда в Париже. Он был сооснователем и руководителем Центра русской культуры с забавным названием «У двух медведей», где Жанна пополняла свои знания о православии и об особенностях советской жизни. После прошедшего в 1957 г. в Москве Всемирного фестиваля молодёжи и студентов власти СССР решились приоткрыть наглухо заколоченную дверь в «большой мир»: стал возможен въезд в страну иностранных туристов из капиталистических стран. Это открыло для Жанны путь к осуществлению её мечты.

Отец Бернар Дюпир предложил Жанне работу секретаря посла Люксембурга в Москве. После некоторых колебаний, связанных с недостаточным, как она полагала, знанием русского языка, предложение было принято. К счастью, в Москве у Жанны была хорошая знакомая – Ася Дурова, которую знали и чьей помощью пользовались многие христиане из круга отца Александра Меня. Об этой замечательной женщине рассказал

русскому читателю Ив Аман в книге «Александр Мень. Свидетель своего времени», вышедшей в начале 90-х гг. в Москве. Ася работала во французском посольстве, и её дипломатический статус позволял привозить из-за рубежа духовную литературу, а на Запад переправлять рукописи отца Александра для брюссельского издательства «Жизнь с Богом». Дружившая со многими православными христианами, Ася ввела Жанну в их круг и помогла освоиться в новом для неё мире. Жанна научилась даже платочек «по-православному» повязывать, а знали её московские христиане по второму имени – Мария: это был своего рода пароль. В православных храмах эта скромная молодая женщина ничем не привлекала к себе внимания, хотя занималась, с точки зрения властей, самой настоящей подрывной работой: ломала барьеры предубеждения и недоверия по отношению к западным христианам.

На службы Жанна ходила и во французский католический храм св. Людовика на Малой Лубянке. Наставления Аси Дуровой помогли ей различать среди молящихся сотрудников близлежащего ведомства и уклоняться от контактов с ними. Пришлось осваивать правила конспирации. Нарушая запреты, Жанна вместе с православной подругой порой пересекала запретную для иностранцев черту, выезжая далеко за пределы Москвы, чтобы навестить стареньких монахинь из третьего доминиканского ордена, каким-то чудом уцелевших в годы сталинских репрессий. Благодаря Жанне многие престарелые люди, у которых были родственники за границей, смогли установить с ними связь. Теперь уже кажется странным, что не только навещать друг друга – даже письма получать из-за рубежа было в те

годы запрещено и опасно. Жанна стала тайным почтальоном для таких стариков, которых удавалось по-радовать, кроме весточек от родных, и дефицитными продуктами, и кое-какими вещами. Но не эти дары, а тепло её любящего и сострадающего сердца согревало одиноких людей, чьи семьи были безжалостно разрушены историческими катаклизмами.

Когда эта энергичная, весёлая женщина впервые появилась в редакции «Истины и Жизни», мы и не подозревали, что именно благодаря её помощи прибыл из Парижа дипломатическим багажом первый компьютер, с которого начинался наш журнал. Знали об этом лишь главный редактор и учредитель первого в постсоветской России независимого христианского журнала отец Александр Хмельницкий и Владимир Юликов, директор, вскоре созданной благодаря немецким католикам, типографии. Жанна неохотно рассказывала о себе, только заметила, смеясь: «Ехала в Россию на два года, а задержалась на двадцать три». Уже выйдя на пенсию и уехав в 1991 году к себе на родину «насовсем», она не смогла расстаться со страной, которую полюбила и которой отдала так много: раз в год Жанна появлялась в Москве и непременно приходила к нам в редакцию.

Служение её не окончилось с отъездом во Францию: в 2000 году она учредила у себя на родине общество друзей «Истины и Жизни» – Ассоциацию «*Vérité et vie*», которая объединила около ста человек – подписчиков и благотворителей, воспринявших призыв Христа «да будут все едино» как руководство к действию. Будучи президентом Ассоциации, Жанна Гийом устраивала ежегодную конференцию друзей, где, помимо финансового отчёта, обязательно делалось сообщение о работе

журнала, о расширении круга подписчиков. Кроме этого, тоже раз в год, она рассыпала информационные письма всем членам, прилагая к письму сделанный ею же перевод на французский язык особо заметной, с её точки зрения, публикации.

В 2005 году, когда «Истина и Жизнь» отмечала своё 15-летие, Жанна Гийом прислала в редакцию очень тёплое письмо, где ни словом не обмолвилась о собственной работе, без которой журнал, скорее всего, прекратил бы существование в «лихие» постперестроечные годы. «Редкое издание, – писала Жанна, – родившееся в непростое время после падения советского режима, сумело не просто выжить в России, но и набрать высоту... В качестве президента Ассоциации... я хотела бы призвать, вдохновить вас продолжать это благое дело... Французы, члены Ассоциации, владеющие русским языком, очень высокого мнения о качестве материалов, оформления и печати журнала... Мы ценим, что вы обращаетесь к разным аспектам жизни человека, к разным культурным традициям, к проблемам духовности, нравственности, философии, искусства и освещаете их с точки зрения христианства... Недавно... профессор Ив Аман заметил, что “Истина и Жизнь” продолжает в России дело евангелизации, начатое отцом Александром Менем. Наша мечта – чтобы журнал распространялся в разных странах... чтобы как можно больше людей знакомились с его богатым содержанием ради собственного блага и во славу Божию. Это очень важно».

Не в похвалу журналу, которого давно уже нет, привожу эту цитату, а чтобы услышать ещё раз голос Жанны и отдать дань её душевной щедрости, тому

подлинно христианскому самоумалению, которое было духовно усвоено ею от Предтечи, осознававшего своё предназначение как пролагателя пути для Идущего за ним. Когда мы приняли решение, по объективным причинам, закрыть журнал, Жанна не ушла на покой, хотя вполне имела на это право. Она и её Ассоциация стали поддерживать альманах «Христианос», который упорно продолжает своё служение христианскому проповеданию и единству.

Когда мы в последний раз встретились с Жанной в нашей редакции, она сказала, что, подобно Иоанну Предтече, выполнила своё задание. Не будет ошибкой по-редакторски заменить скромное, такое обыденное слово «задание» другим: миссия. Жанна Гийом исполнила свою миссию на земле. Светлую и благодарную память о ней будут хранить все, кто знал её и имел счастье делать вместе с ней главное христианское дело – свидетельствовать о Христе и по мере сил готовить для Него путь.

*Москва
Февраль 2023 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Дневники. Воспоминания. Письма. Свидетельства. Проповеди	5
---	---

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯЩЕННИКА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

Дневниковые записи Георгия Чистякова	11
--	----

Свящ. Георгий Чистяков

«Слово Божие и молитвослов в жизни прихода»	29
---	----

Воспоминания об отце Георгии

Иеромонах Иоанн (Гуайта)

«Человек, влюблённый в Христа»	37
--------------------------------------	----

Свящ. Владимир Зелинский

Жизнь как исповедание	65
-----------------------------	----

Свящ. Яков Кротов

Отец Георгий Чистяков, священник-гуманист	71
---	----

Наталья Большакова-Минченко

«У нас самое главное – Христос»	77
---------------------------------------	----

Прот. Олег Батов

Отклик на смерть отца Георгия	82
-------------------------------------	----

Иеромонах Михаил (Евельсон)

«Вспоминая о. Георгия...»	85
---------------------------------	----

**ИЗ АРХИВА
РОЗЫ МАРКОВНЫ ГЕВЕНМАН
ПИСЬМА
ВЕРЫ ЯКОВЛЕВНЫ ВАСИЛЕВСКОЙ**

Михаил Куинн

«...Кажется, что души наши
где-то склонились у одного источника»

Письма В. Я. Василевской Р. М. Гевенман 93

Роза Гевенман

Моя дружба и переписка с В. Я. Василевской 96

Роза Гевенман

«Я помню Леночку» 107

Роза Гевенман

«Неугасимый свет». *Памяти о. А. Меня* 114

Письма Веры Яковлевны Василевской

Розе Марковне Гевенман 139

**СВЯЩЕННИК-КАПУЦИН OFM САР.
СТАНИСЛОВАС ДОБРОВОЛЬСКИС
(1918–2005)**

Наталья Большакова-Минченко

Открой входящему дверь 261

Мария Пранцишка Чепайтите

«Вступление» к книге «Патер» 263

Вертикаль в жизни патера
Беседа с Марией Пранцишкой Чепайтите 268

Из проповедей о. Станисловаса
Добровольскихиса 283

Светлана Долгополова
В Божьем мире 294

Свящ. Владимир Зелинский
Два пастыря 299

К 88-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Ирина Языкова
Отец Александр Мень как европеец 311

Адриано дель Аста
Единство веры и разума
(Видение о. Александра Меня) 324

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Свящ. Владимир Лапшин
Проповеди 335

IN MEMORIAM

Алла Калмыкова
Пролагавшая путь Христу
(Памяти Жанны Гийом) 363

TABLE DES MATIÈRES

Journaux intimes. Souvenirs.	
Lettres. Témoignages. Homélies.	5
 POUR LE 70e ANNIVERSAIRE DE LA NAISSANCE DU PÈRE GEORGES TCHISTIAKOV	
Extraits du journal de Georges Tchistiakov	11
 Père Georges Tchistiakov	
« La Parole de Dieu et le Livre de Prières dans la vie de la paroisse ».....	29
 Souvenirs sur le père Georges	
 Hiéromoine Ioann (Guaita)	
« Cet homme aimait tant le Christ »	37
 Prêtre Vladimir Zélinsky	
Vivre, c'est confesser le Christ.....	65
 Père Yakov Krotov	
Le père Georges Tchistiakov comme prêtre humaniste	71
 Natalia Bolchakova-Mintchenko	
« Pour nous, le plus important, c'est le Christ ».....	77

Archiprêtre Oleg Batov	
Réactions à la mort du père Georges Tchistiakov	82
Hiéromoine Michel (Evelson)	
Nous souvenant du père Georges	85
DANS LES ARCHIVES	
DE ROSA MARKOVNA GEVENMAN	
LETTRES	
DE VÉRA YAKOVLEVNA VASILEVSKAYA	
Mikhaïl Kounine	
« ...Il semblerait que nos âmes	
Se soient penchées à la même source »	
<i>Lettres de V. Ya. Vasilevskaya à R. M. Gevenman</i>	93
Rosa Gevenman	
Mon amitié et ma correspondance	
avec V. A. Vasilevskaya	96
Rosa Gevenman	
« Je me souviens de Lénotchka »	107
Rosa Gevenman	
« La lumière sans déclin »	
<i>À la mémoire du père Alexandre Men</i>	114
Lettres de V. Ya. Vasilevskaya	
à R. M. Gevenman	139

**LE PRÊTRE CAPUCIN OFM CAP.
STANISLOVAS DOBROVOLSKIS
(1918–2005)**

Natalia Bolchakova-Mintchenko	
Ouvre la porte à qui veut entrer.	261
Marija Pranciška Čepaitytė	
« Introduction » au livre intitulé <i>Pater</i>	263
La verticale dans la vie du <i>Pater</i>	
Entretien avec Marija Pranciška Čepaitytė	268
Homélies du Père Stanislovas Dobrovolskis	283
Svetlana Dolgopolova	
Dans le monde de Dieu	294
Prêtre Vladimir Zélinsky	
Deux pasteurs.....	299
POUR LE 88e ANNIVERSAIRE DE LA NAISSANCE DE L'ARCHIPRÊTRE ALEXANDRE MEN	
Irina Yazykova	
Le Père Alexandre Men : un Européen.....	311
Adriano dell'Asta	
L'unité de la foi et de la raison	
(La vision du P. Alexandre Men)	324

LA PAROLE DU PASTEUR**Prêtre Vladimir Lapchine**

Homélies 335

IN MEMORIAM**Alla Kalmykova**

Celle qui a montré le chemin vers le Christ

(*À la mémoire de Jeanne Guillaume*) 363

CONTENTS

Diaries. Memories.	
Letters. Testimonies. Sermons	5
TO THE 70TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PRIEST GEORGES CHISTYAKOV	
Georges Chistyakov's diary entries.....	11
Priest Georges Chistyakov	
“The Word of God and Prayer book in the life of the parish”	29
Memories of Fr Georges	
Hieromonk Ioann (Guaita)	
“A man in love with Christ”.....	37
Priest Vladimir Zelinsky	
Life as confession of faith	65
Priest Yakov Krotov	
Father Georges Chistyakov, a humanist priest	71
Natalia Bolshakova-Minchenko	
“The most important for us is Christ”	77
Archpriest Oleg Batov	
Response to Fr Georges's death	82

Hieromonk Michael (Evelson)	
“Remembering Fr Georges...”	85
 FROM ROSA MARKOVNA GEVENMAN’S ARCHIVE	
VERA YAKOVLEVNA VASILEVSKAYA’S LETTERS	
 Michael Kunin	
“...It seems that our souls bowed somewhere at the same source”	
<i>Vera Ya. Vasilevskaya’s letters</i> to Rosa M. Gevenman	93
 Rosa Gevenman	
My friendship and correspondence with Vera Ya. Vasilevskaya	96
 Rosa Gevenman	
“I remember Lenochka”	107
 Rosa Gevenman	
“Unquenchable Light.”	
<i>In memory of Fr Alexander Men’</i>	114
 Vera Ya. Vasilevskaya’s Letters	
To Rosa M. Gevenman	139

**CAPUCHIN PRIEST OFM CAP.
STANISLOVAS DOBROVOLSKIS
(1918–2005)**

Natalia Bolshakova-Minchenko	
Open the door for him who enters	261
Marija Pranciška Čepaitytė	
“Introduction” to the book <i>Pater</i>	263
Vertical dimension in Pater’s life	
Conversation with Marija Pranciška Čepaitytė	268
From the sermons of Fr Stanislovas	
Dobrovolskis	283
Svetlana Dolgopolova	
In God’s world	294
Priest Vladimir Zelinsky	
Two pastors	299
TO THE 88TH ANNIVERSARY FROM THE BIRTH OF ARCHPRIEST ALEXANDER MEN’	
Irina Yazykova	
Father Alexander Men’ as a European	311
Adriano del Asta	
The unity of faith and reason	
(<i>Fr Alexander Men’s vision</i>)	324

PASTOR'S WORD**Priest Vladimir Lapshin**

Sermons	335
---------------	-----

IN MEMORIAM**Alla Kalmykova**

She, who was making way to Christ	
-----------------------------------	--

(<i>In memory of Jeanne Guillaume</i>).....	363
---	-----

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Менья
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2023)**

**Альманах «Христианос» – выпуск I – XXXII
Альманах «Отчий Дом»**

Книги:

**Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»**

**«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерая Александра Менья**

**«Крестный Путь».
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея**

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

**Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)**

**Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов**

София Рукова «Отец Александр Мень»

**Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(*«Relīģijas pirmsākumi»*) на латышском языке**

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталья Большакова

«Христианство осуществимо на земле»

(История создания и жизнь монастыря

Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция)

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Коринфянам,

Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послания к Фессалоникийцам,

Послание к Римлянам – Беседы»

Наталья Большакова

«Жизнь и служение

епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Филиппийцам,

Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,

Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Титу,

Послания к Тимофею,

Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»

Статьи. Проповеди. Беседы

Участие в издании:

Протоиерей Александр Мень

«Благослови молитву мою» («Svētī manu lūgšanu») на

латышском языке в сотрудничестве с изд-вом

«KALA Raksti» (Rīga)

Участие в издании:

Протоиерей Александр Мень

«Сын Человеческий» («Cilvēka Dēls») на латышском

языке в сотрудничестве с изд-вом «KALA Raksti»

(Rīga)

**Alexander Men'
International Charity Society**

Riga Latvia
Phone: +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com
www.hristianos.com